

Александр Грязев

Калифорнийская славянка

Александр Грязев

Калифорнийская славянка

Исторический
роман

Вологда
2011

ББК 84(2-Рус)6

Г

Издание осуществлено при поддержке
Губернатора Вологодской области В. Е. Позгалева
и Вологодского областного отделения
Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»

Грязев А. А.

Калифорнийская славянка. Исторический роман. – Вологда: ИНП «ФЕСТ», 2011. – 304 с.

Исторический роман о первых годах Русской Америки, о приключениях девушки-славянки, взятой в плен пиратами у берегов Аляски и ставшей вождем одного из племен калифорнийских индейцев, о строительстве на тихоокеанском берегу в ста милях севернее испанской миссии Сан-Франциско русского форта Росс.

ISBN 978-5-905099-08-3

© Грязев А. А., 2011

© ИНП «ФЕСТ», Вологда, 2011

*Внучке Катеньке
посвящаю*

От автора

В начале девятнадцатого века на тихоокеанском побережье России и на аляскинских берегах Америки действовала торгово-промышленная Российско-Американская компания. С того самого времени в обиход прочно вошло понятие «Русская Америка».

Вот о нескольких годах освоения американских берегов и продвижения русских людей до Калифорнии, где в 1812 году была основана русская крепость Росс для снабжения продовольствием поселений промышленных людей Российской-Американской компании на Аляске, и написан этот исторический роман.

Главным правителем российских владений в Америке А. А. Барановым строительство форта Росс было поручено его помощнику И. А. Кускову, уроженцу города Тотьмы Вологодской губернии.

Русская крепость была построена на океанском берегу, на земле, не принадлежавшей ни одному из государств, а купленной у калифорнийских индейцев, недалеко от устья реки с названием Славянка. Все лето 1812 года русские и алеуты рубили крепостные стены и дома новой своей оседлости, а 30 августа на высокой мачте был поднят флаг Российской-Американской компании.

Следует заметить, что в инструкции, данной А. Барановым И. Кускову, предписывалось «строго воспретить и взыскивать малейшие противу туземных обитателей … дерзости и обиды, а стараться всячески, как вам самим, так и всем подчинённым, снискать дружбу и любовь, и не страхом преимущества, в огнестрельных орудиях состоящего, какового не имеют народы, но разными благословенными, от человеколюбия производимыми приманками вежливости, а иногда и соразмерными подарками… Воспретя также строго ни малейшей бездельной никому даром не брать от них вещи даже из кормовых припасов ни куска, а платить за всё потолику нашими, какие им приятны будут, товарами и безделушками»…

Предписывалось также отбирать из числа индейцев мальчиков и учить их русскому языку, чтобы они могли служить tolмачами, изучать обычай местных жителей и составлять словарь их языка.

Таким образом, освоение русскими людьми американского побережья шло не огнём и мечом, а полюбовным согласием на основе взаимной выгоды.

Среди героев романа – русская девушка Алёна, дочь морехода. Драматические отношения этой юной славянки с любимым человеком, с индейцами Калифорнии, её жизнь, полная приключений, дают понять второй смысл названия. Роман «Калифорнийская славянка» может стать увлекательным и полезным чтением о жизни первых наших землепроходцев на островах и берегах Русской Америки.

Ныне крепость Росс является музеем-заповедником штата Калифорния. В городе Сан-Франциско действует Общество друзей форта Росс, а по калифорнийской земле всё так же течет Славянка. Только теперь она называется Русская река.

ЧАСТЬ I

Глава первая

Вайнака, вождь племени макома, медленно шёл по тропинке, вытоптанной за долгое время его босоногими соплеменниками и вьющейся вдоль речного берега до самого устья родной реки, где она встречалась с океаном.

Вайнака был уже стар, потому шагал неторопливо, положив руку на плечо своего поводыря – маленького Вука, который во всем помогал вождю с тех пор, как тот почувствовал, что былье силы стали покидать его.

Вскоре они пришли на высокий океанский берег. В этом месте он обрывом спускался к широкой отмели. Слышно было и видно, как там, внизу, на песчаную отмель то и дело с шумным плеском накатывались морские волны. Прямо перед ними предстал необозримый простор Большой Воды, а в самой его дали, там, где синее небо соединялось с нею, казалось, что океан поднимался на одну высоту с берегом, где стояли индейцы. Океан был сейчас спокоен. Вайнака и Вук молча смотрели на открывшуюся перед ними водную ширь, а потом присели на мягкую траву у самого обрыва.

Вождю нравилось приходить сюда, и он часто это делал, когда племя кочевало вблизи долины реки. Тут же под обрывом находилась священная пещера племени, где он со своими старейшинами и шаманом молился богу океана перед началом или завершением любого важного дела в жизни племени. Вой-

ти в пещеру можно было только со стороны песчаной отмели, а спуститься туда удастся лишь по пологому склону, пройдя еще немного влево морским берегом.

Но Вайнака пришел сюда совсем не для того, чтобы побывать в священной пещере. Ему казалось, что в жизни его приходит время, когда что-то самое дорогое он видит в последний раз, хотя никому из людей его племени не дано знать, что так и есть на самом деле. Вайнака с благоговением и страхом относился к Большой Воде. Океан был широк, могуч, грозен и таинственен. Точно так же, как звездное небо ночью.

Вождь перевел взгляд на устье реки. Всякий раз, глядя на это место, он вспоминал о том дивном случае в жизни племени макома, какой произошел здесь много-много времени назад. А сам Вайнака был в таком же возрасте, что и маленький Вук, сидевший сейчас рядом с ним...

...В тот ясный и далекий теперь уже день в селение племени прибежали мужчины, ловившие рыбу недалеко от устья, и сказали, что в реку из океана приплыл огромный остров с высокими деревьями и большими белыми листьями на них. Это было так необычно, что почти все люди макома во главе с вождем побежали смотреть на явившееся в их реку чудо.

То, что они увидели, и впрямь походило на остров, но не на земляной, с травой и деревьями, как на их реке. Был он весь из дерева, похожий на огромную лодку, со свежим полуденным ветром зашедшей в реку, подальше от бурных океанских волн. Люди племени макома наблюдали за этой необычной лодкой издалека, но не решались подходить близко. Они видели, как с лодки сходили на берег необычные же люди в белых одеждах. Такими же были их лица и волосы. Ничего подобного макома никогда не видели.

Они считали себя мирными людьми, а пришельцы тоже не проявляли никакой воинственности. Даже, наоборот, старались добрыми знаками расположить к себе индейцев. И это им удалось: макома подружились с белыми людьми. Стали помогать им добывать пропитание: охотились на зайцев и оленей, ловили рыбу. Белые же люди отвечали индейцам многими и разными подарками.

Долго или нет потрепанный морским ураганом корабль-остров белых людей стоял у речного берега, Вайнака не помнил, но видел, как в одно солнечное утро свежий ветер подул с берега в океан, наполнил белые паруса-листья, и корабль ушел в неведомую океанскую даль, оставив по себе добрую память и нужные в жизни людей макома дары: топоры, ножи, гвозди, котлы, мисы. Во многих семьях племени даже сейчас теми дарами пользуются.

Речную же долину с тех самых дней зовут макома Долиной Белых Людей и считают тех пришельцев посланцами богов...

...Много позже, когда Вайнака стал уже воином своего племени, на эти земли и берега пришли другие бледнолицые люди, но они были совсем не похожи на тех давних белых. С первых же дней они стали охотиться на макома и людей других племен, как на зверей, даже убивать их. Новым пришельцам нужны были работники на постройку своего поселения, а потом они принуждали индейцев возделывать их поля и огороды, молиться их богам. Так поступали новые белые с вольными людьми макома на их же земле. Но что можно было сделать против ружей и пушек пришельцев, когда у воинов племени в руках только луки со стрелами?

Одно понимали соплеменники Вайнаки: новые белые люди не посланцы бога океана. Только через какое-то время узнали индейцы макома от вакеров-переводчиков на молениях, что те пришли из другой земли, лежащей далеко за океаном, какую они называли Испанией, а себя испанцами...

... – Вождь Вайнака, – прервал воспоминания старика маленький Вук. – К нам кто-то бежит.

Вайнака оглянулся и увидел бегущего по тропе человека. И хотя тот был еще далеко, узнал в нем своего воина по раскрашенному белой глиной темному лицу.

Вскоре воин подбежал к вождю, и было видно, что он очень устал, а на лице его и теле блестели капельки пота.

– Вождь Вайнака, – заговорил воин, прерывисто и часто дыша. – Воины, которых ты послал... охранять... дубовую рощу... от людей племени калечи, убиты.

Тяжело такое слышать Вайнаке, но лицо его осталось по-прежнему спокойным.

– Садись, – сказал он воину-гонцу. – Говори... Где это случилось?

– У той самой рощи, – проговорил гонец и почти упал на землю.

– Все воины убиты?

– Почти все... Немногим из нас удалось убежать в лес.

– А мой сын Юкка? – с надеждой спросил Вайнака, пославший сына во главе воинов.

– Он был убит одним из первых... Если бы такое не случилось, то мы бы не отступили.

Вайнака молча воспринял и это известие...

...Раздор с соседним племенем калечи начался, когда те спустились на равнину с гор, где всегда обитали. Теперь же, ко-чужа по соседству с макома, калечи вдруг захватили их дубовую рощу, хотя она издавна принадлежала макома. В роще было изобилие желудей, основной их пищи. Хотелось всё уладить миром, и вот однажды на совете старейшин решено было позвать вождя калечи в баню для важного разговора, но разговора не получилось, а случилась жестокаяссора, и старейшины макома вождя соседей там, в бане, убили. Калечи объявили макома войну, которая продолжается до сих пор, унося многие жизни с той и другой стороны...

...Вайнака поднялся, так же, без слов, побрел по тропинке. Только теперь он шел еще медленнее, опираясь одной рукой на плечо Вука, а другой держась за воина.

Когда подошли к селению, Вайнака остановился, окинул взглядом разбросанные по речному берегу хижины родного племени. Почти возле каждой из них горел костер, а женщины и мужчины занимались своими домашними делами... Лишь у входа в жилище вождя костер был погашен.

Вайнака с помощью поводырей вошел в свою большую хижину и сперва сел, а потом прилег на покрытое козьими шкурами ложе.

– Скажите шаману Вываку, чтобы он собрал ко мне всех старейшин... Говорить буду, – тихо сказал вождь.

Вук выбежал из хижины, побежал к шаману, и вскоре к вождю стали заходить старейшины племени. Они рассаживались на земляном полу, устланном тоже звериными шкурами, и смотрели на лежащего перед ними вождя Вайнаку.

Вот он повернул к собравшимся соплеменникам свое исхудавшее, морщинистое лицо с глазами, полными печали и боли.

– Вы пришли... Я позвал вас... Братья мои... – заговорил медленно вождь, с трудом подбирая слова. – Я, ваш вождь Вайнака, ухожу к нашим богам ... и предкам. Скоро священная птица прилетит за мной... Я делал всё, чтобы люди моего племени жили хорошо... Чтобы их было больше... Но одно беспокоит меня...

Вождь замолчал, и все сидевшие перед ним мужчины замерли, ожидая его главного слова.

– Мои сыновья погибли, защищая наше племя от врагов, – продолжал Вайнака. – Теперь умираю я, но у меня нет наследника... Потому я хочу сказать вам свою последнюю волю: как только черная птица унесет меня к богам, то вы пойдите в священную нашу пещеру, и пусть шаман Вывак вместе с вами попросит у бога океана нового вождя. Если он не забыл нас и если мы не прогневали его, то он поможет...

Вождь, не договорив, повернул голову и закрыл глаза.

– Пойдем, – закивали головами старейшины.

– Пойдем.

– Пойдем.

– А еще наказываю тебе, шаман Вывак, и вам, старейшины, помириться с племенем калечи. От раздора пользы нет никакой...

Шаман Вывак, стоявший у самого изголовья вождя, в знак согласия склонил голову...

...И вот настал тот день, когда посреди индейской священной пещеры на высоком выступе океанского берега, куда вход не для каждого мужчины макома был доступен, ярко загорелся костер, освещая дрожащим неровным светом закопченные и оттого кажущиеся мрачными ее песчаные стены.

На земляном полу пещеры, устланном тростниковых циновками, сидели, сосредоточенно взирая на огонь, старейшины макома. Вокруг же костра, то медленно, то быстро перебирая босыми ногами, двигался шаман Вывак в накинутой на плечи

звериной шкуре, что-то бормоча, глухо ухая и крича разными голосами. Его черные лохматые волосы и лицо лоснились от пота, а в широко открытых и, казалось, безумных глазах отражалось пламя священного костра.

Внезапно в открытый вход пещеры ворвался сильный порыв ветра и со стороны океана послышался гул так же внезапно налетевшего урагана.

- Бог океана услышал нас! – воскликнул один из старейшин.
- Услышал!
- Услышал! – закричали другие.
- Он услышал и поможет нам!

Тем временем Вывак что-то незаметно бросил из своей ладони в затухающий костер, который мгновенно вспыхнул с новой силой. Шаман вскочил, и его пляска под удары собственного бубна продолжалась до тех пор, пока он сам в изнеможении опять не лег и не затих у догорающего костра...

...Когда буря так же быстро успокоилась, как и налетела, индейцы во главе с шаманом стали выходить из пещеры. Они прошли на песчаный береговой склон, затем двинулись к самой воде, чтобы омыться ею, очевидно, продолжая ритуал.

Зайдя в воду, индейцы ладонями ловили набегавшие волны и умывались, простирая руки к морской дали. Но вдруг они застыли в испуге и изумлении: прямо к ним из воды, словно из глубины океана, выходила женщина. Мокрые светлые волосы почти закрывали ее лицо и спадали на плечи.

Вид белой женщины, выходящей из морской воды, был таким необычным и таким неожиданным, что индейцы стали потихоньку пятиться с мелководья на песчаный берег. А она тоже, увидев перед собой людей, остановилась, посмотрела почему-то назад, а потом решительно двинулась к берегу.

Когда она вышла из воды на песок, то все стоявшие перед ней индейцы упали на колени, до самой земли склонив головы. Явно не понимая, что происходит, женщина, обессилен, опустилась на песок и без чувств повалилась навзничь.

Индейцы вскочили, подбежали к женщине, что-то лопоча на своем языке. Они подняли ее на руки и быстро пошли, почти побежали вдоль берега в сторону своего селения.

Глава вторая

Под жарким калифорнийским солнцем млеют, кажется, даже желтоватые стены глинобитных домов испанской крепости Сан-Хосе на океанском берегу. Прохладнее бывает только в тени, да когда дует со стороны океана свежий ветер.

В этот полуденный час в миссии малолюдно и тихо. И в сей тишине как-то странно и необычно звучит гитара, струны которой перебирает, сидя в тени караульного домика у самых ворот крепости, испанский солдат. Рядом с домиком на дозорной вышке слушает гитарные переборы его товарищ по службе и земляк. Может быть, он вспоминает сейчас их далекую родину, и эти воспоминания волнуют его душу. Может быть, поэтому он, прислонившись к столбу, на котором висит сигнальный колокол, мечтательно и грустно глядит в сторону недальнего леса...

Караульный на вышке оживляется лишь тогда, когда замечает на дороге, ведущей к миссии, толпу местных индейцев, сопровождающую несколькими солдатами и конным офицером. Это шли на обед работающие на полях и огородах испанских миссионеров местные жители – индейцы.

– Антонио! – крикнул с вышки солдат играющему на гитаре сослуживцу.

Тот, продолжая перебирать гитарные струны, повернулся голову и вопросительно глянул на товарища.

– Антонио! – вновь закричал солдат. – Лейтенант Лопес обедать ведет диких! Открывай ворота!

Смолкла музыка... Антонио унес в караулку гитару и вышел оттуда, держа в руках китель и ружье. Быстро надев китель, закинув за плечо ружье, Антонио пошел отворять крепостные ворота, к которым уже приближалась толпа индейцев, сопровождаемая солдатами и оттого похожая на стадо с пастухами.

Индейцы шли усталые, какие-то равнодушные, и не было среди них ни одного улыбающегося лица.

Вот первые из толпы направились было к одному из глинобитных домов, перед которым возле котлов сидели женщины-индианки, но лейтенант Лопес, замыкавший процессию верхом на лошади, громко крикнул:

– На молитву!

И толпа повернула к стоящей неподалеку низенькой церкви, где их ждал священник миссии падре Педро.

В темной сутане, перепоясанной светлым поясом, он дождался, когда все индейцы опустились перед ним на колени, и, воздев руки к небу, начал читать молитву.

И опять усталые индейцы смотрели равнодушно на все происходящее. Ни один из них, похоже, не знал испанского языка, на котором говорил отец Педро, а для сидящих перед ним на коленях индейцев слова молитвы переводил их соплеменник, вакер-переводчик.

После недолгой молитвы, всё так же сопровождаемые солдатами, индейцы двинулись к дому-кухне, рядом с которым прямо на земле стояли котлы с пищей. Повар-испанец, высунувшись из окна, выдал каждому индейцу деревянную ложку и большую хлебную лепешку.

Индейцы без толкотни расселись вокруг котлов, и видно было, что каждый из них знал свое место. Тот же испанец-повар в окне громко ударил поварешкой по дну медного таза, который он держал в руке, и по этому сигналу индейцы приступили к обеду.

Сопровождающие их солдаты сели за широкий стол под навесом у самой стены кухни, а пищу им стали подавать женщины-индианки.

Лейтенант Лопес подошел к столу вместе со всеми, но на свое обычное место не сел.

– Альварес, – обратился он к одному из своих подчиненных – сержантов. – Смотри здесь за порядком, а я пойду к капитану Муньосу.

– Слушаюсь, господин лейтенант! – поднялся с места и вытянулся по стойке «смирно» сержант.

Лопес зашагал к одному из домов возле церкви, в котором размещалась комендатура.

Капитана Муньоса, начальника крепости, он нашел в его рабочей комнате. Тот играл в шахматы со своим денщиком. Капитанский китель висел на спинке стула.

– О! – увидев вошедшего офицера, воскликнул капитан. –

Лейтенант Лопес... Что так рано? Ведь время нашей встречи после рабочего дня. Что-нибудь случилось?

– Вот именно – случилось, – мрачно ответил Лопес.

– Тогда другое дело, – сразу посерезнел Муньос.

Он встал из-за шахматной доски и махнул денщику рукой:

– Потом.

Денщик вышел, а Муньос подошел к офицеру.

– Так что же стряслось, лейтенант?

– Еще один побег диких, господин капитан. С плантации убежали трое индейцев.

– Еще трое, – нахмурился Муньос. – Это уже слишком, Лопес... Вы наказали виновных солдат?

– Если накажу, господин капитан, то останусь вообще без них. Да и за что наказывать? Людей не хватает, чтобы охранять всех индейцев... Короче говоря, мне еще нужны солдаты.

– Так где же я тебе их возьму, Лопес? Только-только хватает на охрану крепости и для работ за ее стенами. Я даже не знаю, что будет, если вдруг, не дай Бог, дикие нападут на нашу миссию. Такое уже случалось. И не только здесь. Ты ведь сам знаешь, как они нас не любят.

– Конечно. Еще бы не знать.

– Попробуйте искать убежавших.

– Это ничего не даст. Они убежали в горы. К тому же вокруг обитают десятки племен. И кто знает, куда дикие пошли... Нет, нужно пополнить рабочие казармы новыми индейцами... Необходимо поймать новых, господин капитан.

– Ты предлагаешь устроить охоту на индейцев?.. Ну, что же, Лопес, неплохая мысль. И я ее поддерживаю. А чтобы не тратить много времени, мы внезапно нагрянем прямо в их поселение. Я знаю одно такое на берегу реки, недалеко отсюда.

– Да, если они еще там обитают.

– Сперва я пошлю туда разведку. А ты, Лопес, вечером зайди ко мне, мы обсудим с тобой подробнее все детали предстоящего дела.

– Слушаюсь, господин капитан, – вытянулся и козырнул коменданту сразу повеселевший лейтенант Лопес.

...После обеда толпа рабочих-индейцев, подгоняемая солда-

тами, вновь пошла на выход из крепости через ворота, которые распахнул Антонио.

Затворив их, он пошел в караулку, и вскоре с ее невысокого крыльца опять полились чудные переборы испанской гитары.

Глава третья

Белая женщина, принесенная индейцами макома с берега океана, лежала в хижине вождя на мягких козьих шкурах. После пережитого в океанских водах ей было тепло и уютно, как не было в ее жизни уже долгое время, о котором сейчас и вспоминать-то не хотелось, а хотелось просто лежать и наслаждаться покоем. Поэтому она лишь приоткрыла глаза, когда в хижину почти неслышно вошла женщина с плетеной чашею в руках.

Лицо ее не было похожим на лица тех людей, которых она встретила, выйдя из морской воды. Оно было намного бледнее, с чуть раскосыми глазами.

- Где я? – спросила вошедшую женщину лежащая на ложе.
- О, заговорила! – по-русски воскликнула та и села рядом на корточки.
- Ты глаголешь по-русски? Откуда нашу речь знаешь?
- Я сразу догадалась, что ты русская. Вот откуда только – не знаю.
- С острова Ситхи, что у берегов Аляски. А ты?
- А я с Кадьяка.
- Я тоже там родилась. А как звать тебя?
- На Кадьяке Манефой крестили, а здесь кличут Шака. Отец мой – русский зверолов, а мать алеутка. А тебя как зовут?
- Алёна... Как же ты тут очутилась?
- Да как... Взяли меня на острове нашем морские разбойники. Похитили обманом, увезли сюда на своем корабле, а тут продали испанцам, да я сбежала... Давно это было...
- Так где же я? – повторила свой вопрос Алёна.
- В Калифорнии... Слышала про страну такую?
- Конечно. Мой батюшка – мореход и с Аляски не раз в эти

края хаживал. Эту сторону, говорил он, еще Новой Испанией зовут. Так?

– Вот, вот... Только испанцы здесь в своей крепости живут, а ты у здешних индейцев племени макома. Они добрые люди, и ты ничего не бойся. Они и меня приютили. За свою почитают... А про тебя говорят, что ты к ним из моря вышла. Так?

– Так-то так... Меня тоже пираты на Ситхе схватили да где-то здесь продать хотели.

– Наверное, в Сан-Франциско. Это в ста милях отсюда на берегу залива есть большая испанская миссия, куда разные корабли заходят.

– Может быть... Только на нас внезапно буря налетела, корабль пиратский разбило, а меня на какой-то доске к прибрежным камням принесло... Слава Богу. Но почему они, индейцы, когда я на берег к ним вышла, то передо мной ниц пали?

– У них недавно умер вождь. Вот по его завету и пошли старейшины с шаманом молиться своему морскому богу, чтобы тот дал им нового. А после моления в священной пещере на берегу они увидели тебя, когда ты из моря выходила. Ты им, говорят, послана самим богом океана. Вот и пали ниц перед тобой, принесли тебя на руках в хижину вождя. Видишь – ружье его и лук со стрелами.

– А теперь что со мной будет?

– Ничего плохого. Поправишься, и тогда придут к тебе старейшины, будут говорить с тобой. А о чем – мне неведомо. Теперь отдыхай.

– Но я не больно и усталая.

– Все равно тебе сейчас надо сил набираться. Мне же велено тебя кормить, поить и выхаживать.

– Но для чего? Я ведь тоже с той стороны прибыла, что и ты.

– Им сие неведомо. Для старейшин макома ты явилась после их долгой молитвы морскому богу.

– Но ведь я – русская. Я – белая.

– Да, ты белая... Старики-индейцы говорят, что когда-то давно тут на берегу реки появились однажды белые люди. Откуда они пришли – никто не знает. Может, их судно тоже разбилось в бурю... Долго ли они тут жили – мне неведомо. Потом

пришельцы куда-то делись. Индейцы же макома с той поры почитают белых людей почти что за богов, а место, где пришельцы жили, по сей день зовется Долиной Белых Людей... Так что, может, они тоже были русскими, славянами.

– Я тебя Маней звать буду...

– Зови... Мне даже лучше, – кивнула Манефа, затем поднялась и направилась к выходу. – А ты, Алёна, поешь, однако... Пойду воды согрею, потом опять к тебе приду.

– Погоди, Маня... А ты никогда не пыталась отсюда уйти?

– А куда же тут уйдешь? Разве что опять к испанцам.

– Нет... Домой, на Кадьяк. Ежели в здешние порты разные суда заходят, то, стало быть, и в нашу сторону идут.

– Нет, не пыталась. Далеко отсюда те порты. Да мне и здесь хорошо. Привыкла... А ты ужель обратно домой собралась?

– Я только об этом все время и думаю.

Алёна повернула голову, закрыв глаза...

Как же ей не думать о родимом доме, о батюшке с матушкой, о братце, о сестрице своей младшенькой да о любимом своем Ванечке, с которым разлучила ее судьба в самый день и час венчания в Божием храме там, на острове Ситха, у берега Аляски.

Да и как ей, родившейся от русских отца и матери, не называть своей родиной скалистые острова вдоль матерого американского берега за тысячи миль от российских берегов?

Она часто думала о том, когда, как и почему пришли к Аляске русские люди. Почему они, в том числе и ее батюшка, называют неуютную ту землю «землей российского владения». Алёна слышала об этом, но совсем немного, а всего она не знала, да и знать не могла.

Глава четвертая

...София-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, дочь Христиана-Августа, герцога Ангальт-Цербст-Бернбургского и Иоанны-Елизаветы, принцессы Голштейн-Этинской,

а попросту российская императрица Екатерина Вторая Алексеевна проснулась в своей спальне, как всегда, сразу после шести часов утра. Она сама оделась, прибрала себя, сполоснула лицо холодной водой из умывальника и сама же разожгла уложенные еще вечером дрова в камине.

Екатерина любила эти ранние утренние часы за то, что они принадлежали только ей одной, и никому больше. Она знала, что у дверей спальни и других личных комнат дежурят сейчас камердинеры, камермедхен да камерфрау. Но никто из них не посмеет войти сюда, пока она сама не позовет их тонким звоном своего серебряного колокольчика.

Да и совсем немного было у государыни Екатерины таких счастливых минут одиночества. Уже к девяти часам у дверей ее, убранной к тому времени, спальни собираются со своими бумагами статс-секретари, обер-полицмейстер, вице-канцлер или столичный губернатор, петербургский главнокомандующий или генерал-прокурор Сената – те, кому в этот день положено быть у императрицы для доклада. С этого самого часа государыня будет весь день среди людей, занимаясь различными делами почти до отхода ко сну где-то часов в десять вечера. Так что ей было за что любить эти первые после пробуждения утренние часы.

Екатерина еще с юности не любила никакой роскоши ни в одежде, ни в убранстве жилых своих покоев и придерживалась сего правила всегда и по сию пору. Вот и сейчас, надев простой белый капот и такой же белый чепец на голову, она в первый раз позвнила в колокольчик. Тут же отворилась дверь, и в ее рабочий кабинет вошел дежурный камердинер, которого она даже и не видела, находясь рядом в спальне. Он молча, как это делал ежедневно, поставил на секретер государыни большую фарфоровую чашку горячего и крепчайшего левантского* кофе да блюдце с гренками и так же молча удалился.

Екатерина перешла в кабинет, села за секретер и взяла в руки чашку с любимым напитком. Она вдохнула его аромат и даже зажмурилась от удовольствия. Сделав несколько глотков,

* Левантский – восточный, из Леванта (В. Даль).

государыня придвинула к себе лежащие на столе листы бумаги. Вчера она опять увлеклась сочинением своего Наказа для будущей комиссии по составлению новых российских законов. Уже не один месяц каждое утро она садится и пишет свой Наказ, а конца и края не видно сему писанию. Но она не отчаивается. Это писание да чтение древних и современных мыслителей стало ее подлинной страстью. Да и кому, как не ей, наказать будущим депутатам думать и принимать законы о власти самодержавной, о суде и расправе, о воспитании, о торговле, образовании, о городах российских и их населении, о государственных доходах и расходах... Ох, как много ей еще придется думать и писать...

Вот и вчера, увлекшись писанием поздним вечером, чего почти никогда не делала, она даже записочки своему любимцу Грищенке Орлову не послала, чтобы пришел к ней ночку скротать. Вот, поди, метался в своих комнатах, увидев запертою потайную дверь в ее покой. Ну да ничего. Пусть помечется — крепче любить будет...

Екатерина взяла новое белое перо и, омакнув его в чернильнице, склонилась над белым же листом бумаги.

...Но долго ей заниматься своим любимым делом в сегодняшнее утро не пришлось. За дверьми кабинета послышались какие-то голоса, коих в такой ранний час быть не должно. Хотя на каминных часах уже почти девять утра и к этому времени первые докладчики-секретари должны находиться в зале.

Императрица вновь позвонила в колокольчик, и в кабинет тотчас же вошел один из ее четырех статс-секретарей — граф Олсуфьев.

— Доброе утро, матушка государыня. Как ночевали? — заботливо произнес он, склонившись в поклоне у самой двери.

— Доброе, доброе, Адам Васильевич. Всё слава Богу, — приветливо улыбаясь, ответила Екатерина. — А что там за шум у моего порога?

— Так прискакал к вам нарочный гонец, государыня, из самой сибирской стороны, от тамошнего тобольского губернатора Чичерина. Вот дежурный офицер громко и просил вам срочно дождожить и пакет передать, — и Олсуфьев кивнул на серебряный

поднос, который держал в руках. – Вы уж извините за беспокойство, Ваше Величество.

– Ничего, ничего, граф. Да к тому же и офицер прав. Его не ругайте... Ну и что там? – показала Екатерина на конверт.

– На пакете начертано: «Императрице Екатерине Алексеевне... везти денно и нощно, нигде не удерживая».

– Что же мне так срочно хочет поведать Денис Иванович? Почитайте-ка, граф.

Олсуфьев достал из пакета бумажные листы:

– «Всепресветлейшей, державнейшей Великой Государыне, Императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской...»

– Постойте, постойте, Адам Васильевич, – прервала секретаря Екатерина. – Вы ведь знаете, что я этого не люблю... Мне суть послания изложите. Сами-то его прочли?

– Как же, государыня, читал. Поскольку срочное, – ответил Олсуфьев.

Граф Адам Васильевич был одним из самых опытных придворных чиновников императрицы. Крестник Петра Великого и выпускник Шляхетского кадетского корпуса, он еще во времена учения там был знатоком многих иностранных языков, которые ему легко давались. Потому-то он позже служил при русском посольстве в Датском королевстве секретарем у посланника Корфа, а возвратившись в Россию, служил в Коллегии иностранных дел. Был замечен при дворе и назначен даже личным секретарем императрицы Елизаветы Петровны, заведя ее доходами да сибирскими золотыми приисками.

Олсуфьев в свои сорок с небольшим лет умом и знаниями был необходим Екатерине, а она уважала людей, знающих в каких-то делах больше ее самой. Потому-то Адама Васильевича государыня любила не только как исполнителя, но и как дальновидного и мудрого советника.

– Ну так что вы там вычитали, Адам Васильевич? – негромко спросила Екатерина, и опять мягкая, добрая улыбка озарила ее лицо.

– Губернатор Сибири пишет вам, что камчатскими купцами были посланы на Алеутские острова мореход Степан Глотов да

казак Пономарёв. И те на боте «Святой Иулиан» дошли до самых дальних Алеутских островов, до Умнака и Уналашки. Тамошних жителей-алеутов они привели в российское подданство, а те острова отныне будут российского владения... Это, государыня, совсем недалеко от матерого американского берега. Губернатор Чичерин поздравляет вас с приобретением для России сих новых земель и богатых пушных промыслов.

– Ну что же, граф. Я весьма благодарна Денису Ивановичу за эту весть и полагаю, что ему надо послать нашу монаршую благодарность.

– Но это еще не всё, государыня.

– Что же еще?

– Денис Иваныч просит вас послать туда, на Алеутские острова, экспедицию для описания тех островов и составления чертежа их, после чего можно будет объявить всем, что те острова наши. Пока же сами мореходы делали свои чертежи углем да глиною. А для сего дела нужны морские офицеры да штурманы.

– Ну что же... Дело сие очевидное, и я согласна. Только надобно, я полагаю, о сем деле поговорить в Сенате с генерал-прокурором Вяземским.

– Он уже здесь, Ваше Величество, и я его в дело посвятил.

– Как здесь? Когда успел?

– Так ведь сегодня четверг, государыня. День его доклада по сенатским делам.

– Ах, да... Я совсем, видно, заработалась, что и дни недели забыла... Хотя совсем не мудрено – ведь я работаю как лошадь.

– Истинно так, государыня, – подтвердил Олсуфьев, – я говорю правду и нисколько не льщу вам.

– Спасибо, Адам Васильевич. Слава Богу, что хоть вы меня понимаете... Ну так зовите сюда князя без всякой очереди, коли дело столь спешное.

– Слушаюсь, – склонился в поклоне Олсуфьев и вышел из кабинета, а когда тут же возвернулся, то следом за ним в кабинет императрицы вошел генерал-прокурор Сената князь Вяземский.

Он был назначен на эту важную чиновную должность со-

всем недавно, но правил делами с великим тщанием, и Екатерина была им весьма довольна. Во всяком случае, за внутренние дела империи, за ее финансы да еще много за что она была спокойна, полагаясь на своего генерал-прокурора и ее доверенное лицо в Сенате.

– Здравствуйте, Александр Алексеевич, – приветствовала со своей неизменной улыбкой императрица вошедшего князя.

– Здравия желаю, Ваше Величество, – поклонился Вяземский и, подойдя к Екатерине, поцеловал протянутую ей императрицей руку.

– Как ваше здоровье, князь?

– Да пока Бог миловал, здоров.

– Ну и хорошо, коли так. А то ведь дел-то у вас много. Из-за сего даже уныние бывает. Нет ли его у вас теперь, Александр Алексеевич?

– Нет, государыня. Следуя вашему наказу, все тревоги и огорчения я всегда оставляю у порога дворца вашего, – улыбаясь, сказал Вяземский.

– Похвально, князь. Я не устаю всем повторять, что нельзя никогда предаваться мнительности и обидам, надо не унывать, а бороться с разными невзгодами, надеяться и верить в успех. Не так ли, Адам Васильич?

– Точно так, государыня, – подтвердил Олсуфьев.

– Тогда садитесь рядом, да поговорим ладком, – показала Екатерина на обитые белым с разводами шелком стулья и, смеясь, добавила: – Поболтаем...

А когда Вяземский с Олсуфьевым уселись, продолжила:

– Ну, коли вы, Александр Алексеевич, знакомы с письмом тобольского губернатора, то скажите о сем свое мнение.

– Да тут говорить много не надо, государыня. Предложение губернатора Чичерина следует принять. Ведь речь идет о приобретении новых земель в российское владение, новых людей в российское подданство, о закреплении нашем на всех островах Алеутских, а в будущем и на матером берегу Аляски. Промышленным людям от тамошнего пушного богатства прямая выгода, а, стало быть, и государству российскому. Вот вам, государыня, мое мнение.

– Спасибо, князь. Слова ваши меня обрадовали и убедили. Я никогда не стесняла ничьего мнения, но часто имела и имею свое собственное. Честно скажу я вам, что к той окраине империи я относилась прохладно, полагая, что сие дело далекого будущего, а ближайшие наши действия обращены должны быть на полуденные страны. Я и сейчас мечтаю о русском стяге на Черном море и о кресте на храме Святой Софии в Царьграде. Море должно быть русским, каковым оно и было, а Стамбул должен стать вновь Константинополем! Ужель я не права?

– Еще как правы, государыня, – заговорил Вяземский. – Великое дело – утвердиться нам на Черном море и на Босфоре. Вновь сделать Царьград столицей православной веры нашей, а Крым присоединить к России. Да только и на Восточном океане мы тоже давно интерес имеем. Еще государь Петр Первый мечтал о большой земле американской, а наши мореходы ходили у тех берегов и при нем и после него.

– Мне сие ведомо, Александр Алексеевич. Знаю я и про Дежнёва, и про Хабарова, про Беринга с Чириковым... Я сама на днях читала наказ Петра Великого, собственною его рукою написанный перед самой кончиною. В том наказе повелевает он узнать: не соединяется ли где земля российская с американскою. Да велит поспешить с делом сим, ибо англичане и голландцы тоже американской земли там искали... Ведомо мне, что наши зверобои по сей день в той стороне промышляют... Но ведь я помню и то, что совсем недавно отказалась в монаршем пособии тамошней компании Постникова. Именно из-за надобности денежной на южных рубежах наших. Как же быть мне теперь?

– Всему свой час, государыня. Пусть ваше монаршее пособие идет туда, куда вы его изволили направить. А купцам нашим, промышляющим у американских берегов, надо, разумею, дать свободу промысла их и торговли с тамошними странами, особенно с Китаем. Польза от сего дела для нашего Отечества немалая.

– Да я разве против сей свободы? Вы же знаете, князь, мою любовь к России. Мне хочется, чтобы народ наш славился всеми воинскими и гражданскими доблестями, чтобы мы во всех

отношениях превосходили других. Не забывайте, милостивые государи, – я дочь герцога Цербстского, а сие значит – сербского. Стало быть, и во мне течет кровь славян поморских... Я давно убедилась в том, что русский народ наш есть особенный в целом свете. Бог дал ему отличные от других свойства, а главное, красоту души.

– Ваша любовь и забота об Отечестве, о народе нашем известна и за пределами России, государыня, – сказал Вяземский.

– Что же касательно денег для постройки компанейских судов, то позвольте подумать о них нам – Сенату. Вы только указ о сем свой монарший дайте.

– Александр Алексеевич, голубчик, выручайте! И можете совершенно надеяться на меня. Я же, видя ваше угодное мне поведение, никогда о сем не забуду.

– Благодарствую, государыня.

– Указ же Сенату поручим написать Адаму Васильичу. И мы его потом вместе обсудим.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – наклонил голову Олсуфьев и что-то пометил в своих бумагах.

– Ну, а теперь, милостивые государи, – продолжила императрица, – поговорим касательно экспедиции, о коей Денис Иванович Чичерин просит.

– Подготовку ее надо поручить коммерц-коллегии, государыня. Там для сего дела и нужные люди найдутся, – предложил Вяземский.

– Я с вами согласна, князь.

– Позвольте мне слово молвить, государыня, – подал голос Олсуфьев.

– Конечно, граф. Для того и сидим тут. Говорите.

– По моему разумению надобно предприятие сие проводить тайно. Ибо о делах наших полуденных, полуночных и восточных, как и прежде, очень хотят знать англичане, французы, шведы, а особенно испанцы.

– Да, я читала о том в их газетах. Боятся они нашего присутствия на американских берегах... Так, может быть, экспедицию назовем для отвода глаз какой-нибудь ревизией?

– Так и сделаем, государыня. – согласился Вяземский. – По-

шлем в Сибирь только офицеров в небольшом числе. Остальных же нужных людей пусть наберут в Тобольске, Иркутске или Охотске.

– Да будет так, Александр Алексеевич. Прошу вас денег для сего дела не жалеть... Даст Бог, прирастет Отечество наше еще и Русской Америкой, умножится народом и богатством той землицы. Ничего другого я не желаю для страны, в которую привел меня Господь.

Екатерина поднялась с кресла, что означало для собеседников окончание разговора. Ее голубые глаза светились радостью и какой-то лукавой веселостью.

– Указ об экспедиции в коммерц-коллегию я сочиню сама, – сказала императрица, – и вы увидите, милостивые государи, что я люблю еще не распаханные страны... А теперь, вы уж извините, мне надобно прибраться для приемов. Мои дамы меня уже, наверное, заждались... До свидания, Александр Алексеевич. В понедельник жду вас с докладом, – и Екатерина протянула Вяземскому руку для прощального поцелуя. – Да, вот что я еще сейчас вспомнила, друзья мои:

« ...Колумбы Россияне, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава...»
Кто сие написал? Скажите-ка.

– Михайло Васильевич Ломоносов, Ваше Величество, – ответствовал Олсуфьев.

– То правда, граф. Вот кто в делах сих умнее нас всех вместе взятых. Ведь он уже писал об американской земле и даже чертеж мне показывал, – обернулась императрица к своему статс-секретарю. – Да, вот что еще... До меня дошел слух, что наш славный русский гений Ломоносов пребывает в бедности. Ежели сие правда, то это позор для нас. Поручаю вам все разузнать и сговориться с президентом академии графом Разумовским. Пусть подумает о пенсиионе для Михайлы Васильевича. Ответ мне скажите.

– Слушаюсь, государыня, – поклонился Олсуфьев.

– Да подумайте об участии его словом и размышлением в подготовке экспедиции нашей. А Денису Иванычу Чичерину от-

пишите в Тобольск мою монаршую благодарность. Пусть ждет ужаса.

Екатерина кивнула собеседникам и пошла в спальню своею статной, величавой походкой, которая приводила всех и всегда в восхищение. А сейчас восхищенными взглядами провожали императрицу и Олсуфьев с Вяземским.

Глава пятая

С той поры, когда в тысяча семьсот семидесятом году испанцы заложили на побережье Южной Калифорнии форт Монтерей и объявили его столицей Новой Испании, они стали всё дальше и дальше продвигаться на север этого благодатного берега, устраивая новые католические миссии, и считали себя полными хозяевами этой земли. И почти все те испанские переселенцы, солдаты и миссионеры вряд ли могли думать, что их затянувшаяся морская экспедиция и всё, что с ней связано, имела цель препятствовать приходу сюда русских из Северной Америки – Аляски. И только те, кто их посыпал через моря и океаны, знали об этом. Знали и боялись, что русский флаг вот-вот может подняться над солнечной Калифорнией.

Прошло более трех десятков лет, а испанцы всё так же хозяйничали здесь: захватывали новые земли, насильничали и убивали истинных хозяев побережья – индейцев многочисленных здешних племен, которых и за людей-то не считали, грубой силой обращая их в свою католическую веру.

Даже сейчас, когда в самой Испании было неспокойно от военных бурь, принесенных наполеоновскими солдатами, испанцы не мыслили себя здесь иначе как хозяевами...

...Именно поэтому капитан Пабло Муньос ехал во главе конного отряда своих солдат на жестокую охоту, чтобы добить новых рабов-пленников, и дело это считал совершенно обыденным.

Посланые им вчера разведчики доложили, что племя индейцев макома, обитавшее на левом берегу протекавшей в не-

скольких милях от форта Сан-Хосе реки, всё еще находится там, и капитан сегодня утром приказал седлать коней...

Выбравшись из леса, отряд спешился у подножия невысокого холма, поросшего густой травой и кустарником. За этим и такими же другими холмами протекала река.

Капитан Муньос и лейтенант Лопес скрытно, почти ползком, взобрались на вершину холма и огляделись.

Прямо перед ними на пологом берегу, почти у самой воды стояли в привычном для индейских поселений беспорядке тростниковые островерхие хижины племени макома. Перед входом в каждую из них горели костры, на которых женщины готовили свою нехитрую пищу.

Несколько мужчин занимались на мелководье ловлей рыбы, а малые ребятишки играли или наблюдали за делами взрослых: был обычный мирный день индейского племени.

— Лейтенант, — сказал Муньос, когда закончил обзор индейского поселка, — ты берешь своих людей и атакуешь селение слева по берегу. Выйдешь туда вон за тем дальним холмом. А я со своими солдатами встану вон там в ложбине у правого края поселка. Думаю, что, испугавшись тебя, дикии бросятся бежать именно туда. А мы их там и встретим. Ты согласен?

— Конечно, господин капитан, — кивнул Лопес.

— Тогда приступим к делу.

Офицеры спустились с холма, сели на коней, и испанцы, разделившись на две части, поехали в разные стороны.

Алёна всё так же лежала в своей хижине, и все так же разные мысли одолевали ее. А главное, она совершенно не могла пока себе представить, что будет с нею дальше. Что делать, куда идти после полного выздоровления, которое вот-вот наступит, она не знала и ничего пока для себя не решила... А сейчас ждала Манефу, чтобы поговорить, но вдруг услышала возбужденные громкие голоса, а потом и крики обитателей индейского поселения. Такого в эти дни никогда не бывало, и Алёна, встав с постели, подошла к тростниковому пологу, прикрывающему вход в хижину. Она откинула его и выглянула наружу.

К удивлению своему, Алёна увидела индейцев, бегающих

меж своих домов-хижин. А со стороны дальнего холма вдоль берега реки неслись вскачь какие-то всадники.

Алёна догадалась, что нападавшими были испанские солдаты, но почему они оказались здесь и зачем напали на мирное поселение индейцев, она в первые мгновения понять не могла. Схватив ружье, Алёна вновь выскочила наружу.

Немногие из мужчин-индейцев, находившиеся сейчас в своих жилищах, тоже выскочили с луками в руках и стали, защищаясь, пускать стрелы в солдат. Те же, кто не были вооружены или же находились на мелководье, побежали из деревни вдоль берега реки.

…Алёна увидела, как один из всадников замахнулся саблей на беззащитного индейца, но опустить ее не успел. Алёна выстрелила навскидку, как на охоте, и всадник свалился с лошади.

Перезаряжать ружье Алёне было некогда, да и нечем. Она кинулась обратно в хижину и, выскочив оттуда с луком и стрелами, вновь увидела, как метались по деревне люди макома, а солдаты на лошадях гонялись за мужчинами племени, над которыми то и дело мелькали арканы-лассо, повергая на землю очередную жертву. Совсем недавняя тишина будто взорвалась от топота конских ног, от громких криков, визга и плача детей.

Своими стрелами Алёна сумела сразить еще двоих испанских всадников. Остальные, подхватив на седла раненых и убитых товарищей, помчались дальше продолжать свою дикую охоту… И опять наступила тишина.

Алёна огляделась и за своей спиной увидела многих стариков да женщин с испуганными детишками, всех оставшихся в деревне индейцев, которых она так неожиданно сейчас защищила. Они что-то говорили ей на своем языке, но Алёна ничего понять не смогла, пока к ней не подошла Манефа.

– Они просят тебя спасти их и защитить, – сказала она.

– Как это я могу сделать?

– А это уж тебе решать. Старейшины всё скажут.

И тут из толпы индейцев вышел шаман Вывак. Он поднял вверх руку и жестом прекратил гомон соплеменников. Потом обернулся к Алёне.

– Старейшины племени макома ожидают тебя в хижине во-

ждя, – сказал шаман и показал рукой на вход тростникового жилища, где она совсем еще недавно лежала и думала свои горькие думы.

Алёна не заметила, как в хижине собрались все старейшины племени, усевшись напротив чуть возвышавшегося ложа, куда пригласил шаман присесть Алёну.

– Старейшины макома и все люди племени хотят, чтобы ты стала нашим вождем.

– Да, да, да, – закивали головами старики.

– Я женщина, – повернулась Алёна к Манефе, которая начала переводить ее слова. – Разве может женщина быть вождем?

– Ты послана макома морским богом, – заговорил Вывак. – Когда не стало старого вождя Вайнаки, то мы по его наказу молились в священной пещере, чтобы бог моря дал нового... И он сделал это. Ты вышла к нам на берег из морских волн. Сегодня ты храбро дралась с нашими врагами – испанцами и повергла на землю троих врагов. Мы это видели и благодарим тебя. Ты сможешь защитить нас, как никто другой. И потому мы просим: будь нашим вождем.

Алёна ненадолго задумалась. Она обвела взглядом сидевших перед нею индейцев, глянула на стоявшую рядом Манефу, которая всем своим видом, а особенно глазами просила Алёну дать согласие. И та наклонила голову.

– Хорошо, – сказала она. – Я согласна... Я обещаю быть с вами, пока бог моря не заберет меня обратно. Я буду защищать вас, но делать это вместе со мною должны все мужчины макома.

– Да, да, да, – опять закивали головами старейшины.

– Мужчин осталось мало, а с сегодняшнего дня еще меньше. Те же, кто остался, будут выполнять всё, что ты им скажешь, – громко произнес Вывак. – Слово вождя – закон для каждого из нас.

– Но и ты, шаман Вывак, будешь тоже помогать мне, – сказала Алёна.

– Да, – склонил голову Вывак. – Это мое племя, и я буду помогать тебе защищать его от врагов.

Затем шаман снял висевшие на стене хижины бусы из морских раковин и надел их Алёне на шею, а на голову повязал широкую ленту, изукрашенную разноцветными птичьими перьями. Двое из старейшин накинули на плечи Алёны накидку из таких же пестрых птичьих перьев.

– Отныне ты наш вождь! У нас есть вождь! – воскликнул шаман, обращаясь к старейшинам, и повернулся к Алёне. – А как звали тебя в прежней жизни?

– Алёна.

– Теперь ты будешь Шаста. Так звали нашу реку белые люди, жившие там во времена наших предков.

– Так, так, так, – сказали старейшины и склонили головы.

– Скажи, вождь Шаста, – неожиданно изрек один из них. – Что нам сегодня делать?

– Испанцы могут вернуться, – немного подумав, заговорила Алёна. – А посему надообно увести людей подальше отсюда в безопасное место... Именно сейчас. Но куда? Вы лучше меня знаете. Может быть, за реку?

– Нет, – покачал головой шаман. – Туда нельзя. На том берегу земля чолбонов. Мы с ними не дружим, потому что они близки к испанцам.

– Тогда перекочуем ближе к океану, в начало Долины Белых Людей. Где это?

– Там, – показали старейшины. – Вон за тем лесом. Недалеко оттуда река впадает в океан.

– Вот и пойдем в ту сторону немедля, – вставая, сказала Алёна. – Только не берегом, а лесом, чтобы следов меньше оставить.

Старейшины согласно закивали головами и вместе с Алёной вышли из хижины, где тотчас же были окружены соплеменниками.

Вдруг раздался громкий звук барабана: это шаман ударил рукой в свой бубен, подавая какой-то знак людям макома. И тотчас же наступила тишина, а все индейцы опустились на землю там, где застал их звук бубна.

Шаман Вывак поднял руку и заговорил.

– Что он говорит? – спросила Алёна Манефу.

– Он говорит, что боги дали им нового вождя и что этот вождь – ты. Что зовут тебя Шаста, и ты будешь заботиться о людях макома и защищать их от врагов.

Закончив речь, шаман вновь ударил в бубен, и все индейцы, от мала до велика, легли вдруг на землю перед Алёной лицами вниз.

– Вождь Шаста, – заключил шаман свое обращение к со-племенникам, – повелевает всем сейчас же собраться для перехода на другое место, в самое начало Долины Белых Людей у океанского берега.

Индейцы встали с земли и побежали к своим тростниковым хижинам. А мужчины подвели к Алёне красивого вороного коня под седлом. Конь, очевидно, был только что пойман после набега испанцев.

– Таких коней должен иметь каждый воин племени макома, – громко сказала Алёна.

Манефа перевела ее слова, и мужчины со старейшинами согласно закивали головами.

Отряд испанцев тем временем возвращался в свою миссию после набега на индейское поселение. Ехали молча. Так же молча и понуро шли связанные одной веревкой и окруженные всадниками несколько темнокожих индейцев.

Лейтенант Лопес, ехавший с капитаном Муньюсом впереди отряда, явно был доволен сегодняшним походом.

– Хорошо сходили, господин капитан, не правда ли, – сказал Лопес, оглядев солдат и пленников позади себя.

Пабло Муньюс ответил не сразу. Он, как видно, не разделял настроения своего офицера.

– Улов хороший, не скрою... Но слишком дорогой ценой он достался нам, лейтенант. Мы потеряли троих наших солдат, не считая раненых. Такого еще не бывало. Так что никакой радости я сейчас не испытываю.

– И все это сделала какая-то белая женщина! – воскликнул Лопес. – И откуда только она там взялась?!

– Может быть, тебе это показалось, лейтенант?

– Нет! Это видели все мои люди. На ней было платье и...

белые-белые волосы по плечам. Чудно здесь видеть такое, а придумать никак нельзя, – возбужденно сказал Лопес.

– Уж не влюбился ли ты, Лопес, в эту белую женщину?

– Да, она была прекрасна, что и говорить! Хотя видел я ее всего несколько мгновений... А может быть, нам стоит возвратиться, господин капитан? – неожиданно предложил Лопес. – Позвольте, я отомщу за убитых солдат и приведу эту белую женщину в нашу крепость!

– Не смейте и думать об этом, лейтенант. Я не хочу терять людей из-за какой-то девки. Пусть даже и белой среди черномазых... Да я и не думаю, что они сейчас на прежнем месте ждут нас. Их надо опять искать. Придет время – найдем, и будет эта белая девка наша, как наше всё это, – развел широко руками Пабло Муньос.

– Так точно, господин капитан, – согласился Лопес. – Я сам буду ее искать и обязательно найду, в чем даю вам слово офицера.

– Отлично, Лопес. Не сомневаюсь, – устало улыбнулся капитан.

Впереди показались крепостные строения миссии Сан-Хосе. Увидев их, отряд невольно прибавил шагу. Плененные же индейцы почти побежали, окруженные всадниками...

...В эту ночь Алёне долго не спалось. Она то и дело беспокойно ворочалась на своем мягким ложе, возвращаясь мыслями к событиям сегодняшнего дня, да и ко всему тому, что приключилось с нею в последнее время. Только к середине ночи Алёна впала в полудрему, и ей пристлилось вдруг, что будто бы она с любимым Ванечкой идет по какой-то улке, и вроде Ново-Архангельска. Вот они подходят к пристани, где стоит большой-большой корабль, а с него по трапу будто бы сходят на берег отец ее Сысои с матушкой, правитель Баранов Александр Андреевич с помощником своим и другом отца Иваном Александровичем Кусковым. Все они проходят мимо, но ее почему-то совсем не замечают. Народу же на берегу видимо-невидимо. Смотрит она кругом, а ее Ванечки-то нету. Вдруг она услышала его громкий голос: «Алёнушка, Алёна!» И тут же Ваню увидела. Он будто бы зовет ее, но тоже не замечает. Она же пытается изо всех сил

ему ответить, а сказать ничего не может, только стонет. И вдруг Алёна напряглась вся, громко, как ей казалось, крикнула и от крика своего проснулась... Голос Ванечки, зовущий ее, был настолько явственный, что Алёна вскочила с ложа и выбежала из хижины.

Но на воле было темно и тихо, а рядом с хижиной никого не оказалось. Только увидела она звездное небо над головой да горящие костры по краям селения, у которых сидели мужчины, оберегая покой людей своего племени.

Глава шестая

Тотемский мещанин Иван Александров сын Кусков запомнит, наверное, этот июньский день тысяча семьсот восемьдесят седьмого года на всю свою жизнь, которая, как он думал, в его нынешние двадцать два лета от рода у него только начиналась.

В старинном русском городе Тотьме, что находится в вологодских пределах и дома которого разбросаны по высокому левому берегу многоводной и древней реки Сухоны да впадающей в нее речки Песьей Деньги, род Кусковых пребывал с времен стародавних. С таких же давних пор толкуют люди разные, что имя свое город получил от императора всероссийского Петра Алексеевича Великого. Будто бы, остановившись здесь однажды по пути к Архангельскому городу и морю Белому, оглядел царь Петр место сие и изрек: «То тьма», что означало, стало быть, беспросветную глушь.

Но это была всего лишь народная молва или даже шутка, а в ней сразу две неправды.

Старожилы-тотьмичи знали и ведали, что городок их старше самой Москвы-матушки, а ко времени неоднократного пребывания тут государя и царя Петра Великого стоял он на сем месте уже почти шесть сотен лет.

Да никогда и не была Тотьма беспросветной глушью, ибо возник город на большом водном пути, во все времена года многолюдном. А путь тот шел из пределов московских и многих городов русских сперва к Вологде и далее по Сухоне-реке через

Тотьму до самого Устюга Великого, а оттуда к морю Студеному либо за Большой Камень в сибирские города и далее до самой китайской границы, до далекой Камчатки и островов Восточно-го океана.

Так что все пути даже самого давнего прошлого шли через Тотьму. Потому и гордились тотьмичи своим древним городком, связанным путями-дорогами с большими и малыми городами всей Руси Великой, от которого начиналась земля Русского По-морья на его южных невидимых рубежах.

А еще гордились тотьмичи тем, что знаменит был их город на всю Россию своим древним соляным промыслом и стоял он среди таковых мест в одном ряду с Солью Вычегодской да с Со-лью Галицкой, уступая лишь разве что только Соли Камской.

Тем и жила Тотьма и слыла среди других городов богатым городом. Обозами по сухим дорогам и речными судами развозилась соль торговыми людьми на российские ярмарки, давая большой доход здешним купцам, владельцам соляных варниц и рассольных труб-скважин. Возвращались купцы домой со многими товарами и вновь спешили уже на другие ярмарки.

По числу своих жителей, коих было в Тотьме почти четыре тысячи душ, не уступала она губернской столице – Вологде, а по числу людей купеческого звания даже превосходила: в купцах числилось более пятисот горожан.

Так что почти все тотьмичи жили и кормились соляным промыслом. Многое число рядового городского народа трудилось на варницах: дровосеки и дрововозы, истопники и мастера кузнецкого дела, варничные повара и подварки, водоливы, до-стающие соляной рассол бадьями из глубоких обсадных труб-скважин, грузчики, судовые ярыжки и прочий работный люд, пришлый и оседлый, коренной.

Работы хватало всем, и купцы тотемские известны были во многих городах Руси: Холодиловы, Пановы, Черепановы, Кузнецовы, Шергиньи, Чекалевы, Нератовы, Токаревы, Улановы... И не было им числа. Да и немудрено: в купеческое звание мог вступить даже черносошный крестьянин Окологородной воло-сти или мещанин из Рыбацкой слободки – «Зелени», что на по-саде за Песьей Деньгой, заработавший на соли первый капи-

тал и имевший свою торговлю разным товаром, привезенным с ярмарок Москвы, Ярославля, Костромы, Вологды, Архангельска или Галича Мерьского костромской соседней земли и подобных окрестных земель.

Но пришло время, и тесно стало у себя дома тотемским купцам всех трех сословных гильдий. Тогда пошли они за Камень в сибирские города, производя торговлю российскими и иностранными товарами на ярмарках да торжках Тюмени, Тобольска, Иркутска и даже на кяхтинской границе с Китаем, в далеком Охотске и на Камчатке.

А там вместе с земляками из Великого Устюга, Архангельского города, Верховажья, Каргополя, Яренска, Лальска да с купцами сибирскими тотьмичи строили вояжные морские суда, на которых ходили по Великому океану, открывали новые острова у неведомых доселе американских берегов, описывали эти новые земли и присоединяли к Российскому государству. Собираясь в компании, промышляли на вкладных своих паях морского зверя. Все те дела их шли на пользу Отечеству.

Род Кусковых тоже был не из последних в Тотьме. Только принадлежали представители его более к мещанскому городскому сословию и вышли из подгородной Рыбацкой слободы, занимаясь там со времен незапамятных огородничеством и рыболовством на оброчных рыбных езах. Были среди них и переселившиеся на старый верхний посад, что на Харабардиной горе и на берегах речек Ляпунихи и Ковды. Записавшись в мещанское сословие, служили Кусковы и в городовом магистрате и в уездном казначействе.

И только немногие из Кусковых имели дело в соляном промысле, состоя при нем солеварами и бурильщиками скважин.

Попытался было однажды еще дед Ивана – Леонтий Кусков – заняться варкой соли на продажу, купил варницу с частью трубы, залез в долги, да однажды летним вечером сгорела его варница от недогляда. Отец Ивана долг выплатил, но от болезни рано сгорел и сам, а матушка отошла ко Господу в прошлом семисот восемьдесят шестом году, и остался Иван жить в мещанах с двумя родными братьями: старшим, тридцатилетним Митяем, и почти своим ровесником, братом-погодком Петром.

У братьев его было одно хозяйство на двоих, а Иван жил отдельно в старом отцовском доме. Женат он не был, рассчитывая сперва встать на крепкие ноги в жизни сей. Вот тогда-то и пришла ему в голову мысль заняться коммерцией и первый свой капитал заработать на соли, как многие купцы-тотьмичи начинали. А среди них у Ивана Кускова с братьями родни было полно и по отцу, и по матушке.

На новое дело утоваривать Митяя с Петром долго не пришлось. Оба дали согласие, да еще поручили ему это дело и возглавить. На семейном совете решено было купить перво-наперво у кого-нибудь хотя бы четверть действующей рассольной трубы и тем войти с кем-то в долю, но со своей варницей и цреном – большой железной сковородой, куда выливался поднятый водоливами соляной рассол, из которого затем выпаривалась вода, а на сковороде оставалась только соль.

Нужны были еще рогожные мешки, амбар для склада их и хранения, малое речное суденьшко-дощаник, дрова и множество всякого инструмента для задуманного дела.

На всё и про всё требовалось тысячи две рублей, а таких огромных денег ни у Ивана, ни у братьев отродясь не бывало, и взять их можно было только в долг под вексель у кого-то из богатых купцов, и лучше бы всего у своих по родне. Таковы были купцы Нератовы. Они вели большую торговлю по сибирским городам и даже в самой Иркутской губернии пушным, шелковым и прочим разным товаром.

Глава семейства Алексей Петрович Нератов приходился братьям Кусковым дядей из двоюродных со стороны их родной матушки. Два его сына, Фёдор да Илья, торговали в Иркутске. Сам же Алексей Петрович давно покинул Сибирь и держал торговлю здесь, в Тотьме, на Вологде да изредка выезжал на ярмарки в Москву или Великий Устюг, а бывало, что вовсе отдыхал от торговых дел и долгих поездок.

К нему-то и направился Иван Кусков, когда нужда заставила, занять денег под простой вексель: дело в то время обычное. Нератов в деньгах не отказал, и братья купили у своего знакомца Гришки Усова четверть рассолоподъемной трубы, а у соседа Данилы Кузнецова – варницу с цреном-сковородой.

Труба давала до тысячи бадей в сутки, и четвертой доли рассола братьям Кусковым для начала вполне хватало. Вскоре в их амбаре лежали первые мешки с солью, и в базарные воскресные дни они уже торговали ею в своей лавке на городском торгу. А на февральской, нынешнего года, тотемской ярмарке, на которую, по обычаю, съезжались торговые гости и покупатели из разных городов, сел и деревень соседних губерний, братья Кусковы сумели хорошо заработать на продаже соли. Вырученные деньги они вложили снова в свое дело и даже сумели отдать купцу Нератову часть долга по векселю.

Так что, ежели дело будет ладиться, размышлял Иван, то можно подумать о своей собственной трубе, а там и прошение можно подавать в уездное казначейство о причислении их, братьев Кусковых, к тотемскому купеческому братству...

...Но бывает же такое!.. Все рухнуло в один из июньских дней нынешнего семысот восемьдесят седьмого года: и начатое дело, и мечты о купеческом будущем...

В первый день июля начиналась в Великом Устюге знаменитая на всю Россию Прокопьевская ярмарка, и Иван решил осуществить свою давнюю задумку – выйти на этот большой торг.

Из амбара по Варничной дороге братья Кусковы свезли рогожные мешки с солью на пристань и погрузили их на свой дощаник, купленный еще в прошлом году у какого-то торгового человека, приплывшего на нем из Вологды.

Плоскодонный дощаник был с мачтой и малым парусом, да еще с тремя парами весел, за которые посадил Иван нанятых судовых ярыжек. За главного на судне поставил он младшего брата Петра, рассчитывая, что вниз по течению да с попутным, даст Бог, ветерком приплывут они к Великому Устюгу еще до начала ярмарочных торгов.

Сам Иван собирался добраться до Устюга с каким-нибудь купеческим обозом, а Митяя оставил хозяйствовать на варнице, где работа не прерывалась даже ночью.

Ранним утром дощаник поплыл вниз по Сухоне, а на другое утро примчался домой на чьем-то взмокшем жеребце брат Петруха и, еле отдохнувши, выпалил, что их дощаник с солью затонул.

Ошарашенный таким сообщением брата, Иван долго молчал, пока не спросил Петра:

– Отчего такое случилось?

– Так налетели на подводный камень.

– Где?

– На перекате у Коченги. Там ведь до самого Брусенца одни мели да перекаты.

– Ну и что? Разве вы первые там шли? Куда смотрели-то?

– Так ведь камень-то под водой сокрыт был. Не увидали мы. Сперва на него днищем сели – осадка-то большая... Течение там быстрое, ход узкий и поворотистый... На камне нас развернуло, дно пропороло... И всё... Сами вплавь еле до берега добрались, – закончил свой рассказ Петруха и добавил: – Там и до нас, говорят, тонули.

– Эко утешил... Утешайся этим сам, мне боле ничего не говори...

Случившееся было для всего задуманного дела явной катастрофой, похожей на большой пожар.

– Что же делать теперь будем? – сказал Иван больше себе, чем брату.

– Я не знаю, – произнес устало тот. – Думайте вы с Митяем. Я же делом этим больше заниматься не буду.

– Да как не заниматься! – воскликнул Иван, – коли мы в долгах, как в шелках. Вексель-то Нератову за нас никто оплачивать не будет!

– Вот Митяй с варници явится, то вы с ним и решайте, что делать дальше и как быть. Как решите, так и будет. А мой сказ таков: долю трубы, варницу с цреном надо продать в счет долга по векселю. У Алексея же Петровича Нератова в остатке долга отсрочки просить. Думаю, что не откажет: родня всё-таки... Не наше, видно, это дело – соляной промысел.

– Похоже, что так, – согласился Иван. – Но руки опускать не будем.

Весь остаток дня и всю ночь Иван думал только об одном: как выйти из постигшей их с братьями беды, а утром он убедился в правоте старой народной мудрости, которая гласила, что беда не приходит одна: ночью от недогляда сгорела их варница

и всё, что при ней было. Впрочем, сгорела и у соседа, Платона Выдрина, но это лишь окончательно убедило Ивана в безнадежности задуманного им вроде бы хорошего дела.

Свою долю в рассольной трубе и соляной амбар с небольшим остатком соли у братьев Кусковых пообещался опять купить Гришка Усов, но денег от продажи ожидалось мало, и Иван направился к Нератову улаживать дело с долгом.

Держатель векселя Алексей Петрович Нератов жил недалеко от городской пристани на высоком берегу Сухоны. Дом Нератовых стоял рядом с хоромами о двух этажах знатного тотемского купца Холодилова, известного на всю Сибирь от Тобольска и Иркутска, до Охотска и Усть-Камчатска.

Правда, в доме том сейчас было тихо и малолюдно. Уже не один год Фёдор Холодилов промышлял со своей компанией где-то у Командорских и даже, говорят, у Алеутских островов. А в Иркутске среди других купцов-тотьмичей вел торговлю его родной брат Григорий Холодилов со своими сыновьями – Михайлом да Арсением.

Иван Кусков остановился на крутом берегу Сухоны, где внизу, у речной пристани, как всегда, было многолюдно и суетливо. Мельтешило в глазах от множества разного люда: бурлаков, судовых грузчиков, возчиков с лошадьми и телегами, на которых громоздились то рогожи с солью, то короба и корзины с каким-то товаром. А у самого судового пристанища покачивались на речных волнах дощники, лодки-долбленики, барки и полубарки с парусами и гребцами.

Рядом с пристанью – небольшой, но говорливый торжок с продавцами скорым мелочным товаром и разной снедью: пирогами-рыбниками, яйцами, молоком, творогом, квасом, первыми ранними овощами, чесноком и луком...

...Алексей Петрович Нератов был дома и за конторкой в своем рабочем кабинете увлеченно что-то считал и записывал, тоже, видимо, готовился к предстоящей поездке на ярмарку в Устюг.

Он даже не сразу оторвался от дела, когда в его кабинет вошел и остановился у порога Иван Кусков, а когда повернулся, то пошел гостю навстречу и, здороваясь, пригласил того в кресло

у стола, стоящего напротив большого окна, выходящего на набережную.

– Садись, Иван, да хвастай, – говорил без улыбки Нератов, усаживая гостя. – Хотя, прости, хвастать-то тебе нечем... Насыпан, насыпан про вашу беду. И про вчерашнюю, и про сегодняшнюю... Что теперь делать намерен?

– Долю трубы обещал выкупить у нас опять себе Усов. Но тех денег не хватит даже закрыть хоть малую толику долга тебе по моему векселю. Так что, Алексей Петрович, пришел я к тебе просить отсрочки.

– В нашем коммерческом деле, – сказал Нератов, выслушав Ивана, – друзья, знакомцы, даже родные люди стоят как бы на втором месте. Порой их даже нет вовсе. В коммерции, брат, прежде всего – выгода.

– Об этом мне давно ведомо, – кивнул уныло Иван.

– А посему долг твой я тебе простить, конечно, не могу. Тем более что он не мАлёнкий.

– Тысяча семьсот рублей без десяти.

– Да, да... Но мы люди православные, – немного подумав, продолжал Нератов, – и в память о твоей матери, которая меня малого нянчила, поила-кормила, я не буду требовать с тебя уплаты долга в какой-то срок. Сделаем вексель бессрочным, но платить будешь каждый год, пока не выплатишь всех денег.

– Спасибо, Алексей Петрович. Как скажешь, так и делать будем... Но ведь я не только за этим пришел.

– А что еще ты хочешь, позволь полюбопытствовать?

– Совета твоего, Алексей Петрович. Не знаю, чем заняться мне. Долг платить надо, а здесь таких денег не заработать. На братьев же надежда плоха.

– Что правда, то правда... Думаю, надо тебе, Иван, идти в сибирские города. Не ты первый, не ты последний, кто там находит свое дело. К тому же по городам сибирским много купцов наших. Любой тебя к себе в приказчики возьмет. И служить тебе надобно по коммерческой части... А Господь милостив. Не получилось с первораза – надо попытать еще раз. Лучше всего, я думаю, тебе добраться до Иркутска. Там у меня, как ты знаешь, два сына торг ведут – Фёдор да Илейка. Я им про тебя отпишу.

– Спаси Господи, Алексей Петрович. Век не забуду доброту твою. Всё сделаю, чтобы долг свой тебе выплатить. А деньги какие, даст Бог, зарабатывать буду, то высыпать тебе в Тотьму стану непременно и без обмана. А залогом братья мои будут.

– Я тебе, Иван, и так верю. Приходи ты ко мне сюда завтра после обедни, и мы все дела обговорим, а вексель ты новый напишешь на оставшуюся сумму. Сделаем его не только бессрочным, но и переводным: мало ли со мной что может случиться, не дай Бог, то платить будешь, кому я сам укажу.

– Благодарствую, Алексей Петрович, от всей души, – поднялся с кресла и поклонился поясно Иван.

– Отблагодаришь, когда служить начнешь. А деньги, которые за трубу получишь, поделите меж собой. Тебе же в дальней дороге они ой как нужны будут. Да долго-то с отъездом не тяни. Вот скоро ярмарка в Устюге, и туда из сибирских городов торговые люди обязательно приедут. С ними сковорись и отправляйся. А можешь зимой по санному пути.

– Нет, Алексей Петрович. Зимы ждать не буду. Пойду нынче. Собраться недолго. Как говорится, только подпоясаться. Я и так туда собирался. Тебе же еще раз моя благодарность.

– Ты лучше Бога благодари... И вот тебе еще один мой совет. Сходи в Суморин монастырь, помолись там у раки преподобного Феодосия. Он по молитвам многих исцеляет, все молящиеся у мощей его получают просимое... По себе знаю. Так что тебе стоит сделать сие перед таким дальним твоим путем.

– Схожу непременно, Алексей Петрович. Спаси Господи. Пока жив, буду молиться за тебя.

Иван Кусков земно поклонился Нератову и вышел из кабинета.

Глава седьмая

Перебравшись на новое место, макома устроили свои шалаши у самой кромки лесных зарослей на берегу всё той же реки, но так, чтобы открытое пространство с редкими здесь холма-

ми было видно на все стороны. В лесу же в случае опасности скрыться можно будет скорее и надежнее.

Переселив племя индейцев в безопасное, как ей казалось, место, Алёна вновь задумалась: а что же делать дальше? Она часто ловила себя на мысли, что стала постоянно думать о судьбе этих людей, малых и больших, больных и старых, доверивших ей свою жизнь. Да к тому же в мыслях своих Алёна ежедень обращалась к родным для нее аляскинским берегам, к острову Ситхе, к Ново-Архангельску, где на маленькой улке нижней крепости стоял дом отца ее, Сысоя Слободчикова, известного по всему побережью американскому морехода и зверобоя. Как-то там теперь без нее отец и матушка? Как младшие брат и сестрица? А что стало с ее любимым и суженым Ванечкой? Жив ли? Ждет ли? Ищет ли ее? Или уже надежду оставил? Ведь разлучились они с Ваней на самом венчании, так неожиданно прерванном набегом аляскинских индейцев-колошней на русскую крепость.

Но в душе своей сама Алёна надежды не теряла ни на один день и верила, что на далекой Аляске тоже о ней думают, ждут. Знала она, что на все воля Божия, на которую только и стоит положиться. Потому-то и молилась Алёна утром и вечером перед сохранившимся на груди ее нательным крестиком и медным образом Божией Матери Путеводительницы.

А что делать дальше ей теперь в племени макома, Алёна и впрямь не знала, и ничего путного на ум не приходило. Правда, думая о батюшке своем Сысое, Алёна вспоминала, как он советовал ей: ежели что-то долго не получается в деле каком-то, то нужно остаться одному, уйти в лес или на берег моря и там, вдали от суеты людской, побывать какое-то время наедине со своими мыслями. Тогда решение непременно придет. Во всяком случае, у него так случалось. А что если ей сделать сейчас так же... И Алёна решительно вышла из своей хижины, прихватив лежащее на звериной полсти конское седло.

Манефа, сидевшая у входа, что-то крикнула индейскому мальчику, который невдалеке на лугу пас коня своего вождя. Он тотчас же подвел его к Алёне.

– Спасибо, Вук, – с улыбкой сказала Алёна и погладила чер-

новолосую голову маленького индейца. – Тебе нравится этот конь?

– Да, – кивнул Вук.

– И ты хочешь иметь такого же?

– Да, хочу, – вновь кивнул мальчик, и глаза его загорелись.

– Хорошо, Вук, – седлая коня, сказала Алёна. – Я тоже думаю об этом, но всему свой час. Настанет он и для тебя. А пока ухаживай за моим.

Она легко вскочила в седло, крикнула Манефе:

– Я скоро... Только прокачусь...

Воронок, как прозвала своего коня Алёна, широко скакал по гладкой безлесной равнине, и Алёна, ладно сидевшая в седле, была явно довольна такой скачкой. Глаза ее азартно блестели, а белые волосы развевались за плечами на свежем, бьющем в лицо ветре.

Прокакав с версту, Алёна направила Воронка к подножью одного из пологих холмов, и конь, почти не напрягаясь, послушно вынес ее на вершину.

Алёна завороженно оглядывала открывшуюся перед ней картину: по одну руку почти бескрайняя, поросшая травой равнина, по другую – текущая меж низких берегов река Шаста, в честь которой она получила от индейцев свое новое имя, и лес, если обернуться назад, с еле заметными отсюда шалашами индейцев макома.

Было видно, что Алёне по душе этот простор, все его виды, и воля.

Так, наслаждаясь покоем, вновь оглянувшись на свое поселение у дальней кромки леса, Алёна вдруг подумала, что вот здесь, на вершине этого берегового холма, неплохо было бы устроить сторожевой пост, а вон там, в глубине равнины, на дальнем возвышении – еще один. А на тех постах, почти за версту от индейских хижин, будут находиться стражи, и в случае опасности для племени – приближения отряда испанцев или иных каких недругов – они зажгут огонь из сухой травы и веток красной сосны-чаги. Дым от костров сразу увидят в поселении, где тоже на самом высоком дереве она велит устроить сторожевой пост. О таком деле ее отец говаривал как-то после

плавания на Гавайские острова, где подружился с тамошними индейцами.

От принятого решения на душе у Алёны стало спокойнее. Она, еще немного полюбовавшись открывшимися перед ней видами, спустилась с холма и уже спокойно направила своего коня в сторону хижин макома. Вождь Шаста теперь знала, что надо делать...

...Манефа с Вуком сидели всё так же у входа в хижину, когда к ним подъехала Алёна. Она легко спрыгнула с коня и бросила повод подскочившему к ней мАлёнькому индейцу.

– Держи, Вук, – сказала Алёна. – Прокатись на Воронке, потом своди его на водопой.

Вук радостно и благодарно глянул сперва на Алёну, потом на Манефу. Взяв в руки повод, он подошел к Алёне, и та помогла ему забраться в седло.

– А ты, – обернулась Алёна к своей подруге и помощнице, – собери сей же час ко мне старейшин с шаманом. Совет с ними держать буду.

И Алёна скрылась за тростниковым пологом своей хижины.

Жилище вождя – самое большое во всем поселении макома. Так заведено не сегодня и не вчера, а так было всегда, ибо большая хижина – место общего сбора старейшин, когда предстояло им судить и рядить о тех делах, которые касались всех людей племени макома...

...Вот и сейчас собрались они во главе с шаманом Вываком по зову вождя Шасты, расселись, как обычно, на земле, устланной звериными шкурами и тростниковых подстилками. Старейшины внимательно глядели на Алёну, ожидая ее слов.

– Я собрала всех, чтобы вместе с вами решить, как жить дальше племени макома.

– Так, так, так, – закивали головами старейшины, когда Манефа перевела им слова вождя.

– Здесь, на новом месте, нам будет намного спокойнее... И всё же я боюсь, что у испанцев появится вновь желание напасть на нас.

– Это может быть, вождь Шаста, – согласился Вывак. – Только мы не знаем, когда они могут напасть.

– Я об этом тоже помыслила. Думу свою выношу на ваш суд... Надо на одном из холмов на берегу реки установить сторожевой пост, да на таком же возвышении на равнине со стороны испанской еще один. И пусть на этих постах будут наши люди, двое мужчин на каждом посту. Завидя отряд испанцев, они зажгут костры из травы и веток, заранее приготовленных. А здесь, у наших шалашей, мы на дереве тоже устроим сторожевую вышку. Так что в случае опасности все успеем уйти отсюда в лес и далее через него на новое место... Вот так я думаю. Согласны ли вы? Говорите.

– Твое решение мудрое, вождь Шаста, – вновь заговорил Вывак. – Только где мы возьмем столько мужчин? Их у нас мало. Потому и жить сейчас трудно. Надо ловить рыбу, надо охотиться, надо защищать детей, женщин, стариков.

– Многие мужчины нашего племени похищены испанцами и живут в их крепости, – сказал один из старейшин.

– Я знаю об этом, – кивнула Алёна.

– Они работают на полях испанцев и никогда не вернутся сюда, как бы они этого ни хотели. Они пленники испанцев, – заговорил другой старик.

– Тогда мы сами должны вернуть похищенных мужчин в наши хижины, к их детям и женам, – твердо сказала Алёна.

– Вернуть?! – первым удивился неожиданным словам вождя Вывак. – Но как это сделать?

– У испанцев ружья, пушки!

– У их крепости высокие стены, – заговорили старейшины.

Обо всем этом Алёна и сама знала, но видно было, что решение такого дела она уже обдумала.

– Но нам не нужна их крепость, – вновь твердо и убежденно произнесла Алёна. – Нам нужны наши мужчины. Разве испанцы не выводят их из крепости на работу?

– Выводят. Каждое утро. Потом приводят на обед. После они опять работают до вечера. На ночь мужчин запирают в сарае до следующего утра.

– Вот по дороге с работы их у испанцев и надо однажды отбить, – предложила Алёна.

– Но их охраняют солдаты с ружьями.

- Много ли?
- Немного. Но с ними всегда еще офицер на лошади.
- Мы нападем внезапно, неожиданно. Устроим засаду. И в этом будет наша сила против их ружей.
- Но потом они придут и отомстят нам за своих убитых товарищей.
- А мы никого из испанцев убивать не будем. Мы их свяжем, заберем у них ружья и наших мужчин.
- А как же другие? Там ведь не только наши люди.
- А другие пленники пусть идут, куда хотят. На все четыре стороны. Они будут свободны. Связанных же испанцев тоже отпустим. Пусть идут своей дорогой в крепость. Согласны ли вы со мной? – спросила Алёна, заканчивая разговор.
- Согласны, – закивали головами старейшины.
- А как думает обо всем этом шаман Вывак? Согласен ли?
- Я поддерживаю решение вождя. Буду молиться нашему богу моря в священной пещере и просить у него помощи в задуманном деле на благо племени макома.
- Тогда мне нужны десять воинов, – Алёна растопырила пальцы обеих рук. – Из тех, что есть у нас ныне. И мы сегодня же выйдем в путь. А сейчас позовите ко мне тех мужчин, кто работал когда-то в испанской крепости. Так?
- Так!
- Так!
- Так! – согласно сказали старейшины, вторя своему новому вождю.

Глава восьмая

Иван Кусков так и сделал, как советовал ему Алексей Петрович Нератов. На другой же день после беседы он пошел на раннюю церковную службу в Спасо-Суморин монастырь, а там, в церкви Воскресения Господня, исповедался и причастился у отца своего духовного Галактиона.

Впрочем, он и сам бы это сделал без всякой подсказки, ибо любил ходить молиться именно сюда, за монастырские стены,

где в церкви Воскресения под резной сенью стояла рака с мощами преподобного Феодосия Тотемского, мыслью, старанием и подвигом которого воздвигнута и стоит вот уже больше двух веков сия святая обитель...

…А началось всё в то далекое время, когда монах вологодского Дмитриева Прилуцкого монастыря Феодосий, в миру бывший Феодосий Ульянов Суморин, игуменом своим Арсением был послан в Тотьму на соляные промыслы наблюдать и начальствовать над пятью или шестью монастырскими варницами. Тогда многие монашеские обители имели на тотемском промысле свои рассольные трубы: и Троице-Сергиев, что под Москвой, и Железноборовский, что в соседней костромской земле.

Послушание свое монах Феодосий нес исправно, но уж больно суетно, шумно было на промысле, и он всё чаще стал задумываться над словами одного монастырского старца, сказанные ему еще в Вологде, перед самой поездкой сюда, в Тотьму: «Монах вне ограды монастыря, что рыба без воды».

Церковных служб в городских храмах, да и опять же среди людей, ему было мало, и Феодосий стал искать уединения в лесных чащах под городом, где ему никто не мешал творить свою молитву Господу. Так однажды он забрел на то место, где речка Ковда впадала в Песью Деньгу, а та в Сухону. На высоком береговом мысу, поросшем густым лесом, слышно было только пенье птиц, а звуки городского посада сюда не долетали, как будто его, посада, с улицами, торговой площадью, пристанью, слободами и людьми, обитающими там, вовсе не существовало. Туда-то, на речной мыс, стал ходить для делания уединенной молитвы монах Феодосий.

А одной зимой с соляным обозом отправился он в Вологду и в родном ему Прилуцком монастыре доложил игумену о трудах своих во славу Божию и монастыря, а потом пал перед настоятелем на колени и стал просить освободить его от послушания, послать в Тотьму другого монаха, а ему, Феодосию, позволить удалиться от мира и суеты в лес под городом.

Долго игумена уговаривать не пришлось. Арсений сразу принял своего собрата и благословил его на тяжкий монашеский

подвиг уединения ради молитвы Господу за всех людей грешных.

Следующей весной отправился Феодосий обратно в Тотьму. Там, освятив выбранное им для моления место и поставив крест, он перво-наперво вырыл себе полуземлянку с бревенчатым накатом, покрытым дерном с травою, вскопал небольшой огород и в этих трудах и молитвах проводил всё время, место сие почти не покидая, а лес и речки стали для него оградой от суетного мира.

Теперь никому не ведомо, долго ли Феодосий жил отшельником, но в городе, где среди посадских тотьмичей и варничного работного люда оставил он по себе добрую славу, как только узнали о его уединенном житье-бытье, то стали приходить к нему за советом и с просьбами помолиться за своих близких: то путешествующих, то болящих и недужных. Другие же построили для Феодосия небольшую келейку, куда он перебрался из своей полуземлянки. Иные же просили его позволения поселиться рядом для молитвенного уединения, и он никому не отказывал. Так появились первые насельники места сего. Их, братии Феодосия, было немного, но вскоре с помощью тотьмичей срубили они церковку во имя Воскресения Христова, украсили ее иконами, и в освященном храме зазвучало для всех живущих здесь и приходящих слово Божие.

Преставился Феодосий зимой тысяча пятьсот шестьдесят восьмого года от Рождества Христова и положен был в церкви Воскресения. С той поры и по сей день приходят люди к раке его, просят Феодосия о помощи и получают ее, избавляясь от немощей телесных и душевных... Люди чудесно прозревали после многолетней слепоты, вставали на ноги расслабленные и на одре лежащие...

...После исповеди и причастия Иван Кусков по наказу отца Галактиона тоже долго стоял на коленях перед ракою с мощами преподобного Феодосия, прося молитвенной помощи его в неведомом пути в дальнюю сибирскую сторону, в тамошней будущей своей жизни и трудах. А потом пошел в келью отца Галактиона для душевой беседы, как делал это не раз. Сейчас же она была ему особенно необходима. Он рассказал отцу Галактиону обо

всех недавних своих бедах и твердом решении идти в Сибирь.

– Жалею я о приключившемся несчастье твоем, Иван, – сказал отец Галактион, – но ты не унывай. На всё воля Божья.

– На нее и уповаю, отче. Да на добрых людей.

– Так, так, – согласился Галактион. – Вот Нератов, хоть и богатый человек, а поступил благородно, по-православному. Ибо радость принимающего – человеческая, а радость дающего – божественная. Стало быть, богатство его не греховно, и я радуюсь за него, за тебя, за братьев твоих. А что порешил в сибирские города идти, то дело сие хоть и многотрудное, но не одним тобою сделанное.

– Не я первый, не я и последний, – согласился Кусков.

– Да, туда давно дорога проторена нашими северными мужиками. Каждый год, почитай, из Тотьмы, из Устюга Великого или из иных каких недальных мест наших уходят люди разных званий в сибирские города. Бывает, что и обратно приходят, но это редко. Многие же там остаются навсегда, и часто безвестно.

– Сказывают старики, что в Сибирь не только мужики шли, но и девок туда возили.

– А как же. Возили не однажды туда невест по государеву указу. «Плодидесь и размножайтесь», – говорит Господь. Вот и делали сие для умножения народа сибирского. Так что теперь почти в каждом тамошнем городе ты земляков своих тотьмичей, устюжан, лальцев да вологжан наверняка встретишь. Да и фамилии там на каждом шагу то Тотьмянин, то Устюжанин или Устюгов, то Вологдин или Вологжанин.

– А правда ли, батюшка, что и сам Ермак, открыватель Сибири, родом тоже наш, тотемский? – спросил Иван.

– Да, такое старое предание и сейчас здесь живо. У Ермака отчество-то было Тимофеевич, а в тридцати верстах от Тотьмы, на Вожбale, есть починок Тимошкино да Слобода Тимошкинская, где, сказывают, он, Ермак, и жил. А рядом деревня Ермаково до сего дня стоит. Поезжай туда, любой скажет тебе, что Ермак родом из этих самых мест и жил там во времена царя Грозного Ивана, а потом ушел в Сибирь.

Иван Кусков тоже не однажды слышал это предание старины.

— В доме нашем, — сказал Иван, продолжая разговор о Ермаке, — у отца моего, с детства помню, висел на холсте писанный портрет Ермака и с надписью сбоку: «Ермак Тимофеевич». Да тот портрет и сейчас у нас дома. Где отец его купил, на какой ярмарке — мне неведомо.

— Я видел ту парсуну у отца твоего. Помню, что на лице Ермака усы да борода, в руке копье, но одежда не воинская, а на голове шляпа с перьями.

— Точно так, батюшка. Совсем он не похож на завоевателя Сибири, как говорят старые люди.

— А он Сибирь не завоевывал, — не согласился отец Галактион.

— Как так? А зачем же пошел туда?

— В те прошлые годы на наших соляных промыслах варили соль купцы Строгановы — родственники сольвычегодских. Ермак варницы их и нанят был охранять. Человеком он слыл смелым, удалым и дерзким. Когда же государь Иван Васильевич Грозный дал Строгановым привилегии на сибирские земли, где они добывали пушнину и брали дань с местных народцев, то взяли Ермака с ватагой охочих людей охранять свои владения сибирские от набегов тех инородцев. Такое было время, Иван... Теперь же туда путь торный.

— Вот и я пойду на днях сперва в Устюг, на Прокопьевскую ярмарку. Туда из сибирских городов торговые люди наверняка придут. С ними и говорюсь в ту сторону. А там как Бог даст.

— Да, брат Иван, что было, того уже никогда не будет, а то, что с нами будет завтра — знает один Господь. Сегодня же тебе надо собираться в дальнюю дорогу. Многое из вещей всяких с собой не бери. Это наживное. Бери главное — неси Бога в душе своей.

Иван внимал всем сердцем словам отца Галактиона и понимал, что тот наставляет его, провожая в долгий жизненный путь, на котором, возможно, они больше никогда не встретятся. Иван это чувствовал, был серьезен и старался запомнить каждое слово своего наставника.

— Возьми с собой в дорогу Евангелие, Псалтырь да писания святых отцов наших, — продолжал отец Галактион. — Начинай

каждый свой день и заканчивай Иисусовой молитвой. Она – самое сильное оружие против умыслов врага. Ну, а в книгах сих – мудрость. Святые отцы в писаниях своих много мудрых мыслей нам оставили... Вот, говорит Иоанн Златоуст, что всё земное, что окружает человека: дома, земля – вчера принадлежало одному, сегодня – другому, завтра – третьему. Всё переходит из одних рук в другие, и ничто не вечно. А что же вечно? Душа. Только о ней и надо заботиться, говорит он. И в Евангелии сказано: какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душа своей навредит... Так что берегись, Иван, стяжания благ, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его денег и всякого имения. Сокрушай чревоугодие, тщеславие, а мир душевный сохраняй неосуждением и молчанием.

Многое, о чем говорил отец Галактион, Иван давно знал, но он знал и то, что от повторения святые истины не стареют, а приближают человека к Богу и помогают в многотрудной земной жизни.

– Вера наша православная всегда стояла и стоит на любви ко вся кому, кто создан по образу и подобию Божию, – по-отечески мягко проговорил отец Галактион, взяв с полки толстую старинную книгу и раскрыв ее. – Апостол Павел в Первом своем послании коринфянам так писал: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы перевставлять, а не имею любви, то я – ничто. Любовь долготерпелива и милосердна, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеетсяся, всё переносит. Любовь никогда не престанет, хотя и пророчества прекратятся, языки умолкнут, и знания упразднятся»... Ты, брат Иван, будешь жить среди разных людей. А посему помни и говори сам себе: пусть будет так, чтобы я вносил любовь туда, где не нависть, чтобы я прощал, где обижают, чтобы я воздвигал веру, где давит сомнение, чтобы я возбуждал надежду, где мучает отчаяние, чтобы не меня любили, но чтобы я других любил. Ибо кто дает – тот получает... Следуй этим правилам святых отцов

наших – и душа твоя спасена будет, в ней поселится мир да благодать. Я же тебя благословляю на твой дальний путь и труды – во благо твое и во славу Божию.

Отец Галактион поднялся с лавки, осенил крестным знамением стоящего перед ним Ивана Кускова, и они троекратно, по православному обычаю, облобызались.

– В Устюг приедешь – иди сразу в Успенский храм. Там найди отца Алексия. Он мой сродник, у него и побудешь, а на постоялый двор не ходи. Я же отцу Алексею обо всем тут в грамотке отписал, – подал Ивану бумагу отец Галактион.

– Спаси Господи, батюшка, – поблагодарил священника Иван. – Обещаю, что никогда не забуду бесед твоих и доброту твою ко мне, грешному.

– Ступай с Богом, Иван, да отпиши ко мне, когда устроишься в сибирской стороне, или с какой оказией о том знать мне дай. А я за тебя тут молиться буду. Да хранит тебя Господь.

– Непременно, отче, отпишу. Спаси Господи, – опять поклонился Иван и вышел из кельи отца Галактиона.

...В тот же день Иван Кусков стал собираться в дорогу. Вечером к нему пришли Митяй с Петром. Они поделили по-братьски деньги от продажи общей доли рассольной трубы, а утром следующего дня, оставив на попечение братьев отцовский дом, отправился Иван Александров сын Кусков с товарным обозом в Устюг Великий, где на днях начиналась большая ярмарка.

Глава девятая

По одному ему известной тропке меж деревьев и зарослей низких кустов шел индеец-дозорщик, за которым следовали мужчины макома во главе с Алёной и Манефой-Шакой.

Вот воин остановился, подняв руку, прислушался, потом снова махнул рукой, и все продолжили движение, а выйдя из леса на открытое место, поросшее лишь невысоким кустарником, передвигаться стали, пригибаясь к земле, и, наконец, вышли к дороге, что вела от плантации к испанской крепости.

Дозорщик поспешил дальше, а все остальные спрятались в

кустах по обеим сторонам дороги. Вскоре разведчик вернулся и жестами показал, что индейцы под охраной солдат возвращаются с работы...

...Как всегда молча, толпа индейцев брела по пыльной дороге. Впереди шагали два солдата с ружьями, а позади толпы шли тоже двое вооруженных испанцев. Замыкал шествие лейтенант Лопес, восседая на лошади. Было тихо. И только шуршание песка под ногами людей да топот конских копыт нарушали эту тишину.

Внезапно раздался чей-то громкий возглас. Из кустов, росших вдоль дороги, выскочили с громкими криками индейцы. Они повалили на землю солдат, стащили с лошади офицера, отобрали у всех оружие и, связав сзади руки, поставили в ряд у обочины.

К Алёне подошел один из ее воинов.

– Их надо убить, – сказал он, показывая на пленных испанцев.

– Нет, – не согласилась Алёна. – Я уже сказала, что мы убивать никого не собираемся... Отпустим с миром. Пусть идут к себе домой и всем скажут, что макома – мирные люди... Что макома – вольные люди. Если же испанцам нужны работники, то пусть приходят и берут к себе тех, кто пойдет к ним доброй волей. Если же и впредь будут наших людей брать силой, то и мы ответим тем же.

Когда вакер-переводчик вместе с Шакой пересказали испанцам слова Алёны, лейтенант Лопес невольно воскликнул:

– Кто ты, женщина?!

– Вождь племени макома, – ответила Алёна и, глядя на удивленное и растерянное лицо испанского офицера, усмехнулась.

– Но ты же белая женщина!

– Да, как видишь, испанец.

– Но у индейцев не принято, чтобы вождем племени была женщина, да еще и белая. Откуда же ты у них вдруг взялась?

– Вот именно – вдруг. Я вышла к ним из морской воды. Они говорят, что сам бог океана даровал им вождя – белую женщину.

– Что за чушь? – все еще ничего не мог понять Лопес.

– Это их вера, испанец. А веру надо уважать.

– Позвольте, господин лейтенант, – вмешался молчавший до сих пор вакер-переводчик.

– Говори...

– Я слышал от самих индейцев эту историю.

– Ну и что она гласит в их исполнении?

– У них и верно не так давно умер старый вождь. Наследников он не оставил и наказал своему шаману и старейшинам молиться в священной пещере на берегу океана, чтобы бог дал им нового вождя. Во время омовения в морской воде после молитвы к шаману и старейшинам вышла из океанских волн белая женщина. Это был для них знак божий.

– Прямо чудо какое-то, – сказал Лопес. – А как звать тебя, женщина?

– Зови Шастой.

– Что это значит – Шаста?

– Когда-то давно, – продолжил рассказ вакер Лопеса, – индейцы макома встретили каких-то светловолосых белых людей. С тех пор они почитают тех пришельцев почти как богов. Шаста и означает Светлая, река Счастья.

– Теперь мне все понятно. По всему видно, что это были славяне. Ты тоже светловолосая, а значит, славянка. Но из славян плавать сюда могут только русские. Стало быть, ты – русская?

– Я – славянка, – подтвердила Алёна, – это правда... но большего тебе, испанец, знать не надо. А то ты очень много вопросов задаешь да много знать хочешь.

– Что же здесь необыкновенного?

– Не забывай, что ты стоишь передо мной и моими воинами со связанными руками.

– Что ты этим хочешь сказать, женщина?

– Только то, что вы все у меня в плену, что женщина может побеждать врагов и защищать своих людей. А значит, быть вождем племени.

– Я уже видел, как ты их защищала. Что же ты сделаешь с нами?

– Твои люди пусть идут домой в свою крепость. А ты с вакером останешься.

– Зачем? – с беспокойством спросил Лопес.

– Да ты не бойся, – успокоила его Алёна. – Я же говорила, что макома – люди мирные. Так что жив будешь. Хотя мои воины и против: много горя вы, испанцы, принесли племени макома своим недавним набегом.

– Альварес, – громко сказал, почти прокричал Лопес своему сержанту. – Веди людей домой и доложи обо всем капитану Муньосу... Скажи, что я в пленау у вождя племени макома.

– А еще передай, – так же громко добавила Алёна, – что если ваш комендант задумает со своими людьми искать нас и моего пленника освободить, то он его вообще больше никогда не увидит. Так что пусть даже и не пытается. Ступайте...

Испанские солдаты со связанными за спиной руками во главе с сержантом Альваресом быстро пошли по пыльной дороге в сторону форта Сан-Хосе, оставив лейтенанта Лопеса и вакера в окружении воинов макома.

Глава десятая

Комендант испанского порта Сан-Хосе капитан Пабло Муньос сидел в рабочем кабинете на втором этаже своего глинянобитного дома и, как обычно, играл в шахматы с денщиком. Муньос был в хорошем расположении духа, да и как быть по-другому, коли дела в его миссии шли тоже довольно хорошо.

На полях в этой благодатной Калифорнии снимать можно два, а то и три урожая в год. Склады форта уже заполнены тысячами мешков зерна, бобов, сущеного мяса, бочонками солонины и свиного сала. И все это, конечно, при даровой рабочей силе индейцев. Жаль только, что всем этим богатством сам комендант распорядиться не может. Все надо везти в ближайший форт Сан-Франциско, куда заходят испанские и иностранные корабли. Но когда придут суда родной страны, того не знает никто.

Правда, еще иногда доставляют беспокойство некоторые местные племена индейцев, чьи люди работают на плантациях форта или его скотных дворах. Но чего им роптать? Ведь он корчит индейских работников отменно. Своих же, испанских, у ко-

менданта нет. Одни лишь солдаты для охраны и защиты форта, да и тех давно не хватает. Вот, может быть, Мадрид с очередными кораблями пришлет воинскую помощь в Монтерей или Сан-Франциско, но достанется ли ему, Муньосу, какое-то число обещанных правительством солдат, он не был уверен определенно.

Сан-Хосе был самым северным фортом испанцев на побережье Калифорнии, или Новой Испании, – всего лишь в двух днях пути от Сан-Франциско, у коменданта которого был в подчинении. Главная задача форта, поставленная Мадридом, – не допустить в эти места русских, уже многие годы живущих на Аляске и тамошних островах, уже спускающихся на юг по океанскому побережью, строящих там свои крепости. Слава Богу, пока такой опасности капитан Муньос не чувствовал, но знал, что русские купцы давно объединились в одну компанию и на своих компанейских судах добывают морского зверя по всему побережью от Аляски до Южной Калифорнии и на островах Океании. Как знать, они могут и сюда прийти, а значит, надо быть готовым к таковым делам...

...Так размышлял Пабло Муньос, почти машинально представляя на шахматной доске фигуры.

– Ты сам-то откуда, Родриго? – неожиданно спросил комендант своего денщика.

– Так откуда же и вы, сеньор капитан, – удивленно глянув на Муньоса, ответил денщик.

– Разве? Я вот, например, из Кастилии.

– А-а-а, – догадался Родриго. – А я из Валенсии.

– Скажи мне, Родриго, что у вас едят по праздникам? – опять спросил Муньос.

– Да многое, сеньор капитан. Всё разве сейчас вспомнишь.

– А ты не всё вспоминай, а только о самом лучшем праздничном вашем блюде расскажи.

– А-а, ну так это, сеньор, конечно, поэлья.

Родриго произнес это так, будто поэлья стояла сейчас перед ним на столе.

Испанская провинция Валенсия, омываемая волнами Средиземного моря, и сухопутная срединная Кастилия, хотя и находились не так уж и далеко друг от друга, но все же отличались

и обычаями, и одеждой, и нравами жителей, впрочем, от других провинций тоже. Вот почему и задал свой вопрос Пабло Муньос своему денщику.

– Ну, так расскажи, Родриго, что такое ваша поэлья.

Родриго подпер ладонью подбородок и, глядя в потолок, мечтательно стал вспоминать:

– На сковородку, сеньор капитан, кладут отварной рис, потом кусочки цыпленка и свинины. Все это сдабривают чесноком, луком, разными травами, затем поливают обильно оливковым маслом и жарят... Вот и всё. Просто и очень вкусно.

– А у нас в Кастилии, Родриго, часто готовят пучеро. Знакомо тебе такое блюдо?

– Нет, сеньор капитан.

– Пучеро готовят в горшочках, – так же мечтательно заговорил Муньос. – В горшок кладут наперченное мясо. Потом туда же горох, картофель и сало... И вот стоит перед тобой, Родриго, этот самый горшочек, только что снятый с огня, и источает невообразимый аромат. А рядом с ним непременно бутылочка хереса или малаги. И нет лучше в жизни минут... Так ведь, Родриго?

– Точно так, сеньор капитан.

– А какой завтра день? – опять неожиданно спросил денчика капитан.

– Не знаю, сеньор.

– А как правоверный католик, ты должен знать, что завтра день святого Иосифа, Родриго. А посему, как только мы сейчас эту партию доиграем, то пойдешь и приведешь ко мне старшего повара. Понял?

– Все понял, сеньор капитан...

Но разговор их прервал неожиданно резко распахнувший дверь в кабинет коменданта, даже не постучавшись, как обычно, дежурный офицер.

– Сеньор капитан!

– Что случилось, Гонзales? – спросил Муньос.

– Команда лейтенанта Лопеса... вернулась с плантации.

– Ну так что? – совсем не удивился комендант. – Он и должен сейчас вернуться.

– Да, сеньор капитан... Но у всех его солдат руки связаны, а самого Лопеса с ними вообще нет.

– Что?! – воскликнул Муньос. – Как это нет?!

Капитан мигом выскочил из кабинета на крыльцо коменданского дома. Увиденное им зрелище заставило Муньоса нахмуриться и молча наблюдать, как солдатам, пришедшим с плантаций, караульные развязывали руки. Лейтенанта Лопеса и вправду среди солдат не было. Лишь его помощник, сержант Альварес, увидев коменданта, направился к нему.

– Что произошло, Альварес?

– На нас напали индейцы из засады.

– Индейцы? Какие?

– Да... Во главе с той самой белой девкой из племени макома, куда мы в прошлый раз ходили на охоту за ними.

– А где сам Лопес? Он жив?

– Был жив, сеньор. Макома взяли его и вакера в плен. А эта девка – их вождь.

– Белая женщина – вождь индейцев! – продолжал удивляться Муньос. – Такого что-то не припомню.

– Но это так, сеньор. Я сам слышал, как она говорила о том. Они освободили всех работников, забрали оружие и верховую лошадь лейтенанта Лопеса.

– И никого из вас индейцы не убили?

– Нет, сеньор. Эта девка запретила.

– Довольно странное поведение. Обычно они убивают наших столько, сколько отправили на тот совет из них мы. А в прошлый раз мы убили несколько диких.

– У нас потери были тоже, – напомнил сержант.

– Да, но это ничего не объясняет. Надо немедленно что-то предпринять... Надо послать отряд солдат и освободить Лопеса.

– Этого не нужно делать, сеньор капитан.

– Как так? – удивился Муньос. – Почему?

– Эта девка сказала нам, что если мы попытаемся искать их и освободить Лопеса, то мы никогда его не увидим.

– Вот как! Она уже диктует нам условия. Почему?

– Мне кажется, сеньор капитан, что она просто допросит лейтенанта, а потом отпустит, как отпустила нас.

– Возможно, – вынужден был согласиться Муньос. – Что же нам делать?

– Надо подождать, сеньор капитан.

– Хорошо. Будем ждать, но если Лопес утром не явится, то я пошлю разведчиков к макома и свяжусь с вождями племен, которые враждуют с ними. А вы будьте готовы к этому.

– Слушаюсь, сеньор капитан, – ответил сержант Альварес, и можно было не сомневаться в его готовности служить Испании и коменданту Муньосу.

Глава одиннадцатая

Дорогу от Тотьмы до Устюга Великого длиною в двести с лишним верст Иван Кусков одолел за неделю. А по зимнему бы пути на санях, да ежели еще на перекладных с подорожной, то в три или четыре дня можно было управиться.

Но не было у него ни подорожной грамоты, ни лошадей своих, а был он просто вольным человеком с походной котомкой за плечами, в которой нес только самое необходимое по вся дни в дороге.

Сговорился Иван идти в Устюг с давним своим знакомцем Евдокимом Токаревым – приказчиком тотемского купца Тимофея Кузьмина, который вез на Прокопьевскую ярмарку целую подводу кожевенного товару.

С ним и держался Иван все эти дни дороги.

Ехали они не одни, а целым обозом. Везли тотьмичи на ярмарку товар разный: веревки бечевые для тяги по воде речных судов, толстые якорные канаты, вожжи, дратву, пряжу. Иные загрузили свои телеги мешками с шерстью, хмелем, солью и прочим ходовым на ярмарке товаром.

Через Камчуг и Брусенец, через Бобровский ям, что в ста верстах от Устюга, где Сухона течет меж высоких, как горы, берегов, через дремучие леса и ясные поляны солнечным июльским утром пришел в Великий Устюг тотемский обоз к самому началу ярмарки, когда торговые гости из ближних и дальних губерний всё еще съезжались в город, являли в та-

можне свой товар, платили за него пошлину, а также деньги за лавку или торговое место в своем ряду, в каком их товару быть положено.

Тотьмичи тоже встали в очередь к таможенникам явить свой товар, а Иван Кусков, попрощавшись с Евдокимом и его товарищами, пошел, как наказывал ему отец Галактион, искать его сродника в здешний Успенский храм на Соборном дворище.

Иван нынче в Устюге не в первый раз. Когда-то, будучи еще в отрочестве, он приезжал, вернее, приплывал сюда по Сухоне, с отцом своим да старшим братом Митяем на их малом суденышке-дощанике с каким-то мелочным товаром.

От той поездки остались в памяти яркие картины речной глади в разное время дня среди покрытых густым лесом берегов и незабываемое и теперь зрелище высоченных Опок – места, где Сухона несет свои воды как бы в глубоком горном ущелье.

Да и город Устюг поразил его тогда величиной и многолюдием, своей набережной со множеством церквей и домов на ней, речных судов возле ее причалов. На целых три версты растянулась та городская набережная, и все, кто приплывал к Устюгу рекою, дивились необычной и дивной красоте, какая являлась перед их глазами. Одних храмов, говорят, в городе было более тридцати.

Видно, совсем не зря, а от чувства любви еще в стародавние времена сложили устюжане про свой город то ли песню, то ли приговорку:

Подъите, подъите все окрестны горожане,
Холмогоры, вятчане и вы, вологжане!
Взгляните, завистники, на сей город глазами!
Подивитесь ему и признайтесь сами,
Что нет такой красоты у вас в градах ваших,
Как Устюг веселит сердца граждан наших!

Иван знал, что и в те далекие времена стоял град Устюг на перекрестке многих торговых дорог. Шли к нему сухим путем и по рекам торговые люди из Москвы и Ярославля через Вологду, а потом по Сухоне до слияния ее с Юг-рекою, а от него

Северной Двиной, родившейся от этого слияния, в Беломорье до Архангельского города и далее в заморские страны.

Через Устюг шла дорога и в Сибирь, а к нему тянулись пути из Вятки, Казани, Костромы, Галича Мерьского, многих волжских городов.

Говорят, что торговать в Устюг или меняться товарами приезжали купцы голландские, шведские, английские, норвежские. То место, где они жили, и сейчас зовется Немецкой слободой на Немчиновом ручье. Вот тогда-то, видно, и стали называть сей город Устюг Великим...

...Успенский храм Иван нашел скоро. Он отличался от других на Соборном дворище своими золочеными крестами на всех пяти его главах, огромностью и был, по рассказам отца Галактиона, одним из самых древних храмов города. В этом же соборе, только тогда деревянном, начинал свою святую жизнь преподобный Стефан Пермский.

Сейчас, когда в храм зашел Иван Кусков, служили обедню, и он успел еще помолиться да возблагодарить Господа за благополучный путь от Тотьмы до Устюга, приложиться к чудотворной иконе Божией Матери, увенчанной драгоценными каменьями в благодарность Путеводительнице и Спасительнице грешных, болеющих, недужных, путешествующих, и попросить ее молитвенной помощи в своем хождении в сибирскую сторону.

Отеца Алексия показала Ивану Кускову одна пожилая прихожанка, когда молящиеся стали подходить ко кресту, который отец Алексий подносил каждому для лобзания. А когда на этом служба закончилась и отец Алексий, разоблачившись в алтаре, остался в простой черной рясе, Иван подошел к батюшке под благословение и, представившись, подал ему перевязанную тонкой тесемкой грамотку, которую дал для своего сродника отец Галактион.

Отец Алексий прочел письмо и пригласил гостя идти за ним. Иван заметил, что отец Алексий был намного моложе отца Галактиона, но лицом своим очень походил на того: те же светлые волосы, такая же небольшая русая бородка и синие, не по возрасту мудрые глаза.

— Как там в Тотьме мой дядюшка отче Галактион поживает? — спросил отец Алексий, когда они вышли из собора и направились к низенькой избенке с маленькими решетчатыми слюдяными оконцами, стоящей в ряд с такими же домишками напротив храма.

— А все слава Богу, отец Алексий. Он лишь просил кланяться тебе и твоей матушке.

— Спаси Господи, брат Иван. В грамоте отца Галактионаписано о тебе только. А не собирался ли он к нам сюда побывать на родину свою?

— Того не ведаю, отец Алексий. Но слышал я от него много хороших слов о его родных здешних местах и о городе сем — Устюге Великом. А собирался он будто бы навестить могилки родителей своих, но когда — того не ведаю.

— Обычаем у него бывать здесь на Успенье Пресвятой Богородицы. Дасть Бог, и в этот раз приплывет по Сухоне. Отец Галактион любит сей храм. Он ведь при нем и вырос. Батюшка его, а мой дед Василий был тут протоиереем и знатным иконо-писцем. Здесь у храма родители его и лежат в вечном покое... А в жизнь монашескую он еще раньше ушел, отроком.

В избе их встретила матушка Елизавета, как представил ее гостю отец Алексий. Она, кажется, была еще моложе своего супруга, хотя покрывавший ее голову и подвязанный под подбородком темный платок почти скрывал лицо. И только глаза молодой матушки смотрели на гостя скромно и ласково.

— Лизонька, — сказал отец Алексей, — сотвори нам с гостем нашим Иваном что-нибудь потрапезовать. Он с дальней дороги, из самой Тотьмы пришел и поклон принес нам от сродника нашего отца Галактиона. Далее путь его лежит в сибирскую сторону. Вот и поживет у нас, пока оказии на ярмарке не сыщет.

— У меня и так всё готово, отче, — ответила матушка Елизавета и перед тем, как стала собирать на стол, поклонилась гостю. — Милости просим.

А пока матушка готовила трапезу, отец Алексий продолжал разговор с гостем.

— Стало быть, брат Иван, ты хочешь добраться до самого Иркутска?

– Да, отче... Так надобно мне...

– Ну, раз надо, то с Божией помощью и доберешься. Правда, на скорую дорогу не рассчитывай. Она будет долгой.

– Да я об этом знаю. Может, где-то наверняка и перезимовать придется на пути моем в Иркутск.

– Это так... На нашу Прокопьевскую ярмарку летом приезжает не так и много торговых людей с той стороны сибирской, а особенно из-за Камня. Они сюда всё больше норовят на пушные ярмарки да торжки, какие бывают здесь по поздней осени и особенно зимой.

– Сие мне ведомо, но зимнего пути ждать резону у меня нет. Так уж всё сложилось.

– Понимаю, брат Иван. Походишь ты сегодня-завтра по торговищу ярмарочному, посмотришь, поговоришь с кем надо, да, глядишь, найдешь себе попутчика. С ним и сговоришься. Из самого Иркутска ты вряд ли кого встретишь, но вот из Тобольска или Койгородка люди на летней ярмарке бывают.

– Сегодня же пойду искать тех людей.

– После трапезы отдохнешь в горенке, где жить у нас будешь, пока дело не сделаешь, а после вечерней службы мы еще с тобой потолкуем.

– Я не только ярмарку, но и город хочу посмотреть. Давно не бывал тут.

– Вот тогда и расскажешь мне, как походишь, и у меня тоже найдется что тебе рассказать... Ну, а теперь помолимся перед трапезой...

После краткого послеобеденного отдыха Иван Кусков вышел на Соборное дворище и направился к берегу Сухоны. Народу на улицах города было много, но, выйдя на набережную, Иван еще больше поразился суете на волнах широкой реки. В разные стороны вдоль и поперек ее русла сновали десятки разных лодок, барок, насадов, дощников, больших и малых, с парусами на невысоких мачтах и без парусов с гребцами. У береговых причалов теснилось множество судов, с которых грузчики и судовые ярыжки сносили по сходням товар в мешках, кипах и тюках, нагружая стоящие тут же подводы, а извозчики везли все это добро к таможне да ярмарочным лавкам.

Подняв глаза от реки, Иван невольно залюбовался самой набережной, где увидел, как и прежде, много церквей. Разные по своей величине и убранству, они придавали берегу Сухоны какую-то особую красоту, а со стороны реки были, несомненно, истинным лицом Устюга.

Иван прошелся вдоль набережной мимо Успенского, Прокопия Праведного, Иоанна Устюжского соборов, мимо Рождественской, Никольской, Варваринской, Покровской, Варлаамской, Преображенской и Сретенской церквей, любуясь ими, восхищаясь трудами рук человеческих, построивших все эти чудные Божии храмы. И он отметил, что такого в его родной Тотьме не было, да и быть не могло. Не из-за людей, конечно, таких же добрых и работящих, а из-за того места, где расположился Устюг – у слияния больших рек Сухоны и Юга и у границ многих русских земель, кои тянулись к Устюгу Великому своими путями-дорогами...

...Погуляв по улицам и переулкам воистину огромного города, Иван Кусков вышел на главную его Богословскую площадь с ее таможенной и съезжей избами, избой земских судей, гостинным двором с домами для иногородних торговцев, с амбарами и лавками рядом с ними.

Но самыми главными на этой площади были торговые ряды, где уже шумела, кричала, смеялась, негодовала и пела знаменитая на всю Россию Прокопьевская ярмарка.

Несколько торговых рядов насчитал Иван на Богословской площади: мясной и хмелевой, серебряный, хлебный, харчевный и сапожный, кожевенный и рыбный да ряд Большой площадный, а лавок тут, у которых толпился и горланил народ и не отстающие от него лавочные сидельцы, сосчитать и вовсе было невозможно. А товару всякого – и своего, устюжского, и привозного – было тут видимо-невидимо.

Вот в кожевенном ряду сапожные швецы присматривают, выбирают, щупают руками сыромятные и дубленые кожи на сапоги, поршни, коты, башмаки, конскую сбрую: гужи, шлеи, подпруги.

В кузачном ряду – свой товар и свой покупатель у лавочных сидельцев, которые предлагают им железные крицы, выплав-

лленные в самодельных домницах, кованые судовые и плотницкие гвозди, огнива, светцы-лучевники, скобы, подковы, топоры, замки висячие и нутряные, ключи и прочий железный товар.

В Большом площадном ряду торговали устюжане разным мелочным товаром: шапочники – шапками, портные-швецы – рубашками, штанами, холцовыми ширинками, сермягами, кафтанами, епанчами, рукавицами, сетями неводными.

А вон в харчевном ряду молодой и пока еще безбородый удалец-продавец, громко крича, зазывал к себе проходивший тут народ: «Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съест, тот и молодец! У нас один молодец съел тридцать три пирога с пирогом, и все с творогом! А как шапка свалилась, по земле покатилась, до реки пихал ногой, а вошел в воду и почуял: что-то лопнуло. Не брюхо ли лопнуло, подумал. Глядит: брюхо цело – ремень лопнул! Заходите и вы наших пирогов отведать! С творогом, капустой, с рыбой заморской, с грибами и ягодой-черникой! Квас попивать, пирогом заедать! Брюхо лопнет – наплевать: под рубахой не видать!»

Тут же меж рядов и лавок ловко сновали торговцы-лотошники. Они тоже громко предлагали свой мелкий товар: пряники, витушки, соль, пуговицы оловянные, зеркальца, свечи, воск, гребни костяные и деревянные... Да разве можно перечислить всё, что торговцы разложили перед народом устюжским и приезжим людом в этот праздничный для всех ярмарочный июльский день...

Находившихся в рядах, насмотревшихся на товары и людей главной торговой площади, Иван Кусков не пошел на другие, Вознесенскую и Варваринскую, а направился на Гостиный двор, где жили в эти ярмарочные дни иногородние гости Устюга и вели торговлю тут же.

Из беломорских городов первые гости здесь издавна холмогорские. Обычаем они приплывают на ярмарку на своих судах. А для продажи везут свежую, соленую и ветряную рыбу: палтуса, треску, семгу. В чести у покупателей и оленина соленая, и оленьи шкуры, и особенно любимая устюжанами холмогорская морошка.

В лавках костромичей и галичан – лучшее в России мыло,

лыко, самодельное железо в крицах, кожи красные и белые, холсты крашенинныне, лен на пряжу, а у торговцев с Вятки – деревянная посуда: блюда, плошки, липовые чаши, ложки, черпаки, сита, решета.

Множество народа толпится у лавок купцов из Казани. Они приезжают на Прокопьевскую ярмарку всегда с восточными товарами. У казанцев всегда бывает полно китайского шелка, черного и цветного, тяжелого турецкого бархата, китайских же легких тканей с вышивкой на них каких-нибудь диковинных птиц с длинными и яркими хвостами, а из мелочного товара в ходу на ярмарке казанские румяна и белила для устюжских девок и молодух.

Говорили, что на ярмарке в Устюге бывают гости торговые и из самой Москвы-матушки, но сегодня Иван увидел только одну лавку москвичей, которые торговали воском, свечами, печатными книгами учебными – псалтырями и часословами, миныеями месячными, чернильницами да писцею бумагою. А называя покупателей, лавочник тоже возглашал громко: «Подходи к нам – москвичам. Ведь Москва всем городам мать! Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая, книжная и мудрая»...

Походив еще немного по Гостиному двору, Иван так и не нашел того, чего искал: торговых людей из Сибири пока не было. Встретил, правда, гостей из Сольвычегодска да из Койгорода, но это было не то, на что он рассчитывал. Надо было подождать: ведь ярмарка еще только начиналась. С этой мыслью он пошел на вечернюю службу в Успенский собор, а потом в избе священника за самоваром был у них с отцом Алексием разговор о сегодняшнем ярмарочном дне Ивана.

– Жалко, что я пока никого из сибирской стороны не нашел. Больно ярмарка велика, – в который уже раз сокрушенно молвил Иван.

– Еще встретишь. Из Тобольска люди тут у нас гости частые. Их завтра спрашивай. Ярмарка велика, ты говоришь... А вот старики сказывают, что раньше она еще больше была, много-люднее.

– Еще больше? – удивился Иван.

– Да... Когда наша русская торговля с англичанами и голландцами да шведами через Архангельск бывала. Тогда приезжали к нам в Устюг заморские купцы со своими товарами. А потом, когда Петербург построили, то через него торговля заморская пошла, а у нас только название Немецкой слободы осталось. Тогда ведь к нам со всей России торговать ездили! Со всех волжских городов и даже из Астрахани, с Украины тоже, с Новгорода Великого, Калуги, Рязани, Воронежа, а уж из Москвы, так то само собой.

– А я вот сегодня узрел, что из Москвы на Гостином дворе лавок-то нынче немного, – заметил Иван.

– Ну, тут дива нет никакого. Москвичи обычают приезжают через Вологду зимой и с товарами немногими, а всё больше с деньгами. Здесь на зимнем пушном торгу они целыми возами закупают сибирские меха, увозят в Москву, потом в разные страны.

– Да, у нас в Тотьме такого не увидишь.

– Что и говорить. Ваш город купеческий. Тотьмичей здесь у нас на каждой ярмарке полно. Город наш, хоть и своих купцов много имеет, а слывет издавна городом землепроходцев и мореходов. Всё потому, что устюжане давно славятся как удальцы-молодцы.

– Мне о том говаривал отец Галактион, – подтвердил Иван.

– Немудрено, что он много знает из истории города нашего. Ведь в Успенском храме едва ли не с начала его ведется летословец. Он и теперь у нас в древлехранилище. Я читал его, и там все об Устюге и устюжанах описано погодно.

– Мне любопытно было бы послушать о сем, отец Алексий... О землепроходцах особенно...

– Тогда слушай... Во времена, когда Русь разделена была, – начал свой рассказ отец Алексий, – то Устюгом Москва владела. Это еще при Дмитрии Ивановиче Донском было. С ним устюжане на Куликовом поле были, а потом он рать устюжан в поход против Новгорода Великого водил. Ведь рядом с Устюгом новгородцы землей по Двине владели, а кругом Пермь Великая, ханы сибирские, вятчане, булгары волжские и камские. Москва же с ними со всеми воевала. А устюжане с вологжанами первыми в московской рати всегда на врагов шли.

– И с кем воевали?

– Вот со всеми этими соседями и воевали. Только при Иване Третьем устюжане ходили в военные походы шестнадцать раз на булгар, татар казанских, черемис да сибирских ханов. А однажды ходили даже воевать шведских немцев по Двине, по морю Белому и через Мурманский Нос... Правда, и Устюг не один раз сжигали охочие рати новгородцев, татар казанских, булгар, отряды вятских людей... Но зато Пермь Великая, Югорская земля и вся Сибирь, Вятка, Двинские земли, сам Великий Новгород, Казань к нашей русской земле присоединены были, а Русь единой стала. Так что в этом благом деле большая доля устюжан.

– А мореходы откуда в Устюге взялись? Отсюда и до моря-то далеко.

– А всё началось, видно, с этих боевых походов в дальние страны. Наши люди за Камень еще задолго до Ермака ходили. А после него таких ходоков великое множество стало. Возьми сперва хоть Семена Дежнёва и его сотоварища – устюжанина же Федота Попова. Один открыл пролив между нашей землей и Америкой, другой до Камчатки добрался. А устюжанин Ерофей Хабаров сперва на реке Лене промышлял, потом на реку Амур пробрался. Заметь, Иван, они не просто новые земли открывали, но описывали их и к России присоединяли. Вот как Атласов, к примеру. Он тоже родом из Устюга. Служил же в Анадыре в казаках. Потом двинулся на Камчатку. Всю ее прошел и описал камчатскую землицу от края до края. От него узнали в России о Курильских островах и Японии, а Камчатка присоединилась к русским землям. Мореход-устюжанин Афанасий Бахов первым из русских со своими товарищами зрил берег американский. Василия Шилова сама императрица Екатерина Великая наградила золотой медалью за описание Алеутских островов... А мореходы Василий Поярков, Михайло Стадухин, Василий Гусельников по прозвищу Скорая Запись... Да разве всех перечислишь... Впрочем, устюжане и ныне бороздят на своих компанийских судах волны Великого океана от Камчатки и до самой Америки.

– Да и тотьмичи тоже.

– И тотьмичи, и вологжане, – согласился отец Алексий, – и

каргопольцы, и лальцы, и сольвычегодцы, да мало ли еще кто. Сибирь велика. Все они там свои суда имеют и промыслом морских зверей заняты. Дело их сие во славу Божию и на пользу Отечеству...

...Долго в эту ночь в своей горенке не мог уснуть Иван Кусков от всего увиденного и услышанного им за день сегодняшний.

Многие думы навеялись в его голове от рассказа отца Алексия о делах и подвигах устюжских мореходов. Правда, кое-что ему поведал еще в Тотьме отец Галактион. Он тогда же подумал: почему город Устюг, почти сухопутный, стоящий лишь на берегу хоть и большой, но всё же реки, стал чуть ли не столицей русских мореходов, первооткрывателей новых земель на таких далеких от их родины берегах Великого океана?

Почему устюжане были такими непоседами? Что их заставляло бросать родной дом и идти в неведомые края, совсем не зная, что из этой затеи получится? Никто же не может знать, что будет вон за той рекой или горой, вон за тем небоскатом, где каждое утро встает солнце?

Так чего же они хотели? Славы? Но она могла и не прийти, а если приходила, то многие ли о ней знали? Нет, не ради славы и личного блага шли землепроходцы «встречь солнцу».

А может быть, они искали в тех краях Беловодское царство, где все жили вольно и свободно, где не было ни начальников, ни судей, ни сборщиков налогов, ни надзирателей, ни тюрем, а была между людьми только любовь? Но в такой земной рай вряд ли они верили и искали его.

Стало быть, прав был отец Алексий. Шли землепроходцы ради познания неведомого, а дела свои вершили ради пользы и блага Отечества, ради умножения его земель и народа российского... Иван с удивлением отметил, что и ему тоже хочется узнать что-то неведомое, быть похожим на таких же мореходов и землепроходцев, а в будущем самому открыть какую-нибудь землю в тех неведомых краях... С этой мыслью Иван и уснул, а другим утром он опять отправился на шумную, говорливую ярмарку, каковою в эти первые июльские дни жил весь Великий Устюг. И на этот раз ему повезло.

В одной из лавок того же Гостиного двора, вчера еще никем не занятой, встретил Иван и познакомился с торговым человеком из Тобольска Степаном Лукичем Шергиним. Да к тому же приказчиком тотемского купца Артемия Ивановича Ряшкина, который давно обосновался в Тобольске, а оттуда со своими сыновьями вел торговые дела по сибирским городам на ярмарках и торжках разными товарами.

— Что-то я вчера тут никого из сибирских городов не встретил. Только из Койгорода прибыли.

— А мы запозднились по дороге, да на таможне долго своей очереди ждали. А когда товар в амбар убрали, то я своих земляков тут встретил — холмогорцев, я ведь сам-то из Архангельского города. Так и сидели за полночь, разговоры вели. Приятно было родину свою вспомнить, да и польза была... Я им свой товар створил продать: бруски да точила, меха разные, перец турецкий, чай китайский, а они мне слюду на окончины, гужи моржовые, кипы хмеля.

Оказалось, что новый знакомец, Степан Шергин, и сам был купцом, но торговли своей пока не имел.

— А пошто тебе, брат, сибирские купцы, коли ты их ищешь?

— А хочу эту страну сибирскую повидать, да, может, свое дело найду. Ведь там много теперь наших — вологжан, тотьмичей, устюжан.

— Да, почитай, в каждом городе один или два торговых человека из здешних мест родом всяко найдутся. — согласился Степан.

— Вот и я говорю. А дойти мне надобно до самого Иркутска.

— Да, в большую дорогу ты собрался, Иван. До Иркутска путь долг.

— А я не спешу. Где надо, там останавливаться али зимовать буду. Ты только, Степан Лукич, мне до Тобольска помоги добраться. Сговоримся?

— Сговоримся, что не говориться. Бывали не раз такие попутчики со мной в ту сторону. Да я и сам так когда-то туда ушел. Правда, по зимнему пути. А сейчас даже до Тобольска путь долг.

— Ничего, выдюжу... А незнакомая дорога меня всегда ма-

нит. Только, ежели в Тобольске зимовать останусь, то работу искать придется.

– Ну, это дело нехитрое. Тот же Алексей Иванович Ряшкин помочь может. Земляк ведь.

– Так, значит, по рукам? – сказал Иван с надеждой.

– По рукам, – согласился Степан, отвечая на пожатие. – Только я ведь не завтра поеду, а пока свой товар не продам и новый не закуплю.

– Я понимаю и думаю, что могу помочь тебе подходящий товар тут искать. Только скажи, что ты желаешь взять, – предложил Кусков.

– Возьму лыну для пряжи кип несколько, бечевы судовые, овчины и полсти, мыла, судовых гвоздей, сети неводные да деревянной посуды воз, – загибая пальцы, говорил Шергин. – У меня три подводы с возчиками... Лавочного сидельца я здесь нанял.

– Я знаю, – сказал ему Иван, – что из Вологды привезены сюда бечевы судовые, пряжа и холсты, сети неводные, ложки, блюда деревянные да всякая такая утварь. Могу с ними хоть сейчас договориться. Кое-что у своих тотьмичей посмотрю.

– Иди тогда говаривайся... Поприценяйся, а потом мне поведаешь. Я же тут, на Гостином дворе, у ярославцев к медной посуде приценюсь, у костромичей надо мыла взять, да заказ у меня на медную же ендову и воск есть. Ну, еще кое о чем подумаю...

На том и порешили.

А через каких-нибудь два дня, когда некоторые иногородние гости ярмарки начали разъезжаться по домам или по другим ярмаркам да торжкам, погрузил на свои подводы весь намеченный к вывозу в Тобольск товар и Степан Шергин со своими людьми.

– А вот судовых гвоздей только одну тысячу взял, – сказал он Ивану, помогавшему тобольцам при погрузке. – Везти их много легче по санному пути. Но зато хоть заказ сделал местным кузнецам на четыре тысячи штук. Даст Бог, на зимнюю пушную ярмарку приеду и заберу. Так что можем прямо сейчас в путь отправляться.

– Перед дорогой, Степан Лукич, надо бы в храм зайти да помолиться, – предложил Кусков.

– Это само собой, – кивнул Шергин.

– Тогда пошли в Успенский храм. Там отец Алексий, у которого я на постое, благословит нас и молебен отслужит на дальнюю дорогу.

Предупрежденный еще накануне вечером, отец Алексий ждал сибиряков в соборе и, отслужив молебен для путешествующих, благословил и напутствовал каждого.

Поблагодарив отца Алексия за приют, попросив его молиться о нем и его спутниках, Иван Кусков закинул котомку на телегу, и обоз тобольцев из четырех подвод, нагруженных ярмарочным товаром, двинулся на выезд из города.

Только об одном спросил Иван Степана Шергина, когда их обоз выехал на сольвычегодскую дорогу.

– А что не через Лальск, Степан Лукич? Говорят, что там путь до Койгорода короче.

– Короче-то короче, – согласился Шергин, – но летом туда дорога худа. А по Бабиновской дороге через Сольвычегодск уже лет двести в Сибирь ходят. Она пока, так сказать, казенная, государева, на ней и гати мостят, переправы содержат, на почтовых станциях лошадей меняют, ежели у кого подорожные есть до любого города, хоть до нашего Тобольска. Но этот сказ не про нас. Мы деньги за лошадей должны платить будем. Так что, Господи, благослови, – сказал Шергин и, перекрестившись, дал команду возчикам продолжить путь.

Глава двенадцатая

– Завяжите испанцам глаза, – приказала Алёна своим темнокожим воинам, когда солдаты Лопеса скрылись за поворотом дороги с высокой травой и кустарником по обе ее стороны.

– А зачем это делать, белая женщина? Если ты решила меня лишить жизни, то я хотел бы при этом стоять с открытыми глазами, – неожиданно твердо произнес Лопес.

– Твои слова достойны настоящего мужчины, испанец, –

улыбнулась Алёна. – Но я уже сказала, что мы, макома, никого убивать не собираемся, тем более безоружных людей, да еще и пленных. Твоей жизни сейчас ничего не угрожает, хотя с этим согласны не все мои воины, ибо вы, испанцы форта Сан-Хосе, много зла принесли моему племени... Помнишь ли ты последний ваш набег на нашу деревню?

– Уж не хочешь ли ты, женщина, вести нас в ту свою деревню на суд твоих подданных? – спросил Лопес, когда на голову его и вакера надели какие-то кожаные колпаки шерстью наружи.

– Да нет, испанец. Хотя отвечать вам когда-то придется за все... Всему свой час. Суда земного и Божьего каждый дождет-ся. А глаза вам завязали, чтобы вы не видели, куда мы отсюда пойдем.

Алёна взмахом руки приказала воинам перейти через до-рогоу и идти в противную сторону.

– А что толку, что мы не увидим или увидим, куда вы уйдете. В такой траве разве найдешь следы ваши.

– Береженого Бог бережет... Мы знаем, что у вас есть свои следопыты. Знаем и то, с какими нашими врагами из здешних племен вы дружите. Но сразу хочу тебе сказать, испанец, чтобы вы не пытались нас искать. От этого хуже будет только вам.

Все эти слова Алёна говорила Лопесу, пока ее воины не остановились по знаку вождя у одной из стоящих недалеко от дороги сосны-чаги, и повелела снять колпаки с голов пленников.

– Вот теперь мы тут и поговорим еще немного, испанец. Садись, – предложила Алёна и первая села, прислоняясь к стволу сосны.

– Почему ты меня зовешь только испанцем? Я лейтенант Лопес, Альберто Лопес – мое полное имя.

– Хоть ты и офицер, но много будет чести, чтобы я, вождь племени макома, называла тебя по имени. Ужели знакомство со мной ближе иметь хочешь? – засмеялась Алёна.

– А почему бы и нет? – серьезно сказал Лопес. – Ты женщина красивая, да к тому же белая, а я, как видишь, тоже белый.

– На вид-то ты белый, но душа у тебя черная, испанец. А по-смотря на моих мужчин, – и Алёна повела рукой в сторону сто-

явших рядом воинов. – Они темнее телом, но души их светлые и чистые, ибо живут они на своей земле, которую им Бог даровал.

– Это земля испанской короны, мы ею владеем.

– Была бы ваша, ежели дарована али куплена. Но земля эта вами захвачена. Вы прошли по этой земле с мечом и огнем, а называете себя христианами. Разве не так?

– Да, мы – христиане, – кивнул Лопес.

– Но как можно называть себя христианами, а Божии заповеди нарушать? «Не убий», а вы убиваете, кого хотите. «Не укради», а вы крадете и землю и людей. «Не прелюбодействуй», а вы насилиуете жен и девушек местных.

– Кто ты, женщина?! – опять воскликнул Лопес.

– Обо мне тебе все сказано. Зачем повторять?

– Так что же ты хочешь от меня?

– Я тебя уже спрашивала... Помнишь ли ты последний ваш набег на деревню макома?

– Конечно, помню. Тогда я впервые там тебя увидел. Ты убила троих наших солдат.

– Мы защищались, а вы напали на мирных и безоружных людей. Зачем?

– Нам нужны были работники на плантациях.

– Так работайте сами на ваших полях.

– У нас нет столько людей.

– Тогда берите тех, кто пойдет к вам добровольцем.

– Таких почти нет. Они все быстро разбегаются.

– Для вольных индейцев работа у вас тяжела, да еще под надзором солдат. Это труд рабов, а не вольных людей, коими они родились. А вы их даже на ночь запираете в сараи, как скот. Не так ли?

– Это делается для того, чтобы они не убежали.

– Из форта с его высокими стенами или через ворота, где стоят караульные солдаты? Ты нам сказки не рассказывай, испанец. Всё это вы делаете потому, что индейцев вы за людей не считаете. Вот почему мы говорим с тобой на разных языках.

– Но разве я один виноват в том, в чем ты сейчас нас обвиняешь?

– Конечно, не один. Ты виноват вместе со всеми... Нам с

тобой никогда не сговориться. А посему ты пойдешь сейчас в крепость и передашь своему коменданту, что если ваши набеги на нас или другие племена будут продолжаться, то мы объявим вам войну. И тогда посмотрим, чья возьмет. Уразумел, испанец? Ясно сказала?

– Ясно, – согласился Лопес. – Чего тут не понять.

– Тогда ступай домой и помни о том, что я тебе говорила, – сказала Алёна, поднимаясь с земли.

Она приказала своим воинам отвести испанцев на дорогу и развязать им руки, а когда Лопеса собирались уводить, подошла к нему.

– Еще одну истину помни, испанец: «Пришедший с мечом да от меча и погибнет». Помни.

Лейтенант Лопес ничего не ответил на эти слова Алёны, и они с вакером, окруженные воинами макома, пошли к дороге.

Еще было светло, когда Лопес постучался в ворота форта, а когда караульный отворил пешеходную калитку, лейтенант почти бегом бросился к дому коменданта.

Капитан Муньос ужинал и совсем не ожидал вот сейчас увидеть своего пропавшего офицера, а когда Лопес распахнул двери и Муньос увидел его на пороге, то капитан, радостно воскликнув, вскочил из-за стола и побежал к лейтенанту.

– Наконец-то, Лопес!.. Ты здоров? Не ранен?

– Нет, господин капитан, я... – начал было говорить лейтенант, но комендант остановил его.

– Ничего не говори, Лопес. Давай сразу за стол, вот тебе стакан вина. Да что там вина, вот тебе стакан рому. Выпей, а потом говорить будем.

Лейтенант Лопес благодарно глянул на коменданта, сел за стол, залпом выпил предложенный ему стакан крепкого рома, потом, шумно и устало вздохнув, вымолвил:

– Я готов...

– Ну и хорошо, Альберто. Хорошо, что ты жив и здоров. А то, что с вами случилось, я знаю. Мне доложил Альварес. Значит, ты встретил опять ту самую белую женщину из племени макома.

– Так точно, господин капитан. Но она оказалась вождем этого племени.

– Меня это особенно поразило в рассказе твоего сержанта.

– И тем не менее это правда. Теперь я в этом убедился сам.

– Но откуда она там у диких появилась? Вот в чем загадка.

– Не знаю, господин капитан, но макома ее баговорят и говорят, что она им дана самим богом океана, что она вышла к ним из морской воды после бури. Интересно, что женщина это тоже подтвердила.

– Ну, это сказки диких индейцев, которые верят в духов своих предков и богов. Мы-то не дураки, чтобы в это поверить. Нет, Лопес, здесь что-то другое.

– Наверняка так, господин капитан. Я сам думал об этом, но ничего в голову не идет, а она сама не говорит, хотя и спрашивал.

– А почему эта белая девка-вождь тебя оставила, а других отпустила? И никого из вас дикие не убили. Почему?

– Сказала, что макома мирные люди и никого, особенно пленных, они не убивают. Хотя некоторые из ее воинов предлагали расправиться с нами. Но она не разрешила.

– А я уже собрался идти к тебе на выручку.

– Вот тогда она могла с нами расправиться.

Стакан рома подействовал на Лопеса успокаивающе, напряжение внутри спало, и он поведал коменданту весь разговор с вождем племени макома. Когда же дошел до того места разговора, где хотел узнать ее имя и сказал свое, то Муньос перебил его:

– И все же влюбился ты, Лопес, в эту белую девку? – сказал он, смеясь. – Правда, или мне так кажется?

– В такую не грех и влюбиться, господин капитан: белокожа, беловолоса, и глаза – синие небеса. И я дал себе слово, что встречусь с ней непременно.

– Понимаю, понимаю тебя, лейтенант. Мы с тобой так давно не видели белых женщин, – согласился Муньос. – И всё же главное в вашем разговоре – ее предупреждение нам о возможном нападении на наш форт, если мы силой будем набирать себе работников?

– Да, сеньор капитан.

– Так что же нам теперь делать? Не водить работников на поля? Ведь завтра она со своим диким воинством опять нападет на наших людей.

– Думаю, что нет, сеньор.

– Почему?

– Мне показалось, что она в этот раз просто освободила мужчин своего племени. Их у нее, видимо, не очень много. Так что завтрашнюю команду можно смело вести на работу. Но караулы надо усилить. Так, на всякий случай, – высказал свое предположение Лопес.

– Где же я тебе столько солдат возьму? А если дикие и вправду нападут на форт?

– Думаю, что сейчас это исключено, сеньор. Чтобы напасть на нас, диким племенам надо объединиться. А это дело не скоро делается.

– Пожалуй, что так, – согласился Муньос. – Но и нам не следует сидеть сложа руки!

– Конечно, сеньор. Новых солдат надо попросить у коменданта форта Сан-Франциско или даже в Монтерее, – предложил Лопес.

– Согласен, – кивнул Муньос, – и мы с тобой в Сан-Франциско съездим, когда время придет.

– Но есть еще у меня задумка, сеньор капитан, – как-то даже загадочно проговорил Лопес.

– Давай, выкладывай скорее, – поторопил его Муньос.

– Дело в том, что не все местные племена индейцев дружны между собою.

– Я об этом знаю, – согласился комендант.

– Ну, так нам надо найти врагов макома и столкнуть их. К примеру, за той рекой обитает племя чолбонов. Они с макома не дружат, а к нам относятся по-доброму.

– Да и работают неплохо. Ведь мы их кормим хорошо. А вождь их от нас подарки получает, когда здесь бывает.

– Его и шамана следует опять позвать сюда, поговорить по-хорошему, да и подарками задобрить.

– Ты молодец, Лопес. Хвалю и радуюсь. Давай еще выпьем

за успех в наших делах против диких на благо испанской короны и сей земли нашей – Новой Испании, – радостно проговорил Муньос, разливая ром по стаканам.

– С удовольствием, сеньор капитан, – поддержал его Лопес.

– А как вы насчет того, чтобы мне с нашими ребятами найти макома и привести сюда эту их девку-вождя?

– А ты опять за свое, лейтенант... Нет, Лопес... Не будем торопиться. Сперва всё узнаем о ней через индейцев-чолбонов...

В эту ночь опять долго не могла уснуть в своей хижине Алёна. Думы о том, как защитить людей макома от испанцев, одолевали ее. Алёна понимала, что одной с мужчинами своего племени ей это дело не по силам. Выход был только один: объединиться против врагов с дружественными макома племенами, добыть коней и оружие, обучить мужчин обращаться с тем и другим. Ну, а храбрости и мужества воинам макома не занимать. Но обо всем этом завтра надо будет поговорить на совете старейшин племени. С этой мыслью Алёна, успокоившись, и уснула.

Глава тринадцатая

Путь в Сибирь и впрямь оказался многотрудным и долгим, но для Ивана Кускова интересным: почти каждый день на этом пути он делал для себя какие-то открытия, как бывает всегда, когда идешь в даль, до того тебе неведомую, знакомую лишь по рассказам других людей, в той дали побывавших. Сперва вдоль берега Северной Двины дошел он с обозом Степана Шергина до Сольвычегодска. Это, считай, что своя сторона. А вот от сего города и началась та самая сухопутная дорога «встречь солнцу» уже в сибирскую сторону.

Дорога именовалась Бабиновскою. Потому, сказывают, что лет двести тому назад, почти что во времена Ермака Тимофеевича и царя Ивана Грозного, проторил ее посадский человек Соли Камской Артемий Бабинов.

От Сольвычегодска шла она на восток через дремучие леса

и Каменный Пояс, через большие и малые реки, перевалы, переправы, ровные долины до многоводного Иртыша и до славного города Тобольска, бывшего еще совсем недавно столицей необъятной страны Сибири, перенесенной ныне по указу императрицы всероссийской Екатерины Великой в город Иркутск на реке Ангаре, которая несет свои воды по той земле от великого Байкала в столь же великий Енисей, а тот – в океан Ледовитый. Но все это где-то там, в далекой тысячеверстной восточной стороне, куда ведут мечты его, тотьмича Ивана Кускова.

Сказывали бывалые люди, что соликамский посадский человек Артемий Бабинов сократил дорогу из России в Сибирь на целую тысячу верст вместо старопрежнего Печорского пути, который пролегал еще севернее Сольвычегодска через Печору и Пермь Великую за Камень в Югорскую землю и на Обь-реку. И давно ведомо, что ходили по тому пути в Сибирь охочие рати новгородцев, вологжан и устюжан задолго до Ермака Тимофеевича.

...Все сие познавал Иван Кусков от Шергина и его спутников, на ночевках в слободах и селах, в ямщицких избах от встречных людей или от попутчиков.

Говорили еще они, что дорога сия скоро станет малолюдною, ибо уже пошли обозы в Сибирь из России по новой дороге через Пермь и Кунгур, а там на Екатеринбург, в Тюмень и Тобольск.

Названиями тех мест, где обитали люди, Кусков нешибко удивлялся, но вот видами природы, которые ежедень менялись, он часто умиллялся и восхищался. Правда, в иной день не до того было. Особенно при переправах через реки, когда перегружали весь товар с телег на речные суда. Такими днями Ивану приходилось изрядно попотеть. В обозе Шергина Кусков не был нахлебником, а трудился, когда случалась в том необходимость, вместе со всеми своими спутниками.

Когда же останавливались на ночлег или отдых в ямских слободках да почтовых станциях, он читал Евангелие и, если удавалось, то брал у смотрителя перо с чернильницей и записывал в свою тетрадь кратко о тех местах, где проезжал обоз, о том, что увидел и отложил в памяти своей. А записывать и вправду было что...

Так, от Сольвычегодска отъехав, пришлось вскоре перевозляться через Вычегду-реку, а потом в селе Большой Двор, куда прибыли под вечер, пришлось заночевать и сменить лошадей, заплатив за прогон до следующего яма местным крестьянам, свободным от государевой ямской гоньбы. И так потом часто бывало.

На этом почтовом тракте стояло много деревень, жители которых, обслуживая ямскую гоньбу, подрабатывали на жизнь подвозом торговых людей от яма до яма, едущих в Сибирь или обратно.

Названия тех мест, где проезжали по тракту, Иван, конечно не все запомнил, но отметил для себя, что деревни вдоль дороги были весьма опрятны и ухожены. Так же хорошо возделаны пашни меж перелесков, а иногда и у речных берегов.

Особенно запомнился Ивану большой лес по берегу Сысолы, когда через селения Куратово, Палауз и Ужгу подъезжали к Койгородку на Сысоле же реке. Здесь заночевали, сменили лошадей и отбыли опять по большому дремучему лесу прямо на восход солнца до Козьего яма на реке Козе, а на другой день прибыли к берегу широкой и многоводной Камы-реки.

Здесь пришлось весь товар с подвод переносить на широкую ладью под парусом: от берега до берега было не меньше версты. Пришлось ждать еще и тихой погоды, как всегда при переправах по широкой воде, когда даже Маленький ветер поднимает на реке большую волну, способную перевернуть суденышко.

После переправы через Каму сменили повозки и лошадей, а под вечер подъехали к Соликамску, где на постоялом дворе Степан Шергин объявил об однодневном отдыхе. Все с ним благодарно согласились, ибо за эти первые дни пути люди устали от частых перевалок товара, от пешего хода. А того и другого впереди ожидалось еще много.

Вечером того дня, после бани за квасом и ужином Иван Кусков спросил Шергина:

– Далеко ли еще до Пояса Каменного, Степан Лукич?

– А дня через два-три, однако. Когда переберемся через реку Яйву, то горы каменные увидишь. А там за ними уже Сибирь-матушка начнется.

Так все и произошло, когда после ночевки в деревне Верхняя Усолка, запомнившейся Кускову огромным озером, на берегу которого она и стояла, переправились через речку Яйву. Тут увидел Иван Кусков долгожданные горы и скалы, каких отродясь пока не видывал. Обоз проехал мимо трех высоких гор, покрытых темным хвойным лесом, и двинулся дальше по дороге вдоль берега ручья Чикман, притока Яйвы, пока версты через две или три не остановились в селе Верхне-Косвинском, где тоже стояли горы, еще выше прежних.

– Ну вот мы и в Сибири, – подошел Шергин к Ивану, с интересом, с каким-то восторгом взиравшему на необычную местность. – Вот эти самые горы, зовомые Камень, и разделяют Россию и землю сибирскую... Да ты впереди еще не такое увидишь. Сейчас же нам помолиться надо, однако.

Ничего не сказав Степану Лукичу, Иван Кусков пошел вместе со всеми в сельский храм – небольшую деревянную церквушку с шатровой колоколенкой, какие и в вологодских краях стоят повсюду.

Местный сельский батюшка и, как оказалось, давнишний знакомец Степана Лукича, после обедни отслужил заказанный Шергиным молебен о благополучном прибытии обоза с товаром и людьми в Сибирь и о благополучном же продолжении их пути к Тобольску.

За трапезой в харчевне при постоялом дворе у почтовой станции Иван спросил Степана Шергина о том, долго ли еще идти до Тобольска.

– Далековато, однако, будет. Так что ты верняком еще одни сапоги стопчешь... Домой придем в сентябре-октябре, а там скоро и зима грязнет. Чем заниматься будешь? Или далее, в Иркутск пойдешь? – спросил Шергин.

– Да мне, Степан Лукич, спешить особо некуда. До Иркутска я все равно с Божьей помощью доберусь, но на эту зиму, видно, останусь в Тобольске... Поизноситься да поиздержаться придется в дороге. Где-то там у вас поработать надобно будет... На одежду, на обутку да на дальнюю дорогу до Иркутска.

– Ну что же... Правильно мыслишь, Иван Александрович... Думаю, что хозяин наш Алексей Иваныч Ряшкин, как я тебе уже

сказывал, в помощи земляку не откажет. Это ему не в убыток, а скорее, наоборот будет. Мужик ты, вижу, работящий, да и по коммерческой части соображение имеешь. А нашему хозяину такие люди всегда нужны... Похлопотать же за тебя я смогу, ежели ты сам охоту к тому имеешь.

– Спаси тебя Господи, Степан Лукич. Век буду благодарен, – сказал в ответ Кусков.

– А-а, не стоит благодарности. За хорошего человека почему не порадеть.

В тот вечер спать легли рано, и выехали из села по сибирскому тракту тоже рано, и опять, как говорили издавна, «встречь солнцу», которое только-только будто проснулось и, умывшись утренней росой, поднималось, играя, над лесом и невысокими горами на восточной стороне небозема.

И опять Иван отмечал про себя часто меняющиеся красоты здешней природы, совсем не похожей на природу родных тотемских мест: горы, покрытые лесом, голые высокие скалы, дремучие леса да гладкие речные долины.

Через многие села и деревни на старом тракте проезжали почти не задерживаясь. Потому-то названия их не оставались в памяти Ивана.

А вот река Ляля запомнилась ему своими необычным названием да еще тем, что ехали вдоль нее почти целый день, то поднимаясь в горы, то опускаясь с них в густой и дремучий лес, после которого уже к вечеру подъехали к деревне Карапул, где и заночевали, дав отдых себе и лошадям.

Утром же ранним тронулись от Карапула опять через лес и к вечеру добрались до городка Верхотурья, стоящего на берегу Туры. После переправы через эту реку дорога показалась Ивану малоезжей. Деревни на ней одна от другой, бывало, стояли друг от друга на сорок, а то и на пятьдесят верст. Только рядом с переправами было оживленнее. Возле каждой из них были деревеньки, насестьники которых помогали проезжим путникам перебираться через реки. Тем, видно, и жили...

Одну из таких переправ через реку Салду долго будет помнить Иван. А все из-за случая, что приключился с ним уже у другого ее берега. Случилось же вот что... Поклажу с воза са-

мого Степана Лукича, рядом с которым всю дорогу шел Иван, разместили на плоту, и он, орудуя веслом, поплыл через реку. Все было бы хорошо, да Иван немного не рассчитал быстроту течения, и плот сильно ткнулся в берег. Потом его развернуло, ящик с гвоздями, бывший на середине плота, сместился на самый край, и плот перевернулся. Мешки и тюки с легким товаром выловили быстро, а вот сколоченный из толстых досок ящик с коваными гвоздями пошел ко дну. Благо, что глубина у самого берега была не больше сажени, но все равно Ивану пришлось изрядно потрудиться: он несколько раз нырял к ящику, пока веревочной петлей не обвязал груз, а мужики вытянули его на берег...

Но беда, как говорится, не приходит одна... После переправы, к удивлению Ивана, Шергин в прибрежной деревне останавливаться на ночлег, как бывало, не стал, а велел поставить походную палатку у края леса, верстах в двух от деревни. Только тут Кусков решился спросить Шергина о причине такой ночевки.

– Там у переправы, только в другой деревне, обитают лихие люди, – ответил Степан Лукич.

– Разбойники?

– Да, можно и так сказать... Целая деревня этим промышляет на торговой дороге. Потому, говорят, и живут богато... Они о нашей переправе наверняка узнали.

– Что же они на нас там не напали?

– А зачем? Там народу много лишнего, да и белым днем им грабить несподручно. Товар, правда, они редко забирают: сбить его здесь негде. А вот деньги они хорошо берут... Так что сегодня с темнотой можно ждать гостей.

– И что делать будем? – спросил Иван.

– Так борониться будем, – сказал Шергин и достал из ящика под сиденьем короткоствольное ружье. – Ты стрелял когда-нибудь из такого мушкетона?

– Нет, не приходилось, – покачал головой Кусков, – но видеть видывал.

– Дело сие нехитрое, научишься. Вот смотри... Сперва его надо зарядить...

Степан Лукич достал из кожаной сумки бумажный патрон с порохом. Затем, откусив низ его, засыпал порох в ствол ружья и туда же затолкал шомполом оставшуюся часть патрона. Потомсыпанултуда немногодроби, забил бумажный пыж и все утрамбовал шомполом.

– Вот все и готово. Теперь только пороху сюда на полку насыпать вот из этой пороховницы – и можно стрелять. Курок с кремнем. От искры порох загорится... Держи – это тебе, – заключил Шергин обучение и протянул ружье с пороховницей Кускову.

– Мне? – удивился Иван. – А ты с чем будешь?

– У меня еще есть, – произнес Шергин и достал из того же ящика пистоль с широким раструбом на конце ствала. – Лучшей защиты от разбойников, чем этот пистоль, я пока не знаю. Заряжай хоть дробью, хоть картечью или пулей. А можно и крупной солью.

– А я и у возчиков наших ружья видел, – поведал Иван.

– Ну, а как же. Без этого в нашем деле нельзя. Особенно здесь, в Сибири...

...Незваных гостей долго ждать не прошлось. Едва Шергин и его спутники успели поужинать, расположившись у костра, как перед ними явились два бородатых мужика. Оба были в сермяжных кафтанах и в портах из крашенины, заправленных в невысокие голенища сапог. На головах пришельцев были войлочные колпаки. Если бы не угрюмые лица подошедших мужиков, то можно было подумать, что это просто прохожие люди из деревни при переправе. Еще издали заметив приближение гостей, Степан Шергин встал за одну из подвод с товарами.

– Кто тут у вас хозяин? – спросил один из бородачей, подойдя к самому костру.

Иван Кусков и возчики ничего не сказали в ответ, а Шергин вышел из-за телеги, скрестив руки на груди.

– Ну, я, – спокойно молвил он. – А что вам надобно?

– Надобно, чтобы ты деньги нам отдал.

– А разве я вам должен? За переправу я с мужиками рассчитался. О каких деньгах речь ведете? Да и кто вы такие?

– Мы о переправе речь не ведем. Ты деньги нам должен за проезд по нашей дороге.

- А я думал, что дорога сия государева.
- До государыни далеко, – заговорил второй из мужиков.
- На этой дороге мы хозяева. Так что давай, купчик, раскошелливайся.
- Вот вам мой ответ, – громко сказал Шергин и, достав из-за пазухи пистоль, направил его на лихих мужиков. – Идите туда, откуда пришли, покуда целы.

По этому сигналу Иван и три шергинских возчика отошли от костра к телегам и достали свои мушкетоны.

– Ну смотри, купчик, – произнес первый из бородачей. – Мы хотели по-хорошему...

– И я пока по-хорошему. Так что валийте отсюда, да побыстрее. А по-плохому будет вот так, – опять громко сказал Шергин и нажал на курок своего пистоля, отведя ствол немного в сторону.

Раздался выстрел, от которого вззволновались лошади, а мужики повернулись и, ничего больше не говоря, скрылись в темноте наступающей ночи.

– Запрягайте, – приказал Шергин своим людям. – Поедем подальше от сего места.

– А что, Степан Лукич, они могут вернуться? – спросил Иван.

– Кто знает, что у этихочных татей на уме... Могут вернуться, а может, и нет. Береженого же Бог бережет. Так что едем дальше, а там как Бог даст.

Пришлось поочной дороге проехать еще не одну версту. Остаток же ночи провели в густом лесу, не зажигая костра и не распрягая лошадей. Лишь ослабили подпруги и рассунули хомуты. Дремали и караулили по очереди. Но лихие люди больше не объявились.

...А шергинский обоз, перебравшись через Тагил, достиг через несколько дней еще одного сибирского города – Туриенска, что стоял на реке Туре и был, как говорят, когда-то татарским городком названием Епанчин.

Потом на пути были вновь поля и леса, даже березовые рощи у деревни Туринская Слобода, и опять переправа через Туре у деревни Липки, после которой дорога привела обоз в город Тюмень, поразивший Ивана Кускова тем, что дома сего старого сибирского города стояли на высоком берегу реки Туры.

Но в городе обоз почти не задержался. Только сменили лошадей. Узнал Иван лишь, что Тюмень – самый первый город Сибири, вставший на месте татарского городка Чинги-Туры, который был взят Ермаком «со товарищи» еще двести лет тому назад.

После Тюмени опять переправились через Туру и ехали по дороге на Тобольск даже ночами. Дня через три или четыре у деревни Ярково впервые увидел Иван могучий и многоводный Тобол, принявший перед тем в свои объятия воды Туры.

Дальше дорога шла большей частью полями, а река Тобол была всегда по левую руку. Ехали часто через татарские села, и дивно было видеть Ивану дома-юрты этих селений...

...И вот, наконец, прибыли путешественники к берегу еще более могучего, полноводного Иртыша, переправившись через который, подъехали к Тобольску... Многодневный и многотрудный путь от самого Великого Устюга земли вологодской до бывшего столичного града Сибири был завершен.

В маленькой часовенке у дороги при въезде в город отслужили молебен о благополучном окончании долгого пути...

...В самом же городе ожидало Ивана Кускова еще одно дивовище: целый кремль стоял на высокой горе, окруженный каменной стеной с большим и величавым церковным собором с позолоченной главой и высокой каменной же колокольней. Казалось, что стена и часть города за ней с чудным православным храмом возвышались над всем видимым отсюда миром.

Все это диво походило на самую настоящую неприступную крепость. Внизу же, на Подоле, раскинулись улицы тобольских посадов и слободок, застроенных деревянными домами с тесовыми крышами и ставенками на узких оконцах.

– Ну, как тебе, Иван, наш Тобольск на первый погляд? – спросил Степан Лукич, когда ехали по узкой улке к центру города.

– Красота да и только, – вымолвил Кусков, с интересом смотревший во все стороны.

– Так, так, – согласился Шергин. – Такой красоты вряд ли где в городах сибирских еще встретишь. Поверь мне – я ведь почти во всех здешних городах побывал.

– Я верю, Степан Лукич. Как не поверить, видя диво такое...

...Когда подъехали к торговой площади нижнего посада, окруженней лавками, амбарами и домами, сгрузили с подвод и снесли весь привезенный товар в один из амбаров, Шергин отпустил по домам всех своих помощников, а потом подошел к Ивану.

– Ну что, друже, пошли и мы с тобой, – довольным голосом сказал Шергин.

– А куда, Степан Лукич? Мне ведь на постоянный двор надобно топать. Скажи-ка, где он тут у вас.

– Э, нет, Иван. Сегодня ты мой гость, и я тебя никуда не отпущу. У меня и переночуешь. Мы сейчас баньку истопить закажем, попаримся, отдохнем душой и телом, а завтра я сведу тебя к хозяину моему, Артемию Иванычу Ряшкину, для разговора беседы: как быть и что делать тебе далее. Ежели ты не передумал, конечно.

– Я ничего не передумал, Степан Лукич. На зиму останусь в Тобольске.

– Ну, вот и славно. А скажу я Ряшкину обо всем сегодня же. Пока банька топится, я к нему сбегаю и доложу, что с Божией помощью мы прибыли. Таков у нас порядок. Согласен ли?

– Спаси Господи, Степан Лукич. Как тут не согласиться. У меня и слов-то иных нет.

– Ну, а раз согласен, то пойдешь со мной сей же час к Ряшкину, – неожиданно порешил Шергин. – Я уже послал сказать ему, что мы прибыли.

– Прямо сей же час? – удивился Кусков.

– А чего до завтра-то тянуть? Куй железо, пока горячо, – махнув решительно рукой, сказал Степан Лукич. – Пошли.

Глава четырнадцатая

Алёна проснулась, как всегда, рано. Может быть, в прежней ее жизни на Кадьяке или Ситхе она и позволила бы себе побольше утреннего сна, особенно в дни частой там непогоды, но сейчас здесь заботы ее стали совсем другими. Она даже и

проснулась с теми же мыслями о людях макома, с какими окунулась вчера в свой неспокойный сон.

Алёна встала с мягкого ложа и ополоснула лицо водой, налитой еще вечером Маней в глиняную и обожженную на костре лохань, разрисованную по бокам ее разноцветными линиями и точками.

Затем она помолилась краткими молитвами, какие пока не запамятали, и попросила у Господа помощи в делах наступившего дня. Хотела было позвать Манефу, чья хижина стояла рядом, а та и сама тут как тут, стоит у входа, откинув завесу.

– Здорово ли ночевала, Алёна? – спросила помощница и подруга, незаменимая во всех ее делах.

– Да все, слава Богу, вроде хорошо, Маня. Только вот на душе что-то неспокойно как-то.

– А-а... ну это дело мне и самой знакомо. Я сперва тоже места себе не находила. Всё о доме думала, а потом смирилась и вроде бы привыкла. У тебя тоже это пройдет. Дай только время. Как говорится, всему свой час.

– Так-то так, Маня, – сказала в ответ Алёна, – но ты была одна и тебе трудно пришлось, что и говорить... А у меня сейчас людей много, и я слово дала перед Богом своим и этими людьми знать нужды их и заботиться о них... Не обмануть их... Верно я мыслю?

– Знамо дело, что верно. Тут и разговора другого нет, – ответила Манефа. – Только не забывай, что у тебя есть старейшины племени макома, шаман Вывак, и ты в любой час можешь узнать, что надлежит делать... А пока же тебе надо позавтракать.

И Манефа, все время державшая в руках плетенную из тростника неглубокую корзинку, на дне которой лежала печенная рыба и красноватая лепешка желудевого хлеба, протянула ее Алёне.

Та приняла еду с какой-то неохотой и даже поморщилась.

– Я никак не могу привыкнуть к такой еде. Особенно к желудевой каще.

– Сегодня я тебе рыбку принесла. Ешь, ешь не бойся, я сама ее пекла на углях. А кащу я тебе тоже сама сварю. Только добав-

лю туда побольше дикой рожницы, да положу сушеных ягод из своих запасов или таких же яблок. Горько не будет, – успокоила Манефа Алёну и, смеясь, добавила: – А тебе еще ко многому привыкать придется.

– Да я это и так чувствую... Вот соли всегда маловато.

– А она у нас и вовсе редкая штука. Но у вождя она всегда была: выменивали у испанцев в миссиях на шкуры звериные. А так все едят с кореньями да травой, похожей на чеснок наш. Тут я тебе ее тоже положила.

– А эта рыба?

– Говорю тебе, что сама готовила и посолила: у меня немногого соли еще есть, а там, Бог даст, разживемся у кого-нибудь... Погоди, я тебя скоро тыквенной кащей угощу.

– Откуда ты ее возьмешь, коли никаких овоцей макома не выращивают?

– А наши ходили в одно племя, которое у испанцев научилось огородничеству. Оттуда принесли семена. Я их посадила тут недалеко, на берегу реки. Уже взошли – я проверяла.

– Молодец, Маня. Может быть, наших людей чему-нибудь такому научим.

Рыба Алёне понравилась, а еще больше – принесенная Манефой кружка горячей воды с заваренными в ней сушеными грушами и яблоками.

– Вот что, Маня, – сказала Алёна, закончив завтракать и поблагодарив за него подругу и помощницу. – Позови ко мне шамана Вывака... Хочу с ним обход нашей деревни сделать. Посмотреть, как люди живут, как на новом месте устроились. Да и о других делах с ним поговорить надобно. Хочу это сделать до совета со старейшинами. Ты тоже с нами пойдешь и разговоры наши переводить будешь.

– Хорошо, – кивнула Манефа. – Сей же час тут будет.

Вывак и верно явился быстро и, откинув завес входа в хижину вождя, встал перед Алёной.

– Что угодно от меня вождю Шаста? – спросил шаман. – Я слушаю тебя.

Он был в своем привычном одеянии, увешанный ожерельями из раковин, звериных зубов и даже маленьких зеркалец, а

в руках держал небольшую палку, на верхнем конце которой были привязаны веером белые перья какой-то птицы.

– Я позвала тебя, шаман Вывак, чтобы ты показал мне, как устроились на новом месте наши люди да как они живы-здоровы. Чем теперь заняты?

– Я готов, вождь Шаста, – выслушав Алёну, поклонился шаман и первым вышел из хижины вождя.

Тут же к ним присоединилась Манефа, и все трое пошли к первым хижинам деревни.

Домами эти шалаши назвать было никак нельзя. Алёна видела, как их строят индейцы: рубят обыкновенные колы и втыкают их полукругом в мягкую землю, а наверху крепко связывают те колы и покрывают все это сооружение тростником или травой, а в холодное время – древесной корой.

Еще до сегодняшнего дня Алёна насчитала больше сорока хижин, которые были поставлены без всякого порядка по берегу реки в ивовых кустарниках, а некоторые из них стояли у самой кромки густого леса.

Почти у каждого шалаша горели костерки, возле которых хлопотали темнокожие полуобнаженные женщины. Одни толкли каменными пестами в корзинах сухие желуди из старых запасов, а потом, промыв водой, бросали туда раскалённые на костре камни и так варили кашу. Другие на тех же углях пекли завернутую в пальмовые листья рыбу или, делая из того же желудевого теста лепешки, так же запекали их.

Вывак и Алёна зашли в одну из семейных хижин, возле которой у костра сидела женщина и что-то мешала руками в плетеной корзине. Внутри шалаша Алёна не заметила никаких особых убранств. Прямо на земле, устланной тростником и заячьими шкурками, лежал хозяин шалаша. Он даже не повернулся, когда в его дом вошли вождь с шаманом. Очевидно, хозяин спал после удачной охоты или рыбной ловли.

На шесте у самого входа висели охотничий лук, кожаный колчан со стрелами, две деревянные дощечки с дырками для добывания огня и крючки на веревке для рыбной ловли, а с другой стороны входа стояла увесистая дубинка с утолщением на конце. Такими дубинами, как объяснил потом Алёне

шаман, мужчины и подростки били зайцев во время охоты на них.

Выйдя из хижины, шаман что-то сказал женщине, хлопотавшей у костра. Та взяла из корзины горсть желудевого теста, сделала из него лепешку, что-то еще добавила сверху и, завернув в широкий пальмовый лист, положила на угли. Ждать пришлось недолго, и вскоре индианка с поклоном протянула лепешку Алёне. Хлебец был коричневый, почти черный, но Алёна, поблагодарив женщину, взяла его и передала Манефе.

– Вождь хочет знать, как это делается? – спросил шаман.

– Да... Но и не только об этом.

– Хорошо, вождь Шаста... Когда придет пора сбора желудей, мы запасаем их очень много. Столько, чтобы хватило до другого урожая. Сперва желуди сушатся на солнце, а потом женщины толкуют их камнями в корзинах. Чтобы убрать горечь, все это промывают водой в корзинах. Ну, а дальше вождь видела все сама. Только в кашу или тесто для хлеба женщины добавляют из своих запасов ягоды, коренья, орехи.

– У племени макома нет своих овощей, как я знаю, или другого чего-нибудь? – спросила шамана Алёна.

– Нет, вождь Шаста. Это у испанцев большие плантации, поля и огороды, а мы питаемся всем, что растет у нас под ногами, что есть в реке или в лесу... У нас всего хватает.

– Но можно сеять зерна ржи, как у испанцев, а потом собирать урожай. Из тех зерен хлеб еще вкуснее.

– Я знаю, но у нас, вождь Шаста, эти зерна хлебные сами растут, – сказал почти с гордостью шаман. – А придет время, и когда они созреют, мы траву подпалим, зерна сами упадут на землю. Мы их соберем и тоже печем хлеб. Да мы и не сидим долго на одном месте. Макома – народ кочевой. Летом ставим хижины на берегу реки или озера, в холода строим свои хижины в лесу, но это ненадолго.

– А кто определяет, когда наступит такое время, когда надо в лес уходить?

– Таких знаков много. На воде, в воздухе, в лесу. Но я все равно иду каждый раз в священную пещеру и спрашиваю наших древних духов и бога океана... Вот ты, вождь Шаста, чув-

ствуешь сейчас в воздухе вкусные запахи? – вдруг спросил шаман.

– Да, ветер приносит их со стороны леса, и я чувствую эти благоухания, – согласно кивнула Алёна.

– А это значит, вождь Шаста, что в лесу уже цветут яблони, груши, персики, а в степи разные богатые травы. Придет время, и мы будем собирать в лесу ягоды, яблоки, разные коренья и даже винную ягоду. Потом каждая семья насушит много разных припасов, которых обычно хватает до следующего урожая... Так же делают почти все соседние племена.

– И много где, рядом с макома, обитает племен?

– Много, – шаман растопырил пальцы обеих рук. – И даже больше... Калечи, чолбоны, хульпуны, тамканы, чупуканы, мивока, кайнама, космиты, оломены, такманы... Много.

За таким неспешным разговором Алёна, Вывак и Манефа подошли к большому шалашу на берегу реки, который снаружи был покрыт сплошь древесной корой и связками тростника, а из его узкого входа валил дым.

– А это чья хижина? – спросила Алёна.

– Она для всех... Это наша баня.

– У макома в части парная баня, – вмешалась в разговор Манефа. – Они без нее, можно сказать, и жить не могут. Она и топится с утра до вечера каждый день.

Заслышиав голоса у бани, из нее выскочили трое голых черных ребятишек и, смеясь, побежали в реку.

Алёна заглянула внутрь через узкий вход. И хотя едкий дым застилал глаза, она увидела лишь костер с камнями и большую лохань с водой, которой парильщики, очевидно, обливали раскаленные камни. Баня и вправду была парной, но чувствовалось, что пар в ней стоял недолго.

– Это хорошо, что наши люди так любят парную баню, – сказала Алёна, а когда ее слова Манефа перевела шаману, тот заулыбался белозубо. – Но я хочу сделать новую. Согласен ли ты, шаман Вывак?

Шаман опять заулыбался.

– Как будет угодно тебе, вождь Шаста, – склонил он голову.

– А ты, Вывак, дашь мне помощников-мужчин. Да прикажи

им, чтобы нашли на берегу и натаскали сюда побольше глины. А как замесить ее – я сама покажу. Потом мы с Маней все и сделаем. А, Маня?

– Да хоть сейчас, – ответила Манефа. – Я ведь ничего не забыла.

– Что скажешь, Вывак?

– Как прикажет вождь Шаста. Люди будут. Слово вождя – закон, – согласно закивал головой шаман.

– Теперь я опять хочу спросить шамана Вывака: все ли соседние с нами племена дружат с макома?

– Нет, – решительно замотал головой Вывак. – Чолбоны, что за рекой живут, имеют много оружия и очень дружат с испанцами. Мы с ними хоть и не воюем, но и не дружим. Есть такие, кто не понимают языка друг друга, хоть и рядом живут.

– А друг с другом они ссорятся, воюют?

– Такое случается, но редко, – сказал Вывак и ненадолго замолчал, а потом, вздохнув грустно, продолжил: – Вот не так давно мы, макома, воевали с племенем калечи, нашими соседями.

– А что случилось между вами?

– Однажды старейшины-макома пригласили вождя калечи в баню... не в эту – в другую... Там они его и убили, – сказал Вывак и обхватил руками свое горло. – Вот так.

– В чем была причина такого раздора? Из-за чего поссорились? Ведь макома – мирные люди.

– А все из-за дубовой рощи. Она издавна принадлежала нам, так же, как вот этот лес. Они же вдруг захватили рощу и там собирали желуди. Наших же людей туда не пускали. Вот старейшины макома с сыном прежнего вождя и позвали тойона калечи в баню для мирной беседы.

– У маленького Вука, Алёна, – сказала Манефа, – в той войне погибла вся его семья... С той поры я его и опекаю.

– И как же вы закончили войну? – спросила Алёна Вывака.

– Всем она надоела и уносила многих мужчин. Прежний вождь Вайнака, уходя к богам, наказал нам примириться с калечи, и я пошел к их шаману Матолле. Поговорили с ним, сходили каждый в свои священные пещеры, и духи предков приказали закончить войну миром. Мы с Матолле опять встретились.

сказали о том людям макома и калечи. Все тому обрадовались. Сейчас мы живем мирно. А ту дубовую рощу они признали за нами, но и мы им позволяем там собирать желуди.

– Когда же вы с калечи помирились?

– Совсем недавно. Как раз перед тем, как ты, вождь Шаста, вышла к нам из морской воды.

Алёна впервые слышала эту историю и еще раз убедилась, что противостоять главным врагам индейцев – испанцам можно только имея дружеские союзы с другими племенами.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – сказала она. – А от раздора в здешних местах, где хоятчиают испанцы, польза будет только для них. Не так ли, шаман Вывак?

– Точно так и есть, вождь Шаста.

– Я прошу тебя, Вывак, встретиться с шаманами и вождями соседних племен, дружественных нам, поговорить о совместной борьбе с испанцами. Это можно сделать?

– Конечно, вождь Шаста. Многие племена устали от притеснений испанцев. Они часто даже уходят жить в горы. Там свободнее, хотя и труднее. А поговорить с ними я согласен... Давно пора.

– Ну вот и хорошо, Вывак. Мы еще с тобой все это обсудим с нашими старейшинами. Так?

– Так, вождь Шаста.

– Ну тогда пойдем дальше, – сказала Алёна.

– Вождь Шаста, дальше я идти не могу. Меня позвали к больному мужчине вон в ту хижину у леса.

– А что с ним случилось?

– У него вчера был жар, и я сделал целебный отвар. Пойду изгонять из него злого духа, если болезнь все еще сидит в нем, – сказал шаман и показал на палку с большими перьями.

– Ну, тогда ступай, Вывак. Потом мне расскажешь. А мы с Маней еще к реке сходим, поглядим, как наши мужчины рыбу ловят.

И Алёна с Манефой направились вдоль берега.

Глава пятнадцатая

Дом тобольского торгового гостя Артемия Ивановича Ряшкина стоял в переулке нижнего посада недалеко от городской торговой площади на высоком подклете с восемью окнами по лицу, возвышаясь над соседними домами, но выделялся среди них не только своей высотой и огромностью. На тесовой крыше дома обращала на себя внимание кирпичная печная труба, увенчанная дымником из тонкого железа с прорезью, похожим на маленький домик под крышей же и башенкой с флюгером-ветреницей, крутящимся при всяком дуновении ветра.

Кускову сразу вспомнилась родная Тотьма, где такие дома с дымниками на трубах и маленькими теремками над фасадом под двускатной крышей с двумя или тремя оконцами можно было встретить на каждом шагу.

Дом и вся купеческая усадьба Ряшкина была окружена высоким забором из гладких и заостренных сверху плах, с широкими и крепкими воротами для лошадей и повозок и с небольшой узкой дверью для прохода людей.

Степан Лукич отворил дверь, и они ступили во двор усадьбы. Тотчас же залаяла привязанная на цепь огромная густощерстная собака, но быстро успокоилась, узнав, видно, Шергина.

От ворот к дому вела дорожка, усыпанная мелким каменьем и обсаженная по бокам садовыми деревьями и кустами.

Хозяин сей городской усадьбы, Артемий Иванович Ряшкин, встретил гостей, стоя на высоком крыльце под резной кровлей и с такими же резными баласинами и, казалось, давно поджидал их. Он был в безрукавке с песцовыми мехом, надетой поверх синей рубахи-косоворотки, и в широких штанах темного сукна, заправленных в яловые сапоги с напуском поверх голенищ.

— Милости просим, гости дорогие. Давно поджидаю тебя, Степан Лукич, — протягивая руку своему приказчику, заговорил Артемий Иваныч.

— Дорога ныне трудна была, вот и запоздались. Ты уж, Артемий Иваныч, не серчай.

— Да ясно, что не по зимнему ходу шли. Понимаю ведь. Однако беспокоился. Как же без этого... А это кто с тобой? Что за

молодец? – кивнул Ряшкин на стоявшего позади Шергина Ивана Кускова.

– А это будет земляк твой, Артемий Иваныч. Из самой твоей родной Тотьмы.

– Да ну? – дивился Ряшкин. – И чей же ты будешь?

– Иван Александров сын Кусков, – ответствовал хозяину дома молодой земляк.

– Он звания мещанского, – добавил Шергин, – но к нашей коммерческой части тяготение имеет.

– Знавал, знавал я в Тотьме Кусковых, известный род, – сказал Артемий Иваныч и протянул Ивану руку. – Ну, а чего мы тут стоим-то? Милости прошу в мой дом, там и поговорим обо всем, потолкуем.

Через сени с широкими светлыми половицами все прошли сразу в большую половину дома, где был уже накрыт стол с парящим самоваром и стоявшим на верхней конфорке фарфоровым расписным чайником.

У стола хлопотала хозяйка и, увидев входивших гостей, поклонилась им:

– Милости просим. Проходите, гости дорогие.

– Благодарствуем, Марья Егоровна, – поклонился в ответ Степан Лукич. – Как поживаешь? Здорова ли?

– Да пока Бог милует. С помощью Божией живы-здоровы.

– Ну и слава Богу за все, – сказал Шергин и первым стал креститься на висевшие в красном углу иконы. Все тоже перекрестились, а Артемий Иваныч, прочитав неспешно «Отче наш», пригласил гостей за стол, а когда выпили по стопке крепкой домашней настойки за удачный торговый вояж и сегодняшнюю встречу, заговорил первым.

– Ну, и как там ныне в Устюге Великом ярмарка? Удалась ли? Много ли торговых гостей приезжало, Степан Лукич?

– Люда торгового нынче много было, Артемий Иваныч. Ведь в это время туда ходить из ближних краев легче легкого. Мои земляки-архангелогородцы по Северной Двине, вологжане по Сухоне, костромичи, ярославцы и галичане да с Вятки купцы – по своим рекам, волокам и дорогам. А про Тотьму и ближние города да деревни так и говорить нечего.

– С товаром нашим как управился?

– А все добро сделал, Артемий Иваныч... Своим землякам бруски и точила продал да чай китайский, а у них взял гужей моржовых, слюду оконничную, хмеля кипы. Потом у вологжан да галичан бечевы судовые взял, кипы льна, сети неводные, овчины, мыло да мелочь разную... Все это мне вот Иван помог сговорить и сторговать. Как завтра товар уложим, я тебе записи отда姆.

Хоть и ходила в народе поговорка, что «прикащик – рубль в ящик, а пятак за сапог», Артемий Иваныч своему приказчику доверял, а Степан Лукич давно уже своего дела не имел.

– А ендову привез? – спросил Ряшкин.

– А то как же, Артемий Иваныч. Заказ я твой исполнил. Хороша ендова: широкая, медная, с рыльцем... Думаю, что тебе любо будет кvas да пиво пить... А вот гвоздей судовых взять пришлось только тысячу штук – везти тяжело. Но я заказал у кузнецов тамошних в Устюге еще четыре тысячи. К зимней пушной ярмарке обещали сделать.

– Добро, коли так, – сказал довольный докладом своего приказчика хозяин. – А на пушную ярмарку в Устюг я, может, и сам сoberусь. Да и в Тотьме побывать охота. Как там она? Чем люди занимаются? – спросил Кускова Ряшкин.

– Да Тотьма все та же вроде. Много людей варничным делом заняты, соль добывают, рыбу ловят, торгуют. Многие тотьмичи купецким делом промышляют.

– Так ведь и раньше так было. Другого такого города, где бы столько народу купеческого звания было, я больше нигде не встречал. Даже бабы, помню, и те в купечество записывались.

– А ныне там у нас дошло до того, что в купеческом звании людей женского пола более, нежели мужского.

Кусков говорил правду. В тот год было именно так: в Тотьме из пятисот человек купеческого звания больше половины было женского пола.

– Вон оно как? – удивился Ряшкин. – Выходит, что все люди в Тотьме к купеческому делу причастны, ежели по семьям считать.

– Почти так, – согласно кивнул Кусков. – Только не все они,

конечно, в Тотьме живут. Очень многие, как и вы, сюда, в Сибирь, ушли.

– Сие нам ведомо, – подтвердил Артемий Иваныч. – Их тут в каждом городе встретишь. И у нас в Тобольске, и в Тюмени, и в Кяхте на китайском рубеже торг ведут. А потом в Иркутске же, в Охотске, на Камчатке и на островах Алеутских промышляют у самых американских берегов. Я многих знал, да и сейчас знаю: Холодиловы, Пановы, Нератовы, Токаревы, Чекалевы, Гусельниковы, Кузнецовы... Ой, да разве всех вспомнишь, кто из наших земляков тут торговать ездит по ярмаркам здешним разным товаром... А ты, Иван Александрович, куда путь держишь? Отчего из родного города в Сибирь подался, а не в Вологду, к примеру?

– Я тоже, на других глядя, надумал по коммерческой части пойти, когда родители мои, царствие им небесное, померли... Вот мы с братьями Митяем да Петром купили четверть рассольной трубы и варницу. Соли наварили, и на дощанике Петруха повез ее в Устюг продавать. А не так далеко от Тотьмы дощаник наш на подводный камень и напоролся где-то на перекате. Еле сам Петруха с гребцами выплыл, а соль под воду ушла. Той же ночью у нас и варница сгорела. Так и остались мы ни с чем. А деньги-то под все это дело я по векселю у Нератова Алексея Петровича взял. Он нам по своим будет...

– Знавал я и его, – внимательно слушая рассказ Ивана Кускова, проговорил Ряшкин. – У него еще два сына в Иркутске торг держат. Они шелком и бумаżeей больше торгуют да до Кяхты ходят за разным иноземным товаром... Ну и на сколько твой вексель тянет?

– Тысяча семьсот рублей без десяти.

– Многовато, паря, долго платить придется, – покачал головой Артемий Иваныч.

– Знаю, что так... В Тотьме таких денег не заработать, в Вологде тоже. Вот по совету самого Нератова и пошел я в Сибирь. Добраться мне надо до Иркутска. Нератов вексель переводным сделал на своего старшего сына Фёдора, и письмо ему я от отца везу... Спасибо вот Степану Лукичу, что он меня с собой до Тобольска взял. А далее я как-нибудь сам доберусь.

– А ты что, прямо завтра и пойдешь?

– Нет, конечно. Я думаю перезимовать в Тобольске: поизносился весь, да и деньги кончаются... Только вот работу надо найти.

– Ну, это дело не велико, – сказал Ряшкин. – Да вот хотя бы у Степана Лукича в помощниках и будешь. Работы полно. С жалованьем говоримся. Пойдешь?

От неожиданного предложения Ряшкина Иван даже немножко растерялся.

– Да как не пойти, Артемий Иваныч, – взъярился Кусков.

– Сам просить хотел о какой-нибудь работе... Премного благодарен...

– По-земляцки тебе поможем. Работы у нас с товаром будет много, по нашим городам и селам ездить. А ты, я вижу, в этом деле кое-что разумеешь. Не так ли, Степан Лукич? – спросил Шергина Ряшкин.

– Разумеет, разумеет, – подтвердил Шергин. – А чего не знает, тому сами научим.

– Ну вот и добро, коли так. Жить будешь у меня на подворье или у Степана Лукича. Как говоримся.

– Благодарствую, Артемий Иваныч.

– Ладно, – сказал Ряшкин. – Поблагодаришь потом... Мы ведь люди православные, и помочь другому – дело благое и богоугодное. Тем более земляку... Вот за это примем еще по стопочке.

А когда выпили и немного помолчали, закусывая солеными грибками, которые поставила на стол Марья Егоровна, Артемий Иваныч вновь заговорил первым.

– Ну да ладно, о сем еще успеем поговорить... А теперь, Степан Лукич, сказывай, какие новости из России привез. О чем там говорят или пишут? Мы хоть здесь почту и получаем, но очень редко. А на больших ярмарках народ со всей Руси собирается, и о многом говорят. Как там, в Отечестве нашем, спокойно?

– Да, на ярмарке говорят обо всем, конечно... Царица наша Екатерина не зря ведь зовется Великой. Она правит с умом. Многие земли за последние годы к России присоединила и на юге, и на западе. Она все, говорят, делает для умножения народа российского. Через это государи соседние и дальние стали

Россию уважать. Но врагов у нас все равно еще много. И тайных, и явных, как в самой России, так и за рубежами ее.

– Ну, они были и будут всегда, – сказал Ряшкин.

– Потому, – продолжал Шергин, – на Руси ныне неспокойно. Турция вот, говорят, опять нам войну объявила из-за южных земель наших. Но императрица послала туда войско под началом Суворова Александра Васильича и флот наш с Ушаковым. Те их, этих самых турок, надо думать, скоро успокоят. Не впервые им сие делать... Что еще... А, да, вот Швеция опять свой хвост подняла. Хочет сам Петербург и все берега балтийские от нас оттяпать.

– Этим, значит, опять все неймется. Мало их Петр Великий потрепал. Теперь, стало быть, снова их будем у нас в Тобольске поджидать, – сказал Ряшкин.

– Как в Тобольске? – не понял Иван Кусков.

– Так ведь когда царь Петр этих самых шведов под Полтавой раздолбил, то многие тысячи их в плен взял и большое число сюда послал: лес рубить, дороги мостить, дома строить. Ну и, конечно, Россию им показать, чтобы своим потомкам рассказывали. Да, видно, они не поняли ничего... У нас тут работы много было... Да и сейчас здесь всем места и работы хватит – и туркам, и шведам, и другой всякой швали, кто на Русь нашу посягнет... А от тех шведов из-под Полтавы у нас в верхнем городе Шведская лестница осталась да палата каменная над ней. Ты, Степан Лукич, своди Ивана завтра туда. Покажи ему все, – обратился Артемий Иваныч к Шергину.

– Обязательно сходим, Артемий Иваныч. Город наш я ему покажу, – согласно кивнул тот.

– Ну, а еще о чем толкуют? – продолжал интересоваться Ряшкин.

– Да о разном. У каждого ведь есть что рассказать... Вот купцы из Тулы жаловались на плохой урожай. А все оттого, говорят, что у них ныне на Рождество вдруг дожди пошли, снег весь растаял, а в Крещенье морозы ударили, и все поля озимые ледяной коркой покрылись. Снег же только в феврале выпал, да и то немного. Боятся, что и ныне так быть может.

– Слава Богу, что у нас тут, в Сибири, таких зим не бывало пока.

Хлопотливая Марья Егоровна разогрела еще один самовар и поставила его на стол, а у мужиков разговор все не кончался.

– А вот ребята костромские рассказывали чудную историю, бывшую у них в городских торговых рядах. Там купец-костромич торгового жида объегорил, – продолжал свой рассказ Степан Шергин.

– Да ну, разве быть такое может? – засомневался, смеясь, Артемий Иваныч.

– Однако было, а было так... Приехал, рассказывают, к ним в Кострому один торговый жид из Москвы и сговорил у тамошнего купца триста пар перчаток, а на другой день, когда костромич все подготовил, то жид передумал взять столько, а давай, мол, половину. Купец наш сказался занятым и велел жиdu прийти завтра. А сам же тем днем связал в пачки все перчатки на одну руку и пришедшему на другой день жиdu их продал. А тот пошел в свою лавку в торговых рядах, стал перчатки покупателям предлагать, те не берут: на одну руку так. Вот и побежал жид опять к нашему купцу, купил у него все перчатки и на вторую руку. Вышло ему это дело намного дороже... Вот так наш русак самого жида обхитрил... А как тут у нас в Тобольске дела? Ничего особого не случилось, пока я в Устюг ходил?

– Да нет вроде бы, – задумался Ряшкин. – Рассказывали только недавно об одном инородце. Не знаю, однако, из каких краев будет. Пригнал он к нам баранов и оставил на меновом дворе, а сам ушел куда-то. А другой, похожий на него, тех баранов нашему купцу на что-то обменял. Хозяин баранов вернулся, а их и нет. Стал искать, нашел купца и баранов, а тот говорит, что купил их у такого же инородца. Нашли того, а дело-то сделано. Ну, хозяин баранов стал с тем ругаться, а потом обухом по голове. Ну его, конечно, к исправнику взяли, а чем дело кончилось – не знаю... Да много в сей жизни всякого бывает... А ты, Степан Лукич, книжицу-то не забыл мне купить?

– Купил, купил, Артемий Иваныч, – полез Шергин в свою суму, где хранил бумаги. – У москвичей приобрел... Вот.

– А я заждался, – обрадовался Ряшкин, беря книгу в толстом кожаном переплете, и, открыв титульный лист, вслух прочитал название: «Городская и деревенская библиотека, или забавы и

удовольствия разума и сердца в праздное время, содержащие в себе как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные и удивительные»... Хороша книжица. Спасибо тебе, Степан Лукич, удрожил.

– Да если честно сказать, Артемий Иваныч, то и историю о том, как русак жида объегорил, я тут вычитал, а купцы костромские подтвердили. Тут таких историй много наберется.

– Ну и хитер ты, братец, – рассмеялся Ряшкин. – А за книгу благодарствую. Теперь мы с Егоровной за сей книжицей вечерять будем. Ныне уже рано темнеть стало.

За окнами на улице и вправду стало заметно темнее, и Степан Лукич засобирался домой.

– Сидите, сидите, мы ведь вас не гоним, – сказал Ряшкин.

– Нет, Артемий Иваныч, больше нам сидеть нельзя, потому как банька заказана, а я за разговором совсем и забыл о ней.

– Ну, тогда ладно. Баня – дело у нас святое, да еще и с дороги, – согласился Ряшкин.

– Сегодня, Артемий Иваныч, Иван у меня переночует, а там посмотрим. Завтра же с утра мы товар по лавкам развезем, – заверили хозяина Шергин.

– Потом даю вам день отдыха, а там за дело приниматься надо будет: товар в амбара да лавках залеживаться не должен. Но о сем поговорим после... А ты, Степан Лукич, нашего гостя завтра же по городу поводи, – напомнил Ряшкин, – покажи ему кремль наш, Софийский собор, двор гостиный на верхнем посаде.

– Обязательно там побываем, Артемий Иваныч, обо всем расскажу, чего сам знаю.

Шергин с Кусковым, поблагодарив хозяев, раскланялись и вышли из избы на улицу.

Глава шестнадцатая

Ранним утром маленький Вук прибежал к хижине Манефы и весело сообщил, что всё готово.

– Что готово? – не поняла сразу Вука Манефа.

– Вождь Шаста приказала натаскать глины и камней для нового очага в нашей бане. Мы сделали это.

– Хорошо, Вук, – похвалила своего подопечного Манефа. – Я скажу вождю, и мы скоро придем туда... Видишь, я готовлю ей завтрак. Но натаскать глины – это еще не все, Вук. Скажи мужчинам, чтобы положили глину в какую-нибудь яму возле бани и облили ее водой. А еще скажи, чтобы принесли с берега речного песка и камней.

– Хорошо, Шака! Мы все сделаем. Я уже побежал.

А Манефа пошла к хижине Алёны, держа в руках плетеную плошку, в которой была желудевая каша, сдобренная сушеными ягодами и какими-то кореньями и зелеными листочками.

Глянув на эту еду и черную лепешку из толченой ржаницы, Алёна с грустью вздохнула.

– И все это надо опять есть руками? – спросила она Манефу.

– Нет, Алёна... Я вырезала тебе из дерева вот эту лопатку, – показала свое изделие Манефа. – Как раз для каши. И я такой же пользуюсь...

...После завтрака Алёна с Манефой направились к берегу реки, где стояла хижина-баня макома и где сейчас толпилось множество индейцев, которые пришли поглядеть на то, как будет делать новую баню их новый вождь Шаста. А главное, увидеть, что из всего этого получится.

...У шалаша-бани Алёна и Манефа сразу увидели кучи глины, песка и камней. А толпившиеся около них люди ждали слова вождя.

Работы нашлось всем. Алёна повелела положить в глину, кроме песка, немного золы да добавить туда еще воды. Когда это было сделано, Манефа показала, как надо месить глину ногами. С веселыми криками и смехом ребятишки приступили к делу.

Женщин и взрослых мужчин Алёна научила крепить стены шалаша новыми кольями, плотно прижимая их друг к другу, а самый верх бани покрыть слоем древесной коры.

Сами же Алёна с Манефой зашли внутрь пока еще не устроенной, как задумано, бани и принялись за кладку печи на месте старого очага.

Сперва крупным каменьем они обложили старый очаг, где индейцы нагревали свои булыжники-кругляши, опуская их затем в плетеные корзины с водой.

Обмазывая глиной, которую им подносили ребятишки, каждый камень, Алёна с Манефой выложили стены печи, разделив их на две неравные части: в одной будут гореть дрова, а в другой нагреваться тот же самый круглый булыжник, когда весь жар с дымом станет проходить через эти камни в широкую, но невысокую, вылепленную из глины же с мелкими каменьями трубу с круглым отверстием сбоку, у самого ее основания.

Из толстого слоя глины с золой верх печки сбили сводчатый и вставили туда железный котел, принесенный Алёной и доставшийся ей в наследство от старого вождя, неведомо как к нему попавший: то ли подарил кто-то их соседнего племени по дружбе, то ли обмененный в миссии на звериные меха. Впрочем, такие котлы, и даже медные, были в больших семьях макома, равно как топоры и ножи.

Когда печь была готова, ее следовало просушить, и Алёна сама зажгла в ней небольшой огонь от добытых ребятишками головешек из тлеющих перед хижинами костров.

Покрытый снаружи древесной корой банный шалаш мужчины густо обмазали глиной, чтобы пар в нем держался дольше, и тем завершили переустройство парилки.

Стеречь огонь в новой печке Алёна поручила Вуку и еще двум мальчишкам, наказав поддерживать зажженный ею внутри небольшой костерок для медленной просушки только что сбитой печки и ждать ее.

– А мы с тобой, – обратилась она к Манефе, – пойдем на реку, смоем глину и ополоснемся.

Они прошли по берегу на песчаную отмель и зашли неглубоко в воду.

– Макома совсем не такие люди, как у нас на Аляске колоши. Тамошние индейцы какие-то недобрые, злые. А эти макома как дети малые, – сказала Алёна.

– Там, на Аляске, жизнь суровее. И мы там для колошей люди пришльые. Кому понравится, когда в его дом чужой явится, – размышляла Манефа.

– Пришлые-то пришлые, но с добром ведь. На Кадьяке мы школу для индейских ребятишек открыли вон когда... Еще при Шелихове, а потом и на Ситхе... Так что не с огнем и мечом мы туда, на Аляску, пришли: с книгами и словом Божиим. Мы рабов из тамошних индейцев не делали. Они на нас не работали, а торговлю с нами вели.

– Все так, Алёна, – согласилась Манефа, – да, видно, мешали мы там другим иноземцам, до нас на эту землю американскую пришедшим. Вот и подговаривали они колошай против нас воевать... Сколько по матерому берегу, сказывали, наших крепостей сожгли.

– А иных крепостей, кроме наших, там никогда и не бывало. Мне тятя сказывал, что те все беды наши от англичан. Вот на Ситху опять напали, когда меня пираты схватили и на корабль свой, английский же, уволокли... Я так и не знаю, что стало с крепостью нашей Новоархангельской. Послушай, Манефа, – немного помолчав, сказала Алёна. – У аляскинских индейцев в обычай по две-три жены бывает. Так у них заведено. А у наших макома как?

– У макома в обычай одна жена, и они живут семьями.

– А если жена любовника заведет?

– Это у них не воспрещается. Лишь бы только они встречались не выходя из деревни, не тайно. Да и женятся они просто. Если молодому индейцу девушка пришла по нраву, то он приходит в хижину и живет с ней, а разонравится, то так же и бросает. Но вот на сестрах у них жениться воспрещается. Даже на двоюродных или троюродных.

– А в других племенах у них родичи есть?

– А как же. Есть, конечно. Только в близких по языку их... Вот недавно, еще до тебя, шаман Вывак вылечил одного из мужчин, так тот на радостях послал гонцов в другие племена, чтобы от них пришли знакомцы и родичи. Те явились в великом числе. Так большой праздник был с песнями, танцами, с великой же для всех радостью.

– Жалко все же, что наши макома огородов не имеют и никаких овощей не сажают, – с сожалением сказала Алёна.

– А зачем им это, коли еда у них всегда под ногами. Главное,

чтобы желуди были, ржица, ягоды да фрукты сушеные. Ну и рыба в реке... Помнишь, как ребятишки на днях из бани выскочили и в реку бросились?

– Ну и что?

– А то, что они намазались в бане мыльным корнем – дерево тут такое растет. Ну, а когда этот сок ребятишки с себя смывают, то рыба в том месте от него усыпляется и всплывает наверх. Так они часто рыбу ловят... А однажды, помню, на берег океана большой такой кит сам выбросился. Вот это был праздник у макома! Несколько дней китовину ели: жарили, варили, сушили.

– И все же, Манефа, я хочу научить их землю возделывать и сажать репу, картошку, тыкву, бобы. Только вот где семена добыть?

– Так я же тебе говорила, что тыкву посадила, – напомнила Манефа. – Вырастет – вот тебе и семена. Не знаю, однако, что у тебя с этим делом получится, но семена можно достать у других племен. У космитов, например, или у тиуменов. Живут они далеко в степи, вон за теми горами. А можно и в миссиях, на что-то обменять через индейцев, кто там доброй волей работает. Только вот наших там нет.

– Что-нибудь придумаем, – сказала Алёна и неожиданно пошла в воду во всей своей одежде. – Жарко, искупаюсь.

А когда вышла из реки на песчаную отмель, то, выжимая волосы и платье, сказала Манефе:

– Сарафан мой скоро в негодность придет, что я тогда носить буду?

– Я тебе юбку и безрукавку из заячьих шкурок сошью, и будешь ты как все женщины макома.

– Все женщины макома только передники из травы да тех самых шкурок носят. Я же не хочу голой ходить!

– Не будешь. Ты же вождь племени, и я тебе сделаю одеяние вождя, но по-нашему, по-женски.

– Но у меня уже есть одеяние вождя.

– Оно для торжественных случаев, для праздников. А я тебе сошью то, чтобы по вся дни ходить. И сарафан твой еще пригодится. Я из него тебе кофту сошью.

– Спасибо, Маня... Пошли, посмотрим, как там наша баня...

И они направились по берегу к своему поселению.

– А про главное, про веник-то, мы забыли, – спохватилась Алёна, и они свернули к лесу, а вышли оттуда с двумя дубовыми вениками.

Толпа людей макома стояла у бани, не решаясь заходить внутрь без позволения вождя. Алёна с Манефой зашли туда первыми, а за ними и остальные. Но места было мало, посмотреть же хотелось всем.

Тогда Алёна повелела всем сесть подальше от печки, у самых стен бани, и глядеть за действом, которое они с Манефой собирались вершить, а попросту – показать, как надо париться в обновленной бане.

Дыма было немного, и он почти весь уходил в большое отверстие в крыше.

Алёна с Манефой присели возле печки.

– Как дела, Вук? – спросила Алёна. – Печка не развалилась?

– Нет, – сказал Вук. – Только немного трещин появилось.

Алёна сама их сразу увидела, и они с Манефой тут же замазали неглубокие трещинки свежей глиной, смешанной с золой, а Вуку Алёна велела подкинуть в печку побольше дров.

Пламя в печи разгорелось еще сильнее, и вскоре вода в котле бурно закипела.

– Ну, что же, Господи, благослови! – сказала Алёна. – Плеснем на каменку, испробуем, что у нас получилось.

– Давай испробуем, – согласилась Манефа. – Камни давно готовы.

Она подала Алёне вырезанный из дерева ковш, а индейцам, сидящим напротив отверстия в печи, велела перебраться на другое место.

Алёна зачерпнула черпаком горячей воды и вылила ее на раскалённые камни через отверстие у основания трубы. Тут же раздался сильный шипящий звук, и из отверстия в печи вырвалась огромная и тугая струя обжигающего, горячего пара. Люди, испугавшись, отбежали еще дальше от этого места, а Алёна плеснула на камни еще раз. И опять с громким шипением горячий пар вырвался из печки, а когда она в третий раз совершила это удивительное для всех собравшихся макома действие,

то в бане стало так жарко, что некоторые из индейцев вышли наружу.

– Ну, а сейчас смотрите, что и как надо делать вам в парной бане, – сказала Алёна всем сидящим на корточках индейцам. – Начнем с тебя, Вук.

Перед тем Манефа замочила дубовые веники в плетенке с чуть горячей водой и подала один из них Алёне. А та, встряхнув его и потрогав дубовые листья рукой, стала хлестать горячим веником Вука по его темнокожей спине, по ногам, по животу и груди. Было видно, что Вуку все это было необычно, но очень приятно, и он, улыбаясь, только щурил свои веселые глаза.

Затем к мальчику подошла Манефа и стала натирать его меховой рукавицей, смоченной в зольной воде. Вук опять был доволен, а когда Манефа облила его с головы до ног чистой и прохладной водой, то он даже запрыгал от удовольствия и радости.

К Алёне подходили другие ребятишки, и всех она хлестала усердно горячим веником, а Манефа мыла их зольной водой и окачивала прохладной, которую таскали из реки мужчины.

Вскоре Алёна с Манефой сами упарились, да и вода горячая в кotle кончилась. В него вновь залили холодной речной воды, а в печку подбросили дров.

– Ну, Маня, – утирая с лица пот и тяжело дыша, сказала Алёна, – теперь без нас люди сами разберутся, что и как делать надо. А мы свое дело сделали.

– Конечно, – согласилась Манефа. – Разберутся – дело нехитрое. Только теперь хоть париться будут по-настоящему, по нашему.

– А мы с тобой вечерком перед сном сюда сходим и тоже всласть попаримся. А то я давненько в такой баньке не была, – сказала Алёна, и они вышли на волю.

Весь оставшийся до вечера день баня не пустовала. Оттуда то и дело раздавались ребячий крики, девичий визг, громкие возгласы взрослых мужчин и женщин...

...Алёна же с Манефой пришли париться поздним вечером, когда в бане никого не осталось. Алёна, наслаждаясь банным жаром, часто ложилась на оленью шкуру, постланную Манефой у стены хижины.

Ей в эти благодатные минуты ни о чем не хотелось ни думать, ни говорить, а только наслаждаться этим отдохновением души и тела. Она была довольна сегодняшним днем, похожим на всеобщий праздник племени макома...

...Придя из бани в свое жилище, она легла на мягкое ложе и быстро уснула без всяких тревожных дум и сновидений.

Глава семнадцатая

После вечернего чаепития в обществе миловидной жены Степана Лукича Авдотьи Ивановны и их дочери-славутницы Дашеньки Иван Кусков в отведенной ему комнате большого купеческого дома на деревянной кровати с пестрядинным одеялом уснул сразу же, как только приклонил голову к пуховой подушке: сказалась трудная дорога, разомлевшее после бани и чая тело и спокойство в душе его...

А на другое утро по узким улочкам нижнего посада Тобольска Шергин повел Кускова к Верхнему городу – тобольскому кремлю. Вид его белокаменных стен на высокой горе даже отсюда, с нижнего посада, казался величественным и чудным. И Кусков отметил про себя, что такого до сей поры встречать ему пока не доводилось. Он остановился и, задрав голову, с восхищением смотрел вверх.

– Чудно и хорошо, – сказал Иван Степану Лукичу.

– Да, брат ты мой, такого места ни в одном городе по всей Сибири больше не встретишь. Говорят, что раньше в сих местах Сибирское ханство было. Еще до царя Грозного Ивана. Потом тут Ермак наш Тимофеевич с ханом Кучумом воевал. Здесь же в одном жестоком бою на берегу Иртыша и погиб. А казаки его первым городом в Сибири построили Тюмень, а вскоре Тобольск...

...Ивану был очень интересен рассказ Шергина. Ему все было внове, и он внимательно слушал, о чем говорил Степан Лукич, а когда они по крутой и длинной деревянной лестнице, построенной еще при Петре Первом пленными шведами, прошли под мощной многометровой кирпичной «шведской» аркой и через главные ворота вошли в тобольский кремль, то

Иван Кусков и вовсе был поражен красотой сего места. Он долго молча осматривал белокаменный же Софийский собор с голубыми куполами, усыпанными золотыми звездами, увенчанными такими же золотыми крестами, круглые и квадратные башни кремлевской стены, высокую колокольню, Покровский собор и многочисленные здания Софийского двора: ризницу, архиерейские палаты, консисторию, дома монашеских келий и церковного причта...

– А Петр Первый, – продолжал рассказывать Шергин, – сделал Тобольск столынным градом всея Сибири, от Урала до Камчатки... Теперь же, при Екатерине, Иркутск Сибирью правит и на всей земле этой верховодит. Там теперь главное наместничество, но и наше еще пока держится по некоторым государственным делам.

Они обошли неторопко всю кремлевскую гору, побывали в самом Софийском соборе с чудным резным иконостасом, богатыми иконами в серебряных окладах и с разрешения соборного служителя поднялись на колокольню.

Вид всего кремля, нижнего города с его посадами, необозримые таежные дали, протекающий недалеко полноводный Иртыш еще больше потрясли Ивана Кускова. Казалось, что сейчас они с Шергиным, как птицы, парят над этой земной красотой...

...На колокольне Кусков увидел необычный большой колокол, который висел на перекладине у самого оконного проема, привязанный к ней цепью за одно ухо, а языка у него и вовсе не оказалось.

– А это что за чудо на колокольне? – спросил он Шергина.

– С этим колоколом, брат, и верно, чудная история приключилась, – начал свой рассказ Степан Лукич. – Давно это, правда, было. Еще при Борисе Годунове. Тогда ведь в Угличе, как ты должен знать, после смерти Ивана Грозного жил его младший сын Дмитрий с матерью своей, и вот в один день слуги нашли малого царского наследника мертвым, с перерезанным горлом... Стали, конечно, сполошно звонить в этот самый колокол. Собрался народ, и в смерти царевича обвинили Бориса Годунова и его людей, бывших в Угличе, а потом стали их убивать. Когда Борис Годунов узнал об этом, то послал других своих лю-

дей для усмирения угличан и расследования убийства царевича Дмитрия. Ну, усмирили, конечно, и сказали, что царевич, мол, сам на нож наткнулся, никто не виноват. Виновными же стали угличане, в смуте замешанные, и всех их отправили сюда к нам в Пельмь пешим ходом. Дошли до Пельмы немногие... А колокол сей тоже наказали: сбросили с колокольни, высекли плетьми, оторвали язык и одно ухо да и сослали сюда, в Тобольск. Так что уж скоро двести лет будет, как он тут на нашей колокольне висит, но молчит.

– Чудны дела твои, Господи, – только и сказал Иван, перекрестившись.

Они с Шергина еще долго бродили по верхнему городу, а потом и по нижним его посадам, заглянули на торговую площадь, которая никогда не пустовала и была во всякое время дня многолюдна и многоголосна. Кричали торговцы, зазывая народ к своим лавкам с разным товаром, громко говорили покупатели, обсуждая, ощупывая, примеряя то, что им предлагали продавцы. Как и везде, торговая площадь – самое оживленное место города. И, глядя сейчас на эту говорливую толпу, Иван подумал, что завтра сам станет частью ее и сам займется этой трудной, но живой и интересной работой...

...А на другое утро они со Степаном Лукичом и другими работниками тобольского торгового гостя Артемия Ивановича Ряшкина стали разбирать привезенный из Великого Устюга товар, развозить и разносить его из амбаров по лавкам, оставлять часть для поездок по окрестным городкам и селам вокруг Тобольска на маленькие торжки и ярмарки.

Их было много, и Шергин с Кусковым за зиму побывали во многих городках и татарских селах, и познавал часто Иван для себя совершенно невиданное. Вот в первую поездку свою побывал он в городке под названием Сибирь. Он стоял на правом берегу Иртыша в двадцати верстах от Тобольска и был когда-то столицей Сибирского ханства, а еще ранее – обитавшего тут неизвестного ныне древнего племени сибирей. Не от него ли пошло название великой страны Сибири?

Бывало так, что уезжали они за сотни верст от Тобольска и дома появлялись редко. Даже ездили на знаменитую Ирбит-

скую ярмарку, которая считалась и в России второю после Нижегородской на Волге-реке...

Многое в здешних местах Ивану нравилось, но особенно доброта народа сибирского. Поездив на ярмарки и торжки, Кусков отметил, что мужики здесь намного домовитее и степеннее. Почти в каждом из них видел Иван хозяина своего дела, всегда умеющего за себя постоять.

Возле домов заметны были чистота и порядок, а про сам дом и говорить нечего: комнаты большие, потолки высокие, печи белые. Не раз замечал Иван, что ежели после топки чело печи от дыма потемнеет, то хозяйка тут же его известью и побелит. Жить здесь, в стороне сибирской, просторно, вольно, и всего довольно: и земли, и воды, и леса. Оттого и характер такой у сибиряков русских. Да к тому же, думал Иван, отцы, деды и праотцы их пришли тоже с вольных земель Руси северной...

...Немного отдохнули от поездок только тогда, когда в Тобольске зашумела своя апрельская ярмарка, на которую съезжалось такое множество народа, какое бывало в Великом Устюге и в Ирбите. Приезжали на нее торговые гости из Казани и Москвы, от границ китайских и азиатских и даже из родных для Кускова мест – Великого Устюга и Сольвычегодска.

От купцов же, встреченных им на Ирбитской и Тобольской ярмарках, узнал он, что новый торговый путь проходил здесь до самого Иркутска через Томск да Красноярск. Не везде, конечно, он был ровен и гладок, ибо строили его податные крестьяне окрестных сел и деревень, обремененные разными государевыми повинностями: подушной денежной пошлиной, сдачей в казенку отсыпного хлеба с каждого двора и, конечно, самой главной повинностью – гоньбой лошадей по новому тракту с почтой, чиновным людом и разными казенными товарами.

Часто в Тобольске, живя у Шергина, Иван Кусков засматривался на дочку хозяина Дашеньку, а в поездках за многие версты от Тобольска часто думал о ней. Ему даже в голову приходила, бывало, мысль: а не остаться ли здесь навсегда и жизнь свою связать со славным городом Тобольском, с теми добрыми людьми, да к тому же и земляками, которые его окружали.

Но он отгонял все же эту мысль и думал постоянно о глав-

ном: добраться до Иркутска, а там видно будет, как жить предстоит дальше: долг Нератову его обязывал дойти до Иркутска... Ведь уже второе лето прошло, как он живет в Тобольске. Хорошо, что отписал в Тотьму Алексею Петровичу Нератову о своей задержке.

...А возможность идти в Иркутск представилась только еще через год, когда наступила очередная зима, и Кусков, подзаработав у Ряшкина денег, достаточных для того, чтобы добраться до Иркутска, тепло попрощавшись со ставшими ему родными домами Степана Лукича и Артемия Ивановича, отправился с первой же подвернувшейся оказией – купеческим обозом – в ту далекую сторону.

Не всегда случались в пути такие оказии, и тогда он жил на постоянных дворах придорожных почтовых станций, но все же к середине зимы новый Сибирский тракт довел Ивана до Томска, а оттуда по тому же тракту, уже освоенному сибирским народом, через Красноярск добрался наконец-то он до самого Иркутска. В памяти остались многие картины сибирской природы да те места на его пути, где приходилось задерживаться надолго: Тулун, Зима, Черемхово.

Столь дальняя дорога утомила Ивана Кускова, но он был доволен собой, когда увидел первые дома городской иркутской окраины. Что и говорить, по зимнему пути идти было намного легче – ни мостов, ни гатей, ни лодок для переправы через большие и малые реки. Дорога всегда шла по льду, уставленная разными вешками: кольями, еловыми лапами, а то и просто прутьями.

Но все же весна догнала Ивана и его очередных случайных спутников теплым дневным солнышком, талым снегом. А за несколько дней до Иркутска, когда стало совсем тепло, попал Иван вместе с попутчиками в страшную бурю, какой отродясь не видал. Бешеный ветер с откуда-то взявшейся пылью и даже камнями вырывал с корнями деревья, срывал крыши с домов деревень при дороге. Спасение от той бури они нашли только в ближнем густом лесу, где были тоже поломанные деревья, но где буря большой беды не наделала. Похоже, что пришедшая весна сразилась за свои права с зимой.

Сам же Иркутск в середине мая встретил путника зеленой

травой на лугах вдоль дороги и желтыми шариками лютиков-купальниц на влажных берегах ручьев и цветущими в городских садах деревьями: ведь совсем не зря в народе месяц май так и назывался – «травень-цветень».

В Иркутске Иван Кусков не пошел сразу же искать сыновей Алексея Петровича Нератова, а поселился сперва на постоялом дворе недалеко от стоявшего там храма, куда направился помолиться и поблагодарить Господа за успешное для него, Ивана Александровича Кускова, окончание столь долгого и почти трехлетнего пути. И, к своему удивлению, узнал он, что храм сей построен во имя Прокопия и Иоанна – великоустюгских чудотворцев. Видно, и тут, в далеком Иркутске, не обошлось без его земляков.

На душе у Кускова стало как-то спокойнее, и он пошел искать улицу и дом, что обозначил Алексей Петрович Нератов на своем письме сыновьям.

Дом Нератовых, опущенный по фасаду резным узорочьем, с резными же наличниками и ставенками на окнах, Иван нашел скоро. Но дома ни Фёдора, ни Ильи не оказалось, а дородная женщина в цветастом сарафане и накинутом на плечи шушунетологре, очевидно, хозяйка или экономка, поведала, что Фёдор Алексеевич теперь на торгу в своей лавке, Илья же Алексеевич в отъезде. На торгу – означало, стало быть, на городской торговой площади, и Кусков поспешил туда.

Лавку купца Фёдора Нератова в торговых рядах ему указали быстро, и он подумал, что на его родине, в Тотьме или на Вологде, в ходу была поговорка: «Язык до Киева доведет». Здесь же, в Сибири, по всему видать, можно говорить, что язык доведет до самой Америки.

Фёдора Алексеевича Кусков нашел в его небольшой конторке, на пороге которой сидел амбарный сторож, а лавочный сиделец с кем-то торговался за прилавком с открытыми ставнями. Сам же Нератов за своим столом занимался обычной купецкой работой с конторскою книгою, где все прописано о товарах, их ценах, про торжки и ярмарки: где, когда, чего и сколько.

Когда же вошедший в контору Иван Кусков назвал себя, то Нератов отложил все свои расчетные дела и, здороваясь, подошел к гостю.

– А я, брат, давно тебя поджидаю. Что-то ты долгоночко до нас добирался.

– Прошу простить меня, Фёдор Алексеич, но дорога для меня сюда была весьма необычна и трудна. А в Тобольске, куда я прибыл с купецким обозом, я и вовсе задержался на целых два лета у тамошнего купца и земляка нашего Артемия Ивановича Ряшкина, – объяснил свою задержку Кусков.

– Знаю о том из письма отца нашего. Хорошо, что он отписал нам, а то мы и знать не знаем, и ведать не ведаем, куда делся человек. В такой дороге все бывает, – сказал Нератов.

– Все так, Фёдор Алексеич, но Бог миловал. Всякое бывало, но письмо от вашего батюшки я сохранил в лучшем виде и покорно прошу принять его, – ответствовал Кусков и достал письмо, завернутое в холстянную вощенку, где оно хранилось от самой Тотьмы.

Нератов прочел отцовское письмо.

– Все сие мне ведомо, Иван Александрович, – сказал Фёдор Алексеевич. – А переводной вексель я от батюшки с почтой давно получил. Потому и поджидал тебя... А теперь сказывай мне, что ты намерен здесь, в Иркутске, предпринять и чем я могу тебе помочь? – спросил Нератов.

– Здесь мне нужна такая служба, Фёдор Алексеич, чтобы жить не голодая да выплатить все деньги, взятые по векселю у вашего батюшки, – ответил Кусков.

– Желание твое, Иван Александрович, мне понятно, – сказал Нератов. – И я, честно сказать, уже думал об этом, пока тебя поджидал... Есть у меня одно предложение для устройства твоего по коммерческой части, но это далековато отсюда будет...

– Где же?

– В Охотске, на Камчатке и даже на Алеутских островах. Слыхал про те места? Они почти у самой Америки.

– А как же. Еще в Тотьме слышал, что наши купцы тотемские имеют там компанейские суда, добывают зверя морского и торгуют, – ответил Кусков.

– А о компаниях Шелихова и Голикова слыхивал? – вновь спросил Нератов.

– О том тоже мне ведомо, и готов там служить, ежели предложение мне будет, – сказал Иван Кусков.

– Ну, тогда тебя сам Бог послал сюда и в самое время... Дело в том, что Шелихов и Голиков порешили слить свои компании в одну и вести добычу морского зверя по всему Великому океану. Григорий Иванович Шелихов самолично не так давно побывал на Алеутских островах, у американских берегов и решил там твердо обосноваться. Дело только за разрешением из Петербурга... Здесь же, в Иркутске, сейчас помощник Шелихова, Александр Андреевич Баранов, сам-то он из Каргополя, ищет, говорят, себе товарища по коммерческой части... Думаю, что ты бы ему подошел... Вот с кем надо договор заключить.

– Да я хоть сейчас, Фёдор Алексеевич, сию минуту могу сдеть! – сказал Кусков. – Я хоть сейчас на край земли...

– Так это и есть самый край земли... Что говорить – мне любо сии твои слова слышать, и я рад буду помочь тебе в этом деле. Но спешить не следует. Сперва надо поговорить с Александром Андреичем, потом самим все обдумать... Вот пойдем, побеседуем с Барановым.

– Прямо сейчас? – обрадованно удивился Кусков.

– А чего тянуть-то? В таких делах, брат, не только каждый день, а бывает, что и каждый час дорог. А Баранов на днях собирается в Охотск отплыть по Лене-реке. Так что к нему идти надо прямо сейчас, – заключил Нератов.

– Я готов, – только и сказал Кусков.

...Александр Андреевич Баранов сидел за столом своего кабинета в собственном доме, за ворохом всяких бумаг и услышал шаги на крыльце, а когда дверь в кабинет отворилась, то увидел знакомого ему иркутского купца Фёдора Нератова и молодого человека, вошедшего вслед за ним.

Баранов вышел из-за стола приветствовать гостей.

– Фёдор Алексеевич, не ждал, что ты ко мне пожалуешь, – сказал он.

– Ну, что ты, Александр Андреич, чай мы почти земляки с

тобой, – ответствовал Фёдор Нератов. – А пожаловал я к тебе по важному делу, и тебя очень даже касаемому.

– Говори, коли так, – закивал головой Баранов.

– Я пришел к тебе, Александр Андреич, не один, а вот с этим молодым человеком.

– Ну и что? – улыбаясь и как бы не понимая, сказал Баранов.

– А то, что этот человек, Иван Александров сын Кусков, только вчера пришел сюда пешком из Тотьмы.

– Ну и что из сего выходит? – не хотел сдаваться Баранов, здороваясь, однако, за руку с Кусковым.

– Ты, Александр Андреич, ищешь сейчас человека для вояжа в Охотск, а может, и подалее, дабы служил при тебе в вашей с Григорием Иванычем Шелиховым компании. И не удивляйся, что я об этом знаю, – сказал веселым тоном Нератов.

– А я и не удивляюсь. Сие дело мое многим в Иркутске ведомо, но в столь дальний вояж не всяк пойдет. Здесь такого человека я пока не нашел. Поищу еще в Охотске, – как-то сразу посеръезнев, сказал Баранов.

– Потому-то я и пришел к тебе с Иваном Александровичем Кусковым, моим дальним родственником и человеком, сведущим в коммерческих делах. В Тобольске он почти два года у купца Ряшкина Артемия Ивановича служил... А вопрос у нас с ним к тебе один: возьмешь ли ты его к себе в помощники?

– Ну, если он желание такое имеет, то разговор состоится, – сказал Баранов.

– Александр Андреич, у меня желание великое побывать в тех местах и в компании вашей поработать. Ведь я много о том наслышан еще в Тотьме нашей и Великом Устюге! – стараясь убедить Баранова, горячо сказал Кусков. – Работа сия мне по душе.

– Я верю, а посему надобно нам с тобой, Иван Александрович, заключить договор...

– Да хоть сейчас же, Александр Андреич! Мне главное – вот с Фёдором Алексеичем рассчитаться по вексельному долгу. Деньги же я должен отцу его, Алексею Петровичу Нератову, а теперь вексель переведен сюда, в Иркутск.

– Понимаю, – сказал Баранов. – А посему ты пойдешь сейчас и напишешь свои условия договора... Фёдор Алексеич тебе по-

может... А завтра после обедни жду вас здесь, в своих апартаментах, – благожелательно и как-то весело произнес Александр Андреич, прощаясь и провожая гостей до порога...

– А теперь куда? – спросил Кусков, когда они вышли из дома Баранова.

– Как куда? Тебе же сказано – написать надобно условия договора с твоей стороны, как нанимающегося на службу работника. Вот и пойдем ко мне в контору, обсудим это дело.

И они направились к торговой площади.

– Да, вот я еще тебя, Фёдор Алексеич, о чем хочу спросить. Ходил я сегодня утром в церковь недалеко от постоянного двора. К удивлению моему, оказалось, что церковь-то построена во имя наших чудотворцев, Прокопия да Иоанна великоустюжских. Как так вышло-то?

– А тут, брат, такая история... – немного подумав, начал свой рассказ Нератов. – Лет сто назад али немного поболе казаки построили здесь, на берегу Ангары, острог. При Петре же Великом стал он городом. А первыми жителями нового города Иркутска были вольные переселенцы из уездов нашей с тобой Вологодской губернии: Вологодского, Тотемского, Великоустюгского, Лальского, Сольвычегодского, Верховажского. Занимались они здесь охотой на пушного зверя и торговлей, конечно... Вот и поставили мужики наши деревянную церковь во имя чудотворцев Прокопия и Иоанна. Так что для первых жителей Иркутска, вологжан, была эта церковь и как память о родине... Потом она сгорела, и лет этак сорок назад на том же месте потомки наших земляков поставили каменную церковь, что и теперь стоит... А Вологдины, Устюжанины да Тотъмянини тут, в Иркутске, на каждом шагу.

– Чудны дела твои, Господи, – только и смог опять в который уже раз сказать Кусков после слов Нератова...

На другой день они оба явились к Баранову. Принял он их в своем кабинете как был: без парика и даже камзола. Кусков еще вчера отметил это, а еще то, что Александр Андреич был человеком небольшого роста, но широк в плечах, а на голове волос почти не было. Глаза же его казались зоркими, взгляд был пря-

мой и строгий, что говорило о твердости характера человека, как представлялось это Ивану Кускову...

...Судили-рядили о предстоящем вояже, об условиях контракта, который должен был подписать Кусков, не очень долго. Тем более что заготовки были сделаны заранее с обеих сторон.

Спорить Ивану Кускову было не о чем. Обремененный большим долгом, он на все был согласен. Согласен был и Баранов, который попросил Кускова самому зачитать условия договора со своей стороны.

– «...Обще условились, чтобы Баранову взять меня, Кускова, от вышеписанного числа двадцатого мая тысяча семьсот девяностого года и мне, Кускову, быть при нем, господине Баранове, при коммерческой должности и следовать с ним отсюда до Якутска и до Охотска, с ним же, господином Барановым, в морской вояж ко американским берегам в компанию тамо промысла господина Голикова и Шелихова. Когда же оттуда будет ваш, господина Баранова, обратный самих выход, то тогда и меня, тамо не оставляя, вывести с собою в Иркутск. К содержанию моему пища и в разъездах подводы и прочие пристойные расходы будут ваши, господина Баранова, а с меня за все это никаколько не требовать. Одежду же и обувь иметь мне, Кускову, собственную...» – зачитал Кусков свои условия.

Баранов же, со своей стороны, записал в контракте, что Кусков будет получать свой пай от промысла компанейского и сто рублей в год деньгами. Кусков же от этого денежного жалования сам попросил оставлять ему только двадцать пять рублей, а оставшиеся семьдесят пять отсылать из конторы компании Фёдору Алексеевичу Нератову в счет погашения долга. Так в контракте и записал: «...пай же, мне принадлежащий, каковой будет промысел, не выдавать ко мне и мне не требовать до того времени, пока не заплачу господину Нератову всех по показанному векселю денег».

Все были довольны свершившимся делом. Баранов и Кусков скрепили своими подписями контракт и, соблюдая древний обычай, «ударили по рукам».

Глава восемнадцатая

Комендант испанского форта Сан-Хосе капитан Пабло Муньос еще два дня назад послал отряд своих конных гонцов к вождю племени чолбонов, с которым водил давнюю дружбу, и сегодня поджидал его с шаманом у себя в крепости.

Вождь Помпоно вместе с шаманом Куксой явился по этому зову в назначенный день и час, сопровождаемый несколькими своими черными всадниками.

Предупрежденный самим комендантом, караульный на стражевой вышке заметил приближающихся индейцев издалека, и когда они подъехали к стенам испанского форта, ворота уже были перед ними распахнуты.

Сам капитан Муньос вышел встречать гостей на высокое крыльцо коменданского дома, по лестнице которого к нему поднялись только вождь и шаман. Пабло Муньос, поздоровавшись с ними, любезно пригласил индейцев в свой кабинет.

Оба индейца, вождь и шаман, были одеты по-праздничному: головные уборы из разноцветных птичьих перьев, бусы на темных шеях и набедренные повязки из мягких заячьих шкурок. Только бусы у вождя Помпоно были из речных раковин, а у шамана – из зубов каких-то лесных зверей. Да еще шаман держал в руках свой неизменный бубен, увешанный какими-то погремушками, которые бренчали при каждом его шаге...

...Племя чолбонов отличалось от других прибрежных племен калифорнийских индейцев. Чолбоны были очень воинственны, не водили дружбу с другими соседними племенами, ставя их ниже по происхождению. Себя же они считали потомками волка – Койота, которого оставил на земле их божественный творец – птица Громовник, а племя же Койота, говорили они, давно вымерло.

Испанцы узнали о воинствующем племени чолбонов и обратили это себе на пользу. На работу в свою миссию они приглашали чолбонов-добровольцев, хорошо их кормили и содержали отдельно от других индейцев – работников плантаций. Чолбоны же отправляли в миссию даже своих неверных жен и вдов, где те трудились на испанцев: крутили зерно, стирали белье, рабо-

тали на кухне, убирались в казармах. Испанцы научили чолбонов возделывать землю и заниматься огородничеством, благо земля располагала к этому: достаточно было палкой вырыть небольшую ямку и бросить туда семена тыквы или какого другого овоща, а то и зерна пшеницы, которыми их снабжали испанские миссионеры. И в огородах все вырастало без особых забот. Чолбоны же, хоть и были воинственны, но с прибрежными племенами не враждовали, а вот вглубь степи и в горы наведывались они довольно часто, приводили оттуда коней и даже пленных индейцев для работы на испанских плантациях. Так что дружба чолбонов с испанцами форта Сан-Хосе была взаимной, и совсем не удивительно, что капитан Пабло Муньос пригласил вождя чолбонов Помпоно и шамана племени для разговора и, надо думать, серьезного.

– Что случилось у начальника Муньоса, если он позвал нас так скоро к нему приехать? – спросил вождь Помпоно, а шаман Кукса, знавший испанский язык, перевел вопрос Муньосу.

Но тот не спешил с ответом, а пригласил гостей к столу, на котором стояла бутылка рому и жареное мясо с овощами на сковородках.

– Присаживайтесь, сеньоры, – сказал Муньос, – и давайте сперва выпьем за нашу встречу, а уж потом перейдем к тому разговору о деле, ради которого я пригласил вас сюда, в нашу миссию.

И капитан Муньос разлил ром по стаканам. Индейцам, как видно, ритуал сей был хорошо знаком, и они, чокнувшись с комендантом Муньосом, осушили стаканы.

– А позвал я вас, вождь Помпоно и шаман Кукса, – сказал Муньос, – чтобы поговорить с вами об очень важном для меня и нашей миссии деле.

– Мы тебя слушаем, начальник Муньос, – сказал вождь чолбонов.

– Вы, конечно, знаете, что недалеко от вас обитает племя макома?

– Да, они на другом берегу нашей реки живут. Мы с ними не враждаем, но и не дружим.

– Мне о том известно, – кивнул Муньос. – А дело в том,

что они куда-то перекочевали с того места, где еще недавно жили...

– Это для макома обычное, – произнес Помпоно.

– В этот раз получилось так, что у нас с плантаций убежали несколько индейцев, мы поехали к макома, внезапно ворвались в деревню, взяли несколько мужчин. Но при этом потеряли трех наших солдат и лошадей... Я послал своих разведчиков, но макома перекочевали в другое место.

– Того места мы пока не знаем, капитан Муньос, но можем узнать и сообщить тебе, – сказал Помпоно.

– Хорошо, – согласно кивнул Муньос, – но я еще не сказал самого главного... А дело в том, что вождь племени макома – белая женщина, и это она убила троих наших солдат.

– Белая женщина – вождь племени макома? – удивился чоловон. – Быть такого не может!

– Но это так! – сказал Муньос. – У макома умер старый вождь...

– Мы это знаем.

– И по их словам, он наказал старейшинам и шаману выбрать нового, помолившись в их священной пещере на берегу океана.

– Откуда тебе это известно, начальник Муньос? – спросил Помпоно.

– Мужчины макома во главе с этой белой девкой напали на отряд рабочих плантаций. Наших солдат связали, а лейтенанта Лопеса они взяли в плен. Тогда ему и сказали, что эта белая женщина после молитвы старейшин вышла к ним на берег прямо из океанских волн. Она это подтвердила, и макома уверены, что это бог океана даровал им нового вождя.

– А на каком языке она с ними говорила?

– На каком-то из славянских языков, есть такие на нашей земле за океаном, но только не на испанском, не на английском или французском. А славяне здесь только одни – русские, а живут на севере побережья. Не могу понять, как она сюда попала?

Индейцы помолчали, размышляя.

– Для бога океана нет ничего невозможного, – заговорил Помпоно, а шаман закивал головой, – но нам об этом ничего не

известно. Мы не общаемся с макома. Но все, что узнаем, скажем тебе.

– Хорошо, вождь Помпоно, – удовлетворенно кивнул капитан Муньос, разливая вновь ром по стаканам. – Но у меня есть еще к тебе дело.

– Говори, я слушаю тебя, начальник Муньос.

– Нам нужны лошади и новые работники на огороды и плантации. С десяток тех и других, – показал Муньос, растопырив пальцы обеих рук. – Мне все равно, чьи они будут – твои или чужие, но я обещаю, что хорошо отблагодарю тебя, Помпоно. У меня есть хлеб, соль, зерно, сущеное мясо, солонина, посуда, одеяла и многое другое, что ты пожелаешь для себя и твоих людей.

– Мы подумаем с Куксой и старейшинами над всеми твоими словами, начальник Муньос, и я думаю, что сумеем договориться и помочь тебе.

– Благодарю тебя, вождь Помпоно, – поднимая свой стакан с ромом, улыбнулся довольный Муньос. – И... последнее... Узнай, не замышляет ли эта белая женщина – вождь макома подготовить вождей других племен для нападения на форт Сан-Хосе?

– Я так не думаю, – ответил Помпоно. – На такое дело нужно много времени и много людей. Да и вряд ли здешние наши племена на это пойдут... О таком я не слышал, но узнать обещаю.

– Благодарю вас, сеньоры, – сказал Муньос и пожал руки индейцам. – А сейчас вы можете поговорить с вашими людьми, которые живут и работают в крепости.

– Мы поговорим, поговорим, – сказал Кукса. – Надо знать, как здоровы наши люди.

...Этого шамана из племени чолбонов боялись и уважали даже испанцы. Уважали за то, что он часто лечил их какими-то отварами местных трав, а боялись после одного давнего случая, когда он, слыша разговор двух офицеров, подошел к одному из них и, улыбаясь, похлопал того по плечу, что-то говоря на своем чолбонском языке.

После отъезда шамана офицер внезапно заболел. У него начался жар, а плечо и рука сильно распухли. Пришлось Муньюсу тогда же опять звать шамана к больному, и Кукса приехал.

осмотрел распухшее плечо, опять что-то по-своему побормотал и снова похлопал офицера по больному плечу, но тот не почувствовал никакой боли, а опухоль в тот же день исчезла, и он выздоровел.

Шаман никому и ничего больше не сказав, уехал, и только своему вождю поведал, что тот офицер очень плохо говорил о чолбонах и вообще об индейцах, но он не знал, что Кукса, слышавший разговор, владеет испанским языком. Тогда-то он и подошел к офицеру и с улыбкой похлопал того по плечу правой рукой, где под ногтем одного из пальцев находился острый шип, смазанный ядом, известным только ему, Куксе.

Плечо у офицера заболело, и шаман знал, что его опять позвут к больному. Так и случилось, а испанцы догадались.

...Капитан Пабло Муньос, довольный беседой, вышел с индейцами на крыльцо, а потом спустился проводить их вниз, где вождя и шамана поджидали их темнокожие воины.

Глава девятнадцатая

Оставшиеся после подписания договора с Барановым майские дни Иван Кусков вместе со своим новым начальником прошел в подготовке к дальней поездке в Охотск.

С первых же дней общения с Александром Андреевичем Кусков отметил для себя, что этот почти сорокапятилетний низкорослый каргополец оказался очень подвижным, знающим свое дело человеком, с доброй душой, но с твердым характером, порой не терпящим возражений. Это проявилось при закупке продуктов и при найме возчиков с подводами в дорогу от Иркутска до берегов реки Лены, по которой им предстояло пройти на судне многие сотни верст до самого Якутска.

Такие люди нравились Ивану. Он встречал их и в родной Тотъме среди купцов, служилых людей и мастеров-солеваров. Поэтому Иван Кусков с удовольствием помогал Баранову.

Они закупили две бочки солонины, два мешка ржаной муки, вяленого мяса, кипу табаку и чая, соли, сахару, мешок сухарей и печеного хлеба на первые дни, взяли походную палат-

ку и даже маленькую железную печурку. В походе на Север, да еще по реке, она всегда пригодится и для обогрева, и для приготовления горячей еды и питья. Взяли они еще круг бечевы, два топора, гвоздей, ножи, самовар, посуду и прочую мелочь.

Это было все самое необходимое в предстоящем путешествии. Баанов хоть сам и не бывал в таком длинном речном вояже по Лене, но от Шелихова и от других купцов самолично знал, что на остановках, пусть и нечастых, можно всякий раз у местных жителей приобрести на обмен или за деньги любой съестной продукт. Из одежды, по тем же советам бывалых людей, взяли две куртки из песцового меха, две кухлянки – что-то вроде мешков из оленьего меха с прорезью для головы, с рукавами и башлыком-куколем, а на ноги – носки меховые и сапоги-торбасы.

На первую подводу погрузили палатку, печку, две бочки солонины и два мешка муки, а все остальное, что взяли в дорогу, положили на вторую подводу. А на третьей поехали сами: идти без груза лошади было легко, а при случае она могла заменить любую уставшую лошадь.

Весь товар, накрыв от дождя кожаной полстью, крепко увязали тонкой бечевой и, помолясь в церкви Николая Чудотворца, покровителя всех по воде и суще путешествующих, в первых числах месяца июня семьсот девяностого года отправились по дороге к поселку Качуг, что стоял на берегу реки Лены и откуда начинался водный путь до Якутска. На Верхоленской горе, где обычно все путники делали краткую остановку, Баанов и Кусков тоже остановились и в последний раз посмотрели на видимый отсюда Иркутск...

...Дорогу до Качуга в двести с лишним верст, с остановками на ночлег в придорожных деревнях, одолели за четыре дня и здесь впервые всю поклажу перенесли на малое суденышко-паузок и перебрались на другой берег Лены. От Качуга, довольно большого для сих мест селения, с пристанью и маленькой верфью, на которой строились лодки, дощаники и баржи, река была судоходна.

Баанов рассчитался с иркутскими возчиками и тут же побежал искать лоцмана и, к удивлению Кускова, нашел его бы-

стро, будто этот самый лоцман только его, Баранова, и ждал. А это и действительно оказалось так. Лоцман был владельцем компанейского бота с нанятыми гребцами, с парусом на мачте и был предупрежден о приезде Баранова.

Тут же, на береговом торжке у пристани, Александр Андреевич купил дров для дорожной печурки, углей для самовара и бочонок с чистой родниковой водой.

Попутчиков на судне оказалось немного: лишь один чиновник из Иркутска с женой и сыном лет десяти направлялся в Якутск к новому месту службы в тамошний городской магистрат.

На палубе возле каюты путешественники закрепили бочки с солониной, другой разный товар, накрыв его палаткой, забрав к себе в каюту мешки с мукой и солью, сухари да чай с сахаром.

Ранним утром следующего дня по команде лоцмана бот отошел от пристани, и гребцы, обнажив головы, прочитали молитву, прося у Господа милости и благословения на дальний путь. Вместе с ними помолились Кусков с Барановым и все путешествующие, ибо в таком деле говорят: «Призывай Бога на помощь, а святого Николая в путь».

Судно стараниями гребцов выплыло на середину реки, где течение было быстрое, и вскоре Качуг и его пристань остались далеко позади за кормой.

...Иван Кусков долго в этот день не уходил в каюту и, стоя на палубе, все любовался и любовался на новые открывшиеся перед ним виды сибирской природы. Одно дело – смотреть на реку с берега, но совсем иное – видеть все, окружающее тебя, находясь на самой середине реки, да еще такой широкой и полноводной, как Лена. Она несет свои воды то по равнине и тогда делает частые повороты, то вдруг будто врезается в высокие горы, покрытые темными лесами.

Лоцман и его помощник умело правили судном. Плыли и днем и ночью, поднимали там, где река течет прямо, не извиваясь, парус, а на поворотах вступали в свое дело гребцы, которые отдыхали, когда бот вольно плыл по течению, слушаясь только руля...

...А в разговорах с Александром Андреевичем за чаем в каюте или сидя на палубе Иван, рассказывая Баранову о своих родных местах и о себе, многое узнал и о нем самом. Видно было, что Александр Андреевич был доволен своим помощником и говорил с ним со всею откровенностью...

...И узнал Иван Кусков, что Баранов, можно сказать, земляк его, ушел из родного Каргополя Олонецкой губернии что на берегу Лач-озера, пятнадцатилетним отроком в Москву, где служил по торговой части у одного московского купца. Потом перешел к иностранцу, торговавшему сибирскими мехами, а потом и сам захотел стать купцом, но его москвичи не приняли даже в третью купеческую гильдию, и Баранов, которому было уже за тридцать годов, опять уехал в родной Каргополь. Нашел там девушку, Матреной звали, да и женился на ней. Родилась у них дочка Афанасьюшка. Жить бы да жить ему в родном городе и по торговой части дело вести, но после Москвы скучно стало Баранову в Каргополе, и он, недолго думая, оставил жену с дочкой, свои родные края, уехав в чужие – сибирские.

Обосновался Александр Андреич в Иркутске за семь лет до прихода туда Ивана Кускова. Так что судьбы их были схожими, хотя возрастом они разные.

Нашел Баранов в Иркутске своих земляков-купцов и много трудился у них, хотя его почему-то все время тянуло к купцам иностранным, коих в Иркутске, этом сибирском Петербурге, было немало. И однажды, скопив небольшой капитал, он на паях с немцем Карлом Лаксманом построил стекольный завод. Дело оказалось в этих местах нужное, а потому и прибыльное.

Но хотелось большего, и Баранов, вошедший в азарт предпринимательства, открыл еще и завод винокуренный. Барыши были огромными, и Александр Андреевич решил заняться торговлею с местными туземцами разным товаром, привозимым со многих ярмарок.

Свои торговые вояжи Баранов предпринимал далеко в глубь сибирской земли, добрался даже до реки Анадырь, которая впадает в Великий океан. Там торговал он с чукчами, закупал у них меха, а им продавал все, что имел, даже водку и ружья. Это была его ошибка, о которой он и сейчас жалеет и вспоминает

с горечью... А все потому, что однажды Баранов сам поехал с обозом по зимнему и уже знакомому ему пути к чукчам. И там случилось то, чего он никак не ожидал. Чукчи, вооруженные его ружьями и напившись его водки, напали на барановский обоз, убили многих его людей, забрали весь товар, а сам Баранов еле ушел от них на одной из лошадей с санями и со своим возницей.

Эта поездка разорила его совсем, и стал он гол как сокол. Приехав в Иркутск, Александр Андреевич встретил известного ему купца Григория Ивановича Шелихова. Это была не первая их встреча. Шелихов, зная о Баранове, его делах и характере настоящего купца и предпринимателя, уже не раз предлагал ему служить в своей компании, действующей у берегов Камчатки, Алеутских островов и даже у матерого берега американской земли Аляски.

На этот раз пришлось согласиться, и Баранов заключил с Шелиховым договор, где было прописано, что «...рыльский именитый гражданин Григорий Иванов сын Шелихов и каргопольский купец, иркутский гость Александр Андреев сын Баранов постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-Восточной компании, тамо расположенной».

Вот почему ему, Баранову, стал нужен дальний и верный помощник. Вот почему он заключил с ним, Иваном Кусковым, свой договор и они плывут сейчас на встречу с Григорием Ивановичем Шелиховым в Охотск, а оттуда, следуя его указаниям, пойдут к неведомым американским берегам...

...Чем дальше плыл их бот на север, тем шире становилась река Лена, а когда через несколько дней подходили к городу Киренску, то, по словам лоцмана, здесь от берега до берега ширина реки была целых две версты.

В Киренске, небольшом деревянном и низкорослом городке, стоявшем на низком же речном берегу, Баранов и Кусков со спутниками сошли на пристанище и там в троговой лавке купили свежего печеного хлеба, молока и свежих же овощей.

Зная из разговоров бывальных людей, что в этих местах рожь часто не успевает вызреть из-за рано приходящих холодов, Иван спросил у продавца, из какой муки печет он хлеб свой.

– Так из привозной, – ответил тот. – Нам ее на барках сюда привозят. Мы и покупаем с запасом на всю зиму. А вот капуста, свекла, морковь и огурцы у нас завсегда свои... Барки с мукой сегодня утром тут были и ушли вниз, к Олекминску. Вы их где-нибудь нагоните.

Киренский житель оказался прав: компанейский бот, через много верст, догнал три сплоченные барки, осаженные глубоко в воду, оттого что несли на себе большой груз. Гребцов на барках видно не было, и плыли они, казалось, движимые лишь речным течением да попутным ветром.

...Через неделю бот подошел к еще одному городку на левом берегу Лены – Олекминску. Здесь река была шириной уже в три версты. Ивану Кускову встречать такое еще не приходилось, но удивительнее всего ему было увидеть на берегу шумную и веселую ярмарку, которая в сегодняшний ясный летний день была в самом разгаре.

Несколько купеческих паузков стояли у берега, на котором были раскинуты торговые палатки с разными привозными товарами. А то, что купцов на эту ярмарку прибыло немало, то это совсем не удивительно: Олекминск славился на всю Сибирь лучшими соболями.

У торговых палаток и лавок толпился местный люд: тунгусы, якуты, русские. И, как на всякой ярмарке, Ивана Кускова посетило ощущение праздника...

...От Олекминска до Якутска шли по Лене еще четыре дня и ночи, а утром пятого дня подошли к пристани главного города на Лене-реке. Позади было две с половиной тысячи верст и почти месяц водного странствия.

Баранов не захотел оставаться в городе, попросив лоцмана переправить их с Кусковым на другой берег, где было стойбище местных жителей – якутов и где можно было среди них нанять людей с лошадьми для дальней дороги до Охотска. Путь этот был, по рассказам проходивших по нему людей, очень трудным и даже опасным. Но Баранову не привыкать было хаживать по таким сибирским дорогам да горным тропам. Поэтому, когда все вещи и съестные припасы были переташены с бота на берег и сложены у раскинутой тут же палатки, он сразу же отправил-

ся в якутское стойбище, возле которого на сочном разнотравье гулял целый табун лошадей.

Но Александр Андреевич, ведя разговор с якутами, пожелал, чтобы те брали с собой лошадей уже облезженных, а не из табуна – полудиких и вольных, а потому непослушных и пугливых. Баранов нанял двух якутов и даже выплатил им часть денег вперед, договорившись о полном расчете в Охотске. На это дело ушел почти весь день, а вечер они коротали у костра возле палатки, пили чай и вели свой обычный разговор.

…Ранним утром к их палатке пришли якуты с лошадьми. На трех из них навьючили поклажу с палаткой, две верховые лошади были под якутами и две достались Баранову с Кусковым. Седла были самодельными, но сидеть в них было удобно, и, помолившись на дорогу, Баранов дал команду трогаться в путь.

Было начало июля с теплыми и ясными днями. Погода стояла чудная: солнце, легкий ветерок и ласкающие взгляд виды здешней природы с лесами и перелесками, с озерами и холмами, поросшими травой и кустарником, маленькие речки и ручьи, которые преодолевали вброд, и тишина. Все это радовало душу Ивана Кускова, и он, следя за Александром Андреевичем Барановым, часто предавался размышлениям, то вспоминая родную Тотьму и пройденный им до сего дня многотысячеверстный путь, то думая о предстоящих и неведомых ему пока делах в столь далеком краю России… И в который уже раз в мыслях своих представлял он, что вот так же когда-то шли первые русские землепроходцы «встречь солнцу» и в этом веке, и в прошлом, а поднимавшееся каждое утро над горами и лесом солнце звало идущих ему навстречу людей заглянуть за небоскат, увидеть, где оно ночует, дойти до той черты, где небо сходится с землею. Но сколько бы они ни шли, сколько бы ни старались заглянуть за тот небозем, солнце не позволяло им это сделать, и каждый раз, вставая над землей, оно играло, и манило, и вдохновляло идущих к нему.

Вот все это, как думал Иван, заставляло первопроходцев преодолевать тысячуверстные пространства с их невзгодами и многими препятствиями. Ну и, конечно, двигала их еще жажда

познания неведомого, такая же, как у него, Ивана Кускова, все эти дни и месяцы...

...Караван шел неторопко, как позволяла ему малоезженая дорога, и без особых приключений. Ночевали после дневного перехода в якутских стойбищах, а то и прямо в лесу или на берегу какой-нибудь мелкой речушки. Поставив палатку, кипятили на костре воду для еды и чая, а в стойбищах иногда покупали кумыс.

Однажды, сидя вот так же у костра перед палаткой, когда якуты уже спали в своем шалаше, Иван и Александр Андреевич вели неспешный разговор. Кусков спросил собеседника о Шелихове: что это за человек такой, о котором так много говорили еще в Иркутске и к которому они идут сейчас в Охотск.

– О, этот человек, каких мало, пожалуй, даже в самой России. Григорий Иваныч пришел в Сибирь так же, как и мы с тобой... Он купец, но больше заботится не о мошне своей, а о благе Отечества не только прибылью компаний в деньгах, но и в открытии новых земель, коими прирастает Россия...

...Узнал Иван из того разговора с Барановым, что Григорий Иванович Шелихов родом был из курского города Рыльска. Там же и по коммерческой части служить стал: сперва приказчиком, а потом и собственное дело завел. Так все когда-то начинали.

До него тоже дошли слухи о Сибири, богатой мягкой рухлядью, из рассказов о торговых делах в той стороне курян, там побывавших. Вот как-то услышал Шелихов, что в Иркутске имеет торговлю курский купец Иван Ларионович Голиков. Шелихов немного знал его, но на свой, как говорится, страх и риск отправился в Иркутск.

Только не одно желание стать богатым купцом двигало молодого тогда Шелихова... Он как-то сам Баранову сказывал, когда уговаривал идти к американским берегам и быть ему помощником, что в семье Григория Ивановича хранился серебряный ковш, которым дед Шелихова был награжден самими Петром Великим за бескорыстную службу Отечеству. Так что Шелихов думал о том, как быть достойным своих предков.

В Иркутске Иван Голиков взял земляка своего на службу

приказчиком, а потом Григорий и с другими купцами знакомство завел, особенно с якутским торговым человеком и мореходом Павлом Сергеевичем Лебедевым-Ласточкиным, а вскоре отправился с ним в Якутск вот по этой же самой дороге. В то время многие купцы: вологодские, иркутские, тульские, якутские и другие прочие – снаряжали свои суда для промысла морских бобров и котов на их островных лежбищах. Вот и они с Лебедевым снарядили свое первое судно «Николай» с командой зверобоев и отправили его в первый промысловый вояж по океанским волнам... Несколько островов мореходы открыли, но судно разбилось в шторм о скалы, и первая экспедиция оказалась неудачной.

Были такие же неудачи и у других купцов. И в светлую голову Шелихова пришла мысль, что в одиночку заниматься промыслом морского зверя нельзя. Надо создавать одну, но большую промысловую компанию, на купеческих паях, а то ведь нынешние компании создавались лишь на один поход. Потом прибыль делилась между пайщиками, и компаний как не бывало. Всяк опять занимался своим делом, как и они вот с Лебедевым.

Мыслию сей он поделился с Иваном Голиковым. Тот, немногого подумав, согласился, и в семьсот восемьдесят первом году они поехали в Петербург: чтобы промышлять большой компанией на тихоокеанских островах и берегах американских, нужно было заручиться поддержкой Сената и даже самой императрицы Екатерины Великой.

Купцы нашли понимание и поддержку у многих высоких чинов петербургских и положили начало Северо-Восточной компании, которая и до сей поры действует, но, правда, монопольного права на добычу морского зверя не имеет: Сенат разрешения на это по какой-то причине пока не давал.

Купцы возвратились в Иркутск, и Шелихов вновь уехал в Охотск, где построил сразу несколько кораблей: «Три Святителя», «Св. Симеон Богоприимец» и «Св. Михаил». На них-то он в шестнадцатый день августа семьсот восемьдесят третьего года и отправился со своими людьми в морской поход к американским берегам. На первом, двухмачтовом галиоте «Три Святителя», шел он сам со своей женой Натальей Алексеевной, внучкой

известного купца первой гильдии Никифора Андреевича Трапезникова и, как оказалось, еще и отважной женщиной.

Через месяц, после жестокого шторма, пристали они к острову Беринга, где и перезимовали, а весной отправились сперва на алеутский остров Уналашку, а потом и на Кадьяк у самого берега Аляски.

В этом странствовании было все: и морские бури, и болезни, и бои с воинственными жителями Кадьяка – конягами, и замирение с ними. Преодолевая все эти невзгоды, Григорий Иванович Шелихов сделал, однако, главное: заложил русские крепости на островах Кадьяке и Афогнаке, на берегу Кенайского залива Аляски. Над всеми этими крепостями разевались русские стяги, а на видных местах были заложены медные доски с надписью: «Земля российского владения». Тем он, Григорий Иванович Шелихов, и положил начало Русской Америке.

Оставив в новых поселениях своих людей, он вернулся на галиоте «Три Святителя» в Охотск, а потом и в Иркутск. Описав свое странствие к берегам Америки с перечислением заложенных там крепостей, Шелихов послал свой доклад в Петербург, а потом опять в семьсот восемьдесят восьмом году с Иваном Голиковым поехал в столицу, желая получить исключительное право на промысел и торговлю на Тихом океане да попросить ссуду в двести тысяч рублей и воинскую команду в сто человек.

Но императрица Екатерина Алексеевна и в этот раз, прочитав доклад Шелихова, отнеслась с непонятным холодком к мыслям и делам Григория Ивановича, хотя и наградила его за труды на благо Отечества золотой медалью на Андреевской ленте и золотою же шпагою, а вот в монопольном праве на действия компании опять отказалась. Шелихов объяснил такое отношение к его предприятию со стороны императрицы только тем, что сейчас все свое внимание и деньги она обращала на войну с Турцией, которая объявила ее России в прошлом семьсот восемьдесят седьмом году... Шелихов с Голиковым возвратились в Иркутск, а недавно Григорий Иванович вновь оказался в Охотске, затея своей не оставил и продолжал дело компании. Но ему нужны были надежные помощники для управления всеми делами, крепостями, людьми и промыслом

в Русской Америке. Вот он и уговорил на это дело Александра Андреевича Баранова, а тот, стало быть, и его – Кускова Ивана Александровича...

– ...Вот такой он человек, – завершил свой рассказ Баранов.

– С деловой купеческой хваткой, с державным умом и заботой о благе Отечества... Думаю, что и нам с тобой, Иван Александрович, в будущих делах наших поступать так же следует, как и Григорий Иванович Шелихов.

– Я готов к сему, Александр Андреевич, – твердо произнес Иван Кусков.

...Дорога после этой ночевки стала намного труднее и в некоторых местах болотиста, особенно после дождя, и тогда приходилось лошадей вести под уздцы. Через реку же Амчу, не слишком широкую, но весьма глубокую, переправили сперва лошадей, а потом и сами на лодках, взятых в соседней деревне, переплыли на другой берег, где Баранов в якутском стойбище за деньги поменял уставших лошадей на свежих.

К счастью, за весь путь до Охотска никаких у них особых приключений не было. Разве только отметил Иван, что в дороге, особенно после Амчи, каждый день встречались им медведи, и приходилось тогда быть настороже. Но звери вели себя на удивление мирно. И лишь однажды ранним утром Баранова с Кусковым разбудили громкие крики проводников-якутов. Оказалось, что ночью медведи задрали одну из лошадей. Пришлось груз переложить на других, а потом купить у якутов новую лошадь.

Потом была еще река Алдан в две версты шириной, и через нее переправились на пароме. Здесь дорога шла по холмистой и каменистой местности. Опасно было переходить горные быстрые речки и перевалы через горный хребет Чебог-Дола и через несколько других высоких хребтов, но зато какая была радость, когда, пройдя все эти опасные места, караван подошел к берегу реки Охоты и, переправившись через нее, завершил сорокадневный путь от Якутска до Охотска в пятнадцатый день августа семьсот девяностого года.

Глава двадцатая

Едва развязчив лошадей и перетаскав поклажу в амбар на заднем дворе компанейского дома, Александр Андреевич щедро рассчитался с якутами, и те, заметно повеселев, отправились по своим делам: ведь не сегодня-завтра им уже придется искать попутчиков с такою же поклажею до Якутска. Впрочем, о них не надо было беспокоиться. В обратную сторону желающие ехать всегда найдутся. Для якутов дело это и прибыльное, и привычное, для попутчиков – чаще всего – необходимое.

Взяв с собой Ивана Кускова, Баранов поднялся на второй этаж деревянного особняка, где встречного канцеляриста в черном сюртуке спросил про кабинет его начальника Шелихова. Тот молча показал рукой на дверь, а Баранов, подойдя и постучавшись, резко распахнул ее.

Хозяин кабинета, Григорий Иванович Шелихов, сидел за огромным письменным столом с белым пером в руке, читая какую-то бумагу. Услышав, как скрипнула дверь, он поднял голову, и тут же светлая улыбка озарила его широкое лицо. Да он и сам, казалось, весь светился. В светлом камзоле и белой рубашке с длинными рукавами, в белом парике с боклями и белым же платком на шее, Шелихов был похож на какого-нибудь чиновника в Иркутске или даже в Петербурге. Да это и на самом деле было так в судьбе именитого гражданина и купца. Шелихов вышел из-за стола навстречу Баранову с распростертыми для объятий руками.

– Жду, жду тебя, дорогой ты мой Александр Андреич, – говорил он на ходу. – Давно поджидаю.

Они обнялись как старые и добрые знакомцы.

– Как добрались? Все ли ладно? – спросил Шелихов.

– А все ладно и хорошо Григорий Иваныч, – ответствовал Баранов. – С Божьей помощью добрались без особых приключений. Мы старались побыстрее, и по Лене-реке у нас получилось пройти довольно скоро. Сюда же от Якутска дорога не шибко хороша, и мы шли дольше, чем хотелось... А со мной мой помощник, Иван Александрович Кусков. Прошу, как говорится, любить и жаловать. Сам он из Тотьмы, что в Вологодской губер-

нии. Искал в Иркутске себе службу по коммерческой части, а я в это же время такого человека тоже подыскивал. Вот и встретились у его земляка Нератова.

— Слыхал, слыхал про таких, — сказал Шелихов, подавая руку Кускову. — Ежели рекомендован тотьмичами, то, стало быть, без обмана... У нас тотемские купцы давно тут промышляют... Ну и тебя, Иван Александрович, к нам в компанию милости просим. Очень рад.

— Благодарствую, Григорий Иваныч, — сказал в ответ Кусков.

— И я рад буду служить у вас под началом Александра Андреича.

— Ну вот и славно, — кивнул довольный Шелихов, приглашая гостей присесть в кресла у стола. — Вы, я гляжу, прямо с дороги и ко мне?

— Да, Григорий Иваныч, — ответил Баранов. — Только на переправе успели в реке умыться да почиститься.

— Тогда, может, вам сперва отдохнуть после такого трудного пути? — предложил Шелихов. — А потом и побеседуем.

Но Баранов не согласился.

— А чего зря время терять, — сказал он. — Сей же час и поговорим, а отдохнуть успеем.

— Ну, что ж... Будь по-вашему... Ты прав, Александр Андреич. В нашем купецком деле время — деньги. А посему тут, в Охотске, вы на долгую остановку и не помышляйте. Судно мое будет готово к отплытию к американским берегам через три дня... Жить будете и отдыхать в моем доме. Я теперь один: супруга моя, Наталья Алексеевна, уехала в Иркутск и там ждет меня... Провожу вас, а сам отправлюсь в Иркутск, потом, Бог даст, поеду в Петербург.

— Опять о компании хлопотать? — спросил Баранов. — Надежда-то есть, Григорий Иваныч? Ведь не впервые туда собирались вояжировать.

— Без надежды и веры, Александр Андреич, ни жить, ни чего-то делать нельзя... Вот и решил я попытаться еще раз оборотить лицо царицы нашей на восток, к нашим берегам и бедам.

— Через высоких чиновных людей, пожалуй, только и можно сие сделать, — предположил Баранов.

— В Петербурге и в царском дворце многие чиновные люди к

нам благоволят. Только вот у императрицы теперь все мысли о войне с Турцией. Но, я думаю, что войны скоро кончится. С фельдъегерской почтой получили мы известие, что Суворов разбил турок при Фокшанах и Рымнике, а Ушаков громит их на море.

– А новый иркутский губернатор Пиль к сему нашему делу расположен?

– Пиль нас, слава Богу, очень даже поддерживает и уже два всеподданнейших доклада послал императрице. Там он писал ей, что испанские и английские суда проникают всеми неправдами в наши воды к берегам Курильских да Алеутских островов и самой Америки, просил укрепить наше там присутствие. А оно возможно только через привилегии нашей компании Северо-Американской.

Иркутский генерал-губернатор и кавалер Иван Пиль действительно искренне поддерживал компанию Шелихова и Голикова. Он даже все острова у американских берегов и всю Аляску называл не иначе как Американским уездом Иркутской губернии.

– Ну, коли так, то сие похвально для губернатора, – сказал Баранов. – А еще, братцы мои, – продолжал Шелихов, – надежда у меня в Петербурге на зятя моего, Николая Петровича Резанова. Он теперь камергер двора императорского и вхож к самой императрице, так как состоит правителем канцелярии ее статс-секретаря Державина Гавриила Романовича... Ему, зятю нашему, отоспал я свою рукопись записей о моих тут странствиях.

На столе у Шелихова лежало много книг и бумаг разных, но среди них выделялась высокая стопка бумажных листов, аккуратно и ровно уложенных.

– Да вот она, – показал Григорий Иванович на эту стопу бумаги и взял в руки верхний лист. – А назвал я ее так: «Российского купца Григория Шелихова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам и возвращение его в Россию с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктаха и Афогнака, до коих не достигал и славный английский мореход капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу, также климат, годовые перемены, звери,

домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастания и многие другие любопытные предметы, там находящиеся, что все верно и точно описано им самим»... Я вас не утомил одним только названием моих записок?

– Нет, Григорий Иваныч, – сказал Баранов. – Очень даже интересно и любопытно. Да и труд сей твой великий был, что и говорить.

– Да, пришлось потрудиться. Я ведь две зимы прожил только на Кадьяке. Везде там походил и поплавал... Это мне копиисты списали, а самоличная рукопись у Резанова. Просил я его в какой-нибудь типографии там, в Петербурге, издать книжицей и государыне Екатерине преподнести. Надеюсь, что они с Державиным смогут сие сделать.

– Дай-то Бог, дай-то Бог, – сказал Баранов.

– Ну, а ежели дело наше в Петербурге не свершится, то труд сей мой на память потомкам останется...

– Григорий Иваныч, – заговорил Баранов. – А мне вот сей же час подумалось, что тобою здесь уже сделано главное. Ноевые земли у берегов Америки открыты и тобою описаны. Наши люди живут и трудятся там на пользу компании и Отечества. Так что дело сие надо продолжать, и никакой Петербург остановить предприятие наше не сможет, да и не захочет. Так ли я мыслю?

– Ты говоришь правду, Александр Андреич, и спасибо, что ты меня понимаешь. Но я хочу еще увеличить число пайщиков и компанейских судов, заиметь монопольное право на промысел в этой части Великого океана, закрепить вновь открытые земли за Россией и заселить их нашими людьми. А для сего нужен указ Сената и императрицы... Ну, да хватит об этом. Пора и о вашем с Иваном Александровичем участии в делах сих говорить.

– Я слушаю тебя, Григорий Иваныч, – с готовностью произнес Баранов.

Шелихов поднялся из-за стола и, пройдясь по кабинету, обратился к Баранову:

– На Кадьяке я оставил нашего грека, Евстрата Ивановича Деларова. Ты его сменишь и дела у него примешь. Наших людей

с ним где-то около двух сотен человек... Хочу тебе, Александр Андреич, сразу сказать, что все они наемные и служат у нас по контракту, а посему уж больно вольные. Так что тебе там без крепкого слова, да и крепкой руки, не обойтись.

— В этом не сомневайтесь, Григорий Иваныч. Я через все такое проходил. В разных переделках побывал и разных людей повидал.

— А я и не сомневаюсь, Александр Андреич. И совсем недаром выбрал тебя на должность сию — Главного правителя русской Америки.

— Благодарствую, Григорий Иваныч, — наклонил голову Баранов.

А Шелихов подошел к стене супротив стола, где висела карта-чертеж, на которой были видны очертания Камчатки, Курильских и Алеутских островов, аляскинского берега Америки.

— Вот, Александр Андреевич, — заговорил Шелихов, когда Баранов подошел к нему и глянул на карту. — Обрати внимание на сии острова. Вот Кадьяк, откуда ты будешь править и промыслом и всей этой землей. Здесь, на соседних островах, с согласия вождей племен тамошних, нами заложены медные доски... Знать тебе надо и то, какие племена туземцев на сих островах обитают... Вот на Шелидаке и Сукле живут чугачи и, хотя с нами знакомы давно — Сукле назван еще от Беринга мысом святого Ильи, они воинственны и коварны. Не раз чугачи покушались на наших людей, хотя с ними торговать и покупать у них меха можно... А вот здесь, у острова Хликах, есть бухта, куда входить нашим судам безопасно... А на этом острове Каяк жителей никаких нет, а напротив него на матером берегу обитают колюжи, хотя много их и на берегу залива Якутат. Но здесь, на острове, они миролюбивы, поскольку их тойон хочет с нами торговать, дружить и расположены к нам более, нежели к иностранцам. Наверно, потому, что те европейцы ссорят племена между собой и с нами. Так что с англичанами, французами и испанцами тебе придется побороться. Лезут и лезут они в наши воды, торгуют с островитянами, подарками одаривают. Мой поверенный Деларов писал недавно, что были

там у нас два фрегата испанские. Он общался с капитанами и обнаружил на одном из них четырнадцать пушек. И все это творится в наших, считай, российских пределах, – заключил Шелихов свой долгий рассказ.

– Но как же я, Григорий Иваныч, буду с ними бороться, ежели у них даже пушки есть? – развел руками Баранов.

– Будут и у тебя в крепости пушки, а еще военные фрегаты Камчатской флотилии помогут гнать непрошеных гостей, – успокоил Баранова Шелихов.

– Тогда дело другое.

– И еще. Александр Андреич, один мой наказ таков будет... Тамошних обитателей-туземцев, служащих при компании, в работе содержать надобно в хорошем призрении, чтобы сыты они были, обуты, одеты, и никаких обид ни словами, ни делом не допускать. Обидчиков же наказывать штрафами. Опираясь в делах своих на алеутов. Они надежны, ибо давно считают себя подданными России. Относись к ним и ко всем туземцам с любовью и терпением да другим своим людям накажи.

Баранов хорошо знал о том, в каких отношениях состоял с туземцами на Кадьяке сам Шелихов, внушая тем, что русские – добрые, мирные люди и чтобы они ничего не опасались. Он же на Кадьяке и школу открыл для индейских детей, чего там никогда не бывало.

Это дружеское отношение к туземцам Кадьяка привело к тому, что индейцы полностью доверились Шелихову, а после его рассказов о России попросили свозить их в Охотск, где бы они смогли сами посмотреть русский город, узнать, чем занимаются его жители. Шелихов устроил индейцам такой вояж в Охотск, взяв к себе на судно человек сорок туземцев, в том числе детей, из коих несколько маленьких индейцев привез в Иркутск, где определил учиться в навигацкой школе на мореходов. Остальных же, одарив подарками и одеждой, отправили обратно на Кадьяк...

– Я постараюсь следовать советам твоим, Григорий Иваныч, – заверил Шелихова Баранов. – И благодарен тебе за них. Так что о сем не изволь беспокоиться.

– Но это я сказал тебе, Александр Андреич, только о начале

дел твоих на земле Америки российского владения, – загадочно улыбнувшись, произнес Шелихов.

– Что же еще? – спросил Баранов.

– Главное, конечно, добыча морских зверей... Но нам надо думать и о будущем сего края России... Моя мечта – построить где-нибудь на аляскинском берегу большой город. Я даже название ему придумал – Славороссия... И будет он столицею Русской Америки, как Петербург, – мечтательно сказал Шелихов.

– Так что ты там между делом для будущего города место присматривай.

– Но для сего дела люди нужны иные, Григорий Иваныч.

– Согласен... Алеуты-охотники и наши зверобой хлеб сеять, лес валить и дома строить не станут. А посему я буду просить императрицу послать к тебе хлебопашцев, мастеровых людей, да и просто посельщиков-переселенцев. А еще православных священнослужителей, дабы они несли в народы, там обитающие, слово Божие и свет веры нашей православной, – сказал Шелихов.

...Они с Барановым еще долго говорили о будущем русских владений в Америке, и Кусков, не вмешиваясь в их разговор, невольно наблюдал за ними и радовался, что судьба свела его с этими богатыми умом и сердцем русскими людьми, бескорыстно и честно желающими положить судьбы свои на пользу и благо Отечества. И ему, Ивану Александровичу Кускову, еще больше захотелось быть причастным к тем делам, какие ожидали их с Александром Андреевичем Барановым в «чаемой земле американской».

Глава двадцать первая

Шелиховский двухмачтовый галиот «Три Святителя», на котором Григорий Иванович сам странствовал не так давно до американских берегов, через три дня стоял у причала охотского порта и сегодня, девятнадцатого августа семьсот девяносто-го года, был готов к отплытию к тем же берегам. Все эти дни судно загружали разным имуществом, потребным в походе и на

острове Кадьяк близ Аляски – конечной цели пути галиота: бочками с пресной водой, строительными досками, судовыми коваными гвоздями в деревянных ящиках, ремесленным инструментом, палатками, запасным судовым такелажем, съестными припасами в мешках и рогожах, железными печками и дровами к ним... Да разве можно все перечислить, что потребуется судовой команде и промысловикам, плывшим на Кадьяк, в столь дальнем морском походе.

Командовать галиотом Шелихов поручил штурману и капитану Дмитрию Ивановичу Бочарову. Сей знатный бывалый человек слыл одним из лучших мореходов во всей шелиховско-голиковской компании. Он плавал от Охотска и Камчатки по всему океану. Бывал на Аляске, ходил к островам Курильским и Японским, в Китай и даже в европейские порты захаживал. Так что Григорий Иванович Шелихов в деле мореходном Бочарову весьма доверял и потому в этот поход тоже его назначил и сам представил его Баранову с Кусковым.

Дав последние устные наставления капитану, Шелихов вручил ему еще и письменные. Он всегда так делал, и мореходы на него не обижались. Они тоже доверяли Григорию Ивановичу и знали, что все слова его, сказанные им в напутствие, равно как и написанные, способствуют их благополучию. Сам же Шелихов чувствовал себя при этом увереннее и спокойнее.

Ветер сегодня попутствовал, и Григорий Иванович, еще немного поговорив с Барановым и Кусковым, стал с ними прощаться. Обняв каждого, он сбежал по трапу на берег. Матросы убрали трап, причальные концы, и судно стало отходить от пристани, на которой остались провожающие галиот жители Охотска и стоял с грустным лицом Григорий Иванович Шелихов. Он махал рукой вслед уходящему в море своему паруснику. Баранов с Кусковым в ответ сняли свои фуражки и тоже махали ему. Они, конечно, и думать не думали, что прощались с Шелиховым навсегда...

...В первые две недели плавания море было спокойным и все шло хорошо, но потом начались волнения. Не только на океанском просторе, но и у команды галиота, у всех, кто находился на борту судна.

Началось же с того, что несколько бочек с пресной водой

дали течь и совершенно опустели. То ли перед погрузкой их плохо пропарили да замочили, то ли повредились они при постоянной морской качке.

На судне же было более пятидесяти человек, и капитану пришлось ограничить расход воды для питья сперва до трех, а потом до двух стаканов в день. Но, в конце концов, плавание на Кадьяк Бочаров, посоветовавшись с Барановым, прервал, повернул галиот к Уналашке – самому ближнему из Алеутских островов, дабы запастись там пресной водой.

В небольшой островной бухточке бросили якорь. Запас воды пополнили дня за два, и пора было собираться продолжить путь на Кадьяк, но тут случилась новая и страшная беда: на остров налетел внезапный и мощный ураган. Галиот сорвало с якорей и бросило на прибрежные скалы...

Целую неделю неистово бушевал шторм, и люди мало что смогли спасти из бывшего на корабле груза. Одно утешение, что все живы остались. О путешествии на Кадьяк думать было нечего. Потому и решили Баранов с Бочаровым здесь, на Уналашке, зазимовать. Сразу пришлось рыть полуzemлянки, но, главное, заботиться о пропитании и здоровье зверобоев и команды. Слава Богу, что многие промысловики сохранили ружья, и в ясную погоду они ходили на охоту, добывая то сивучей, то лесных зверей или птиц...

Остров Уналашка был одним из самых больших среди Лисьих островов Алеутской гряды, открытых более полусотни лет назад вологодским мореходом Степаном Глотовым, и простирался почти на двести верст в длину. Были на нем и леса, и речки, и горы. Одна из них в ясную, без туманов, погоду была особенно заметна, но не так высотой своей, как тем, что из вершины ее, как говорили, «шел вечный дым». А еще сказывали, что гора та, бывало, гудела, и тогда трус земной был велик и страшен, а дым из вершины валил еще выше и обильнее.

Из жителей на острове обитали только алеуты, да и то в малом числе и всего лишь в нескольких селениях. Сказывали, что их было больше в те времена, когда первые промышленные люди появились на Уналашке и близлежащих островах.

Не все они в те времена вели себя достойно с местными оби-

тателями: насилиничали, обманывали, а порой даже и жизни лишали. Алеуты в долгую не оставались, и много русских промышленных людей устлали здешнюю землю своими телами. Усобицы и болезни тоже намного сократили число алеутов на сих островах и на Уналашке.

Но сейчас, слава Богу, такое уже позади: местные жители почти все крещеные и исправно служат России, как и полагается ее подданным.

Так что у Баранова и всех его людей не было чувства обреченности и уныния. В редкие ясные дни, а погода на острове с постоянными ветрами, туманами и дождями часто даже на одном дне менялась не раз, он никогда не сидел в землянке, а ходил в компании с Кусковым по берегам острова, забирался в горы, записывая потом обо всем, что ими было увидено, в свою толстую походную тетрадь...

...Так, в холода и голоде, прошла эта трудная уналашкинская зима, а как только потеплело, то из остатков разбитого корабля умелыми руками матросов команды капитана Бочарова и зверобоев Баранова были построены три больших лодки. На них и поплыли на Кадьяк, до которого добирались от острова к острову с новыми приключениями, в том же холоде и в том же голоде, целых два месяца. Лишь в конце июня Александр Андреевич Баранов со своим помощником Кусковым и всеми бывшими с ними людьми прибыли к месту назначеннной службы на острове Кадьяк, у самых аляскинских берегов.

...В первые же дни жизни на острове Баранов, едва оправившись от неожиданно трудного и опасного пути сюда, стал знакомиться с делами, которые передавал ему Деларов, да и с самим островом тоже. Вместе с Кусковым они обошли на байдаре вокруг огромного Кадьяка, побывали на других островах и на самом побережье Аляски.

Только после этого путешествия Александр Андреевич Баранов понял, что Русская Америка – целая страна и он ее Главный правитель, а также то, что трудов здесь хватит ему на все оставшиеся жизненные годы...

...Так началась служба Баранова на Кадьяке, а затем и на острове Ситха, что лежал у другого берега Аляскинского залива

и куда он перенес через несколько лет столицу российских владений. Началась жизнь, со всеми ее радостями и огорчениями, с любовью и ненавистью, с победами и бедами.

Он все переносил достойно, как полагалось Главному правителью и истинно русскому человеку. Лишь однажды Александр Андреевич по-настоящему опечалился и огорчился: когда он получил известие о том, что в Иркутске двадцатого мая семьсот девяносто пятого года внезапно и загадочно окончил свои земные дни Григорий Иванович Шелихов, которого он почитал как отца Русской Америки.

В эти самые печальные для него дни решил Александр Андреевич быть здесь еще более достойным продолжателем его, Шелихова, дела...

ЧАСТЬ II

Глава первая

Побережье матерой земли американской, Аляскою называемой... Вода, кругом вода. А еще частые острова и скалистые их берега в легком тумане раннего утра. И над всем этим тишина. Только слышен плеск волн о кожаный борт байдары да глухой звук смазанных жиром уключин.

В лодке куча свежих котиковых шкур и десятка два алеутов-зверобоев во главе с байдарщиком Сысоем Слободчиковым, сидящим на корме. Он зорко глядит вперед и по сторонам водной глади. Все другие молчат, равнодушно взирая на океанский простор, на волны и скалы. Видно, что люди устали после многодневной тяжелой работы и жили только ожиданиемозвращения с промысла домой.

Но вдруг Сысой насторожился и махнул рукой гребцам своей байдары.

— Стой! Суши весла! — скомандовал жестами и негромко сказал Слободчиков.

Все повернулись в ту сторону, куда вглядывался Сысой. Там из-за островной скалы выставилась крма какого-то незнакомого и большого парусного судна, стоящего на якоре.

— Кажись, не наш, — сказал один из охотников.

— Знамо, не наш, Гуря, — подтвердил Сысой. — Нашим людям в сем углу тайном делать нечего. Да и неоткуда им тут взяться.

Слободчиков расстегнул на груди кафтан, достал из-за пазухи подзорную трубу. Корма незнакомого судна приблизилась к его зорким глазам, и он смог прочитать четкие латинские буквы: «Albatros».

– Англичанин... Еще один разбойник в наших водах. Видно, опять что-то затевают, собаки... К берегу! – приказал Сысою гребцам.

Он подал знак рукой на идущие следом байдары, и все лодки повернули к скалистому, поросшему кустарником берегу одного из близких островов.

Над высокой скалой-кекурой Новоархангельской крепости – резиденции Главного правителя русских владений в Америке на острове Ситха развевался трехцветный, с двуглавым орлом флаг Российской-Американской компании. Он будто плыл над домами, амбарами и другими крепостными постройками. У самого же причала среди других стояло иностранное судно с английскими буквами на борту: «Ametist», на которое по сходням работные люди заносили тюки и рогожные мешки с пушниной. Видно, что загрузка судна шла полным ходом, а за ней из окна дома правителя Русской Америки Александра Андреевича Баранова наблюдал американец Томас Мур – капитан этого самого торгового судна. Хозяин же кабинета, Баранов, сидел за столом и что-то писал на большом листе бумаги.

– Я старый морской бродяга, мистер Баранов, но на берегу мне более всего по душе вот эта картина, – сказал, кивая на окно, Мур.

Баранов встал из-за своего рабочего стола и подошел к окну.

– Вы правы, господин Мур, – согласился с гостем Баранов. – И у меня от сей картины на сердце любо. Я всегда, глядя на это, чувствую свое участие в деле, ради которого мы пришли сюда, на край земли. Но главное – все это на пользу Отечеству.

– Мы, американцы, мистер Баранов, желаем как можно дольше работать вместе с вами, русскими. Ведь что хорошо для вашей компании, то хорошо и для народов наших.

– Да, господин Мур, – подтвердил Баранов. – Наша с вами служба – взаимная выгода для наших народов. Но, к сожале-

нию, тут, у матерой земли американской, подвигаются и совсем другие люди.

– Есть, есть они, мистер Баранов, – кивнул Мур. – Вот, говорят, в здешних водах появился известный пират Самуэль Гельбер...

– Англичанин?

– Да... Моряк, однако, превосходный. Но там, где он появляется, всегда скута, всегда кровь. Так что будьте с ним осторожны. Хитер и коварен этот человек.

– Еще неведомо мне о нем, но если говорят, стало быть, так и есть.

– У меня точные сведения, мистер Баранов. Этот разбойник где-то здесь, у Аляски.

– И что ему надо? – произнес Баранов, будто спрашивая самого себя.

– Как что? – удивленно сказал Мур. – Всё очень просто. Гельбер мелок сам по себе, но за ним стоят испанцы и англичане. А им вы, русские, и мы тоже – конкуренты у этих берегов и не нужны здесь. Вот и послали они этого самого Гельбера.

– Несколько лет тому назад здесь разбойничал пират Барбер. Много нам крови попортил. Подымал против нас туземцев, и они даже захватили нашу крепость. Еле замирились. А сам Генри Барбер потом служил у нас капитаном корабля «Ситха», да однажды в бурю погиб у камчатского берега вместе с кораблем... И вот теперь, значит, вместо Барбера прибыл Гельбер. Жизнь, однако, скучать не дает. А что англичане и испанцы творят тут беззаконие? Почему ваши власти их не урезонят? – вдруг спросил Баранов.

– Видите ли, мистер Баранов, – ответил американец, – моя страна еще слишком молода. Тридцать с небольшим лет всего прошло с тех пор, как мы стали независимы от Британии. И англичане, и испанцы все еще сильны у нас. Ведь наша земля – бывшая колония Англии.

– Англичане с испанцами ведут себя здесь как разбойники с большой дороги, говоря по-нашему, по-русски. Мы вот ружья туземцам не продаем, а пираты колошам даже пушки за меха дают и постоянно подбивают туземцев против нас.

– Они считают все побережье от Калифорнии до Ситхи своей землей, – сказал Мур.

– Земля эта ничейная, – убежденно произнес Баранов. – А вернее, тех племен индейских, кои на ней живут. И многие изъявили свое желание войти в российское подданство доброй волей. В землях сих на американском берегу врыты нами медные доски, где литыми буквами написано: «Земля российского владения».

– Всё так, – согласился капитан Мур. – И мне сие давно известно. Но от коварства англичан и испанцев доски не спасут. Им нужны здешние лежбища морских котов. А для этого они подкупают местных тойонов и поднимают против вас туземцев.

– Сие они умеют, – подтвердил Баранов. – Коварству их учить не надо. Да ведь, зло свое творя, как они жить собираются? Мне говорили, как они огнем и мечом прошли от моря и до моря по земле Америки, истребляя целые племена туземцев ради собственного блага. Мы же пришли сюда не завоевывать Америку... Вот посмотрите, господин Мур, – Александр Андреевич подвел гостя к большой карте, висевшей на стене кабинета, и продолжил: – Мы давно обжили все эти острова... Уналашку, Кадьяк, Афогнак. Наши крепости есть и на земле Кеная, Якутата. Ныне мы вот здесь, на острове Ситха. Крепость наша – Ново-Архангельск – столица Русской Америки. Но мы мечтаем о большем, господин Мур. А мечта наша – построить на американском берегу большой город вроде Санкт-Петербурга... С широкими проспектами, площадями, православными храмами, высокими домами и портом со многими причалами... И назовем его – Славороссия!

– А кто в них будет жить, мистер Баранов? – удивленно перебил Мур. – В домах вашего славного города?

– Как кто? Туземцы, конечно. Коренные жители сей земли. Истинные американцы: колоши, алеуты, атапаски... Да тут много разных племен обитает.

– Но они, мистер Баранов, не готовы к такой жизни. Они дикие люди.

– Да, они, господин Мур, не такие, как мы. Но мы выведем их из дикости, как выводили другие племена и народы. Первую,

еще на Кадьяке, школу для туземцев открыл много лет назад сам основатель компании нашей Григорий Иванович Шелихов, ибо нам нужны были матросы, писаря, мастера разных ремесел. Теперь все они служат у нас на благо своей родной земли. А самых одаренных учеников наших мы посыпаем обучаться в Иркутск и даже в Петербург.

– Так это же на другой край земли! – опять удивленно воскликнул капитан Мур.

– Овчинка выделки стоит, как у нас говорят, – довольно сказал Баранов.

– А какова, кстати, судьба того индейского мальчика, что я когда-то вам оставил? – спросил Мур.

– Рыча? О, он оказался смышленым отроком, – улыбнулся Баранов. – Хорошо знал английский язык и был сперва при мне переводчиком. Потом окончил здесь школу, а ныне я отправил его с кораблем нашим в Кронштадт. Обучаться будет в тамошней мореходной школе. Ожидая его сюда морским офицером. Так что, господин Мур, придет время, и обустроим мы сию землю американскую.

После этих слов Баранова капитан Мур долго молчал. Он ходил по кабинету, о чем-то размышляя.

– Странные вы люди, русские, – наконец заговорил он. – Вас очень трудно понять. Идете из Европы через Сибирь и океан, в сей далекий край, через лишения, а порой и смерть, к людям-дикарям, и всё для того, чтобы этих людей научить всему, чем владеете сами, научить их жить так, как мы живем? Но это невозможно, да и нужно ли?

– Возможно, нужно, и ничего странного в том нет, господин Мур, – оживленно продолжал Александр Андреевич. – Мы, русские, живем по законам веры нашей православной. Туземцы такие же люди, как и мы. Только живут в дикости. Вот и надо их вывести к свету. Потому-то мы их и приобщаем к нашей вере Христовой, крестим, учим грамоте, ремеслам и разным наукам, что сами знаем. Разве это плохо?

– Я не говорю, что это плохо, мистер Баранов. Но я пытаюсь понять: зачем вам это надо?

– Это надо нашей компании, а стало быть, и Отечеству, Рос-

сии. Мне же лично надо немного: чтобы вспоминали потом добрым словом. Вот, дескать, был в прежние времена здесь в этих местах правитель Русской Америки Баранов... Ну и слова там всякие разные: как одного крестил, другого уму-разуму учил, третьего женил... Добрая память... Она, брат, всего дороже. И ради этого стоит жить...

– Да, о вас, мистер Баранов, слух идет по всему побережью, и даже на островах Океании о вас знают.

Александр Андреевич, довольный, заулыбался.

– Говорят... Это верно. Я знаю и не скрою, что мне приятно сие слышать.

– На пути сюда заходил я на Гавайские острова пополнить запас пресной воды и съестного. Так даже тамошний король и многие другие люди говорили о вас... По-доброму, конечно. А ведь в тех местах погиб славный капитан Кук!

– Король Гавайских островов Тамеамеа Великий – мой давний друг. Только вот встретиться пока не довелось. А с ним у меня торговый и взаимовыгодный договор. Наши промышленные добываю там зверя и привозят разные товары и продукты.

– Слышал я еще, – продолжал Мур, – что вы собираетесь открыть там на островах свои фактории. В будущем не встанет ли вопрос о присоединении тех Сандвичевых островов к Российской короне?

– Если гавайцы того захотят, то я возражать не стану. Но наказа на этот счет я пока не имею... Гавайи – земля Российского владения... Неплохо звучит, что и говорить...

...На далеких от Аляски Гавайских островах Баранов пока не бывал, но много о них слыхал и знал по рассказам своих и иных стран мореходов. Находились те острова далеко в полуденной стороне и считались перекрестком морских дорог в безбрежном Великом океане.

Круглый год в Гонолулу и другие гавайские порты заходили корабли разных стран со всех сторон света за пресной водой, съестными припасами, ну и, конечно, для отдыха, ибо на островах тех стояло вечное лето и здешняя природа походила на райскую: теплые морские течения, вечнозеленые леса и равнины, банановые рощи и заросли сахарного тростника.

Отдохнув и пополнив трюмы всем необходимым, шли морские скитальцы дальше: на север – к берегам Камчатки и Аляски, на запад – в китайский Кантон и индийские порты, на восток – в Монтерей или Сан-Франциско и на юг – к многочисленным островам Океании. Шли, чтобы через какое-то время опять вернуться сюда, в сей райский уголок...

...Жили на Гавайях люди, как говорится, с незапамятных времен, но открыл острова для европейцев английский мореход Джеймс Кук лет пятнадцать тому назад и назвал их Сандвичевыми в честь, как сказывают, начальника своего адмирала Сандвича. Мореходом Кук и вправду слыл отменным: три земных круга совершил сей капитан по морям и океанам под своими парусами, открывая новые острова и проливы. Мог бы еще многие открытия сделать, да убит был туземцами тех самых Сандвичевых островов...

Говорили, что островитяне даже его съели, но то совершенная неправда, ибо гавайцы никогда не были людоедами. Правда, в те времена был у них обычай при похоронах вождей приносить в жертву двух воинов, но этот обычай отменил король Тамеамеа Первый... А в гибели своей капитан Кук был сам же и виноват.

...С дружелюбными гавайцами Кук и его люди вели себя как с дикими зверями: по-всякому насильничали и даже убивали. Туземцы долго это терпели, но терпение их кончилось при очередном заходе англичан по пути с Аляски в бухту острова Оваи. На этот раз матросы Кука тоже вели себя с туземцами очень не по-доброму. Однажды ночью обиженные островитяне отвязали от борта корабля Кука шлюпку и угнали ее к своему берегу. Утром с великой злобой в душе Джеймс Кук со своими людьми высадился на тот берег и попытался взять в плен вождя острова, но туземцы за него вступились. Англичане стали стрелять из ружей, пролилась кровь, завязался короткий бой, в котором капитан Кук и был убит. Так бесславно окончил свои дни сей славный мореход...

...Вскоре после того все Гавайские острова объединил в одно государство новый тамошний король Тамеамеа Первый, у которого была своя армия и даже военный флот.

Сам король, как рассказывали люди, его видевшие, был све-

тел лицом и тем очень походил на европейца. Видно, был он потомком тех белых людей, которые жили на островах задолго до капитана Кука. Тамеамеа никогда не носил набедренной повязки, а надевал белую рубаху, порты и легкие сандалии.

Из людей Баранова первым ходил к тем Гавайским островам Сысой Слободчиков. Король Тамеамеа, много слышавший о белых людях на Аляске и Алеутских островах, пожелал однажды видеть Слободчикова. Он расспрашивал Сысоя о жизни на севере, о стране России и правителе Русской Америки Баранове, а при расставании передал для него старинный деревянный шлем с забралом, сказав при этом: «Я слышал, что ваш правитель Баранов очень смелый человек. Я таких люблю, потому как и сам смелый. В знак сего посылаю ему этот старый шлем на память...» Вот таков он, заочный друг Александра Андреевича, правитель Гавайских островов...

В дверь постучали, она тут же отворилась, и в кабинет Баранова вошел его помощник по коммерческой части Кусков.

— Бумаги готовы, Александр Андреевич, — произнес он от порога.

— Вот и славно, вот и хорошо, Иван Александрович. Давай их сюда, голубчик.

Баранов взял бумаги, коротко глянул на них и сел к столу.

— Ну вот, господин Мур... Всё, о чем мы договорились устроено, теперь положено на бумагу... Стало быть так: берете у нас три тысячи бобровых шкур да медведковых, песцовых, лисьих... Впрочем, тут все прописано и по-английски. Читайте... — Баранов протянул бумагу Муру и продолжал: — Я желал бы, чтобы наши пушные товары вы променяли в Кантоне на товары тамошние и необходимые нам: чай разных сортов, китайку-ткань, цветов тоже разных, штук пятьсот шелку, сахару-леденцу и прочего товару. И всё это сдали бы на Камчатке нашему комиссионеру Мясникову. А тот часть товаров с вами же прислал бы сюда. Здесь же и расчет будет полный. Так ли я говорю, господин Мур?

— Всё так, мистер Баранов. Не извольте беспокоиться. Я выполню все пункты нашего договора... А кто будет у меня на судне вашим доверенным лицом?

— Об этом мы спросим моего помощника Ивана Александро-

вича. Вся наша коммерция – его епархия, и он тут архиерей. Так кого ты приглядел, Иван Александрович, в доверенные?

– Служащего у меня в конторе Петра Ивановича Калистратова, Александр Андреевич. Он звания купеческого и мореход добрый. Хаживал со мной до Сан-Франциско, да и на Камчатку отсюда ходил, – сказал Кусков.

Баранов удовлетворенно закивал головой, соглашаясь с Кусковым.

– Так что он, господин Мур, будет не только за товар отвечать, но и вам в пути помогать. Нахлебником не будет... Ну, а с вами мы давно знакомы, и я вам верю, вручая наш товар в руки ваши, – заключил Баранов.

– Благодарю вас, мистер Баранов. Иначе и быть не может, когда мы делаем одно общее дело.

– Тогда скрепим наш уговор, – сказал Баранов и первым подписал бумаги.

За ним склонился над ними и Томас Мур, размашисто расписываясь гусиным пером.

– Ну, так что – по рукам! – весело воскликнул Баранов и протянул Муру свою руку.

– По рукам, мистер Баранов, – так же весело ответил капитан Мур.

И они пожали друг другу руки.

– А теперь, капитан Мур, как и положено у нас, надобно уговор наш обмыть, и я приглашаю вас отобедать у меня. Супруга моя, Анна Григорьевна, должно быть, уже ждет нас. Как вы к этому относитесь?

– О! О! Я знаю, как вы скрепляете договоры, чтобы они не рассыхались, – рассмеялся Мур. – Но я готов к этому.

Баранов, тоже улыбаясь, отворил двери, пропуская вперед гостя.

А тем временем, скрывшись в кустах за камнями прибрежного острова, Сысой Слободчиков с Гурием наблюдали за иностранным кораблем, стоящим в маленькой бухточке у матерого берега. Зрительная труба была в руках Гурия, и взгляд его блуждал по скалам, волнам, потом уперся в название корабля,

в его мачты и трапы-сходни, по которым сновали с корабля на берег и обратно матросы и местные индейцы.

– Кажись, разгружают судно-то, – сказал Гурий. – А матросам колоши местные помогают. Видно, много товару на обмен привезли... Ой, Сысой, да это же Котлеан... Точно он, вождь этих самых колошней. Я его узнал сразу: усы ниточкой, скульы широкие, а бородка узкая, как у козла.

– Дай-ка мне, Гуря, – заинтересовался Сысой и протянул руку к зрительной трубе. – Что ты там выглядел?

– Да узнал я его, – довольно сказал Гурий.

Слободчиков тоже направил трубу на людей возле корабля, стоящего в тихой бухточке. И он увидел, как к ногам их складывался весь товар, сносимый по сходням с корабля: туки, мешки, бочонки, ящики. Индеец, о котором говорил Гурий, был в плаще-накидке из белого козьего меха.

– Да. Это он – Котлеан, – подтвердил Сысой. – А рядом с ним, стало быть, сам капитан судна.

– А как же. Он и есть. Товар меняют на бобровые шкуры.

– Всё похоже на это. Только корабль сей не торговый, – сказал уверенно Сысой.

– Как так? Почему? – удивился Гурий.

– А потому, что спешат больно. Да и место стоянки вдалеке от жилья колошней. Всё как-то тайно, по-воровски.

– Стало быть, этот англичанин – пират!

– Стало быть, так, Гуря.

– Что делать будем?

– Немного погодим. Посмотрим. Может, что хорошее увидим, – ответил Сысой, всматриваясь в зрительную трубу. – Во! Так и есть. Кажись, дождались.

– Чего увидал? – нетерпеливо спросил Гурий, тоже внимательно вглядываясь вдаль.

– Англичанин из ящика ружье достал. Так... заряжает. Котлеану подает... Тот доволен, зело доволен. Хвалит, видно. Сейчас выстрелит... Слушай.

Со стороны судна раздался звук выстрела. Сысой опять всматривается в подзорную трубу, но Гурий дергает его за обраторот кафтана.

- Ладно, пошли в лодку, Сысой Иваныч. Всё теперь и так ясно.
- Всё, да не всё, – не соглашается Сысой.
- А чего еще-то?
- Подождем, что будет. Дело-то, видно что, больно серьезное, ежели англичане колошам ружья продают... Вот туземцы от судна к себе пойдут, тогда и мы поплыvем. Но они что-то пока не собираются...

...А у шаткого трапа английского корабля выросла уже целая куча всевозможных тюков, рогожных мешков и ящиков. Туземцы-колоши в накидках из простых одеял оживленно разговаривают меж собой, и радостью светятся их смуглые лица. Таким же выглядит и вождь колошай Котлеан. Рядом с ним капитан судна – Самуэль Гельбер.

- О чём они говорят? – спросил капитан одного из своих людей.
- Радуются удачному обмену. Особенно рады ружьям.
- Еще бы... Ведь русские им ружья не продают и не дарят.
- Не слишком ли мы щедры, капитан? – подал голос один из пиратов. – Сколько товара нашего, а шкур бобровых совсем немного.
- Не слишком. Если индейцы выгонят отсюда русских, то все это оккупится во много раз. Ведь тогда все меха и другие богатства этой земли будут нашими... Вот тогда мы цену и набавим за товары наши и ружья... А пока... пока приглашайте этих обезьян к нам на судно, – добавил он негромко своему помощнику. – Надо закрепить сделку.

И Самуэль Гельбер первым с улыбкой предложил вождю Котлеану пройти на корабль...

...В кают-компании «Альбатроса» вокруг стола собрались люди Гельбера и несколько индейцев с Котлеаном. Когда матросы каждому подали стаканы с ромом, то Гельбер заговорил первым.

– Я приветствую своего друга, вождя Котлеана и его людей. В знак нашей дружбы я пью за его здоровье.

Котлеан что-то сказал в ответ, а переводчик вслед за ним повторил.

– Вождь Котлеан говорит, что тоже очень рад встрече с давним своим другом капитаном Гельбером и благодарит его за товары, что получили они за свои бобровые шкуры, а особенно за ружья.

– Передай, – обратился к переводчику Гельбер, глядя на Котлеана, – что мы всегда будем платить щедро. Кстати, как вождь сейчас живет с русскими? Как они ему платят?

– Вождь говорит, что русские за шкуры платят тоже хорошо.

– Скажи ему, что русские всё равно их обманут. Ведь живут же они на их земле и бьют бобров в их водах. А вождь и его люди это терпят.

– Вождь Котлеан на всем побережье известен как противник русских. Не раз поселения их сжигал. А однажды его воины даже взяли с боем главную крепость русских на острове Ситха.

– Я знаю об этом, – сказал Гельбер. – В тот раз Котлеану помогал наш капитан Барбер и его люди.

– Да, да, – закивал головой Котлеан.

– Но после этого русских стало еще больше, а бобров и зверей лесных у племени не прибавилось. Не так ли?

– Это так, – согласился Котлеан.

– Мне известно, – продолжал Гельбер, – что русские собираются заселить побережье и промышлять там зверей. Что же останется вождю Котлеану и людям его племени? Другим племенам?

– Но что делать, если русские сильны и не все вожди побережья выступают против них? – сказал Котлеан.

– Я призываю вождя Котлеана взять приступом снова крепость русских на Ситхе. Прогоните их из своих владений – и сами будете добывать зверя, а шкуры и меха продавать нам. И жить станете богаче, чем сейчас.

– На побережье мы русских не пустим, – ответил Котлеан на предложение Гельбера, – но крепость на Ситхе, где живет главный правитель русских Баранов, нам не взять. Он хорошо укрепился. У него много людей, ружья и пушки.

– Людей можно найти у соседних племен. Ружья, порох, пули я еще дам. Могу дать и пушки.

– Пушки? – удивился Котлеан.

– Да, пушки... Согласен ли вождь Котлеан с моим предложением?

– Если у меня будут пушки, то я согласен повторить нападение, – сказал Котлеан.

– Отлично! И еще одна просьба к вождю...

– Он тебя слушает.

– С пушками я пошлю своих людей. И пусть их облачат в одежды племени, чтобы никто из русских ничего не мог заподозрить.

– Вождь Котлеан согласен. Ваши люди будут жить в его селении и ни в чем не испытывают нужды.

Гельбер приказал вновь налить в стаканы рому.

– Тогда я предлагаю выпить еще раз за нашу дружбу, за удачу в делах общих и здоровье вождя Котлеана! Я верю, что от нашей дружбы выгода будет взаимной.

– Так, – сказал довольный Котлеан.

Сысои Слободчиков дождался всё же и увидел в подзорную трубу, как по трапу с пиратского корабля стали спускаться индейцы во главе с вождем Котлеаном, а за ними следовал Гельбер со своими людьми. Потом он увидел, как матросы Гельбера скатали на берег три небольших пушки.

– Э-э, да они и пушки Котлеану дали! – воскликнул Сысои. – Раз, два... три. Вот теперь всё ясно, Гуря. Не зря ждали.

– Чего ясно-то? – не понял Гурий.

– А то, что англичанин подговорил Котлеана против нас. Одарил хорошо и даже пушки дал, а, стало быть, и пушкарей. На, погляди...

– Точно! – воскликнул Гурий, поднеся зрительную трубу к своим глазам. – Туземцы на матросов плащи из одеял надевают. Под своих рядят.

– Это не просто обмен товаром, – убежденно произнес Сысои. – Сие означает, что скоро надо ждать гостей незваных в нашу крепость на Ситху... Так что, Гуря, нам поспешить надо домой и правителю Баранову Александру Андреичу обо всем, что видели, сказать. И чем быстрее, тем лучше... Только пойдем вон тем проливом меж островами, скрытно и быстро.

Сысои и Гурий спустились с камней в байдару, и Слободчиков взмахом руки дал команду кормщикам других байдар идти следом за ним.

Глава вторая

Правитель Баранов, капитан Мур и Кусков вышли из дома торговой конторы и пошли по главной улице Ново-Архангельска.

Желая, видно, показать гостю всю свою крепость, Баранов повел Мура мимо магазинов, складов, казарм, жилых домов.

Так они подошли к небольшой верфи на берегу рядом с пристанью. Там шла работа: пильщики орудовали огромной пилой. Один из них стоял на высоких козлах, где лежало закрепленное бревно, другой на земле и резкими рывками дергал пилу вниз. Так, попеременно опуская и поднимая полотно пилы, они распиливали бревно на тесины-доски.

Плотники рядом работали новую байдару и недавно заложенное небольшое судно, очертания которого хорошо угадывались в поставленном форштевне и боковых ребрах-шпангоутах.

– Вот, господин Мур, пытаемся мы и сами *шхуны* да бриги строить, – сказал Баранов гостю, показывая на мастеровых своих людей.

– Дело это, мистер Баранов, похвалы достойно. В редких местах по побережью суда строят. Мастеров таких мало.

– У нас мастера отменные, да лесу строевого рядом поубавилось. Приходится издалека сплавлять по воде и рубить дерева в нескольких милях отсюда. Очень дорогое дело сие. Так что выгоднее скоро будет покупать готовые корабли у вас, американцев.

– Ну, что ж. У нас делают добротные суда из дуба.

– Да, господин Мур, – согласился Баранов. – они прочные, сделаны из выдержанного дуба, с медным креплением. Потому и служат долго.

Увидев Главного правителя и Кускова, к ним подошел корабельный мастер. Он снял картуз с лакированным козырьком и поклонился Баранову, приветствуя его.

– Ну, Егор Евсеич, – обратился Баранов к мастеру, пожимая его руку. – Как у тебя тут дела идут с новым судном?

– А всё добро, ваше превосходительство, Александр Андреич. Робим его от зари до зари.

– К сроку-то успеете?

– Успеем, ежели кузнецы не подведут, да медники, да прядильщики. А мои мастера всё к сроку сделают по уговору.

– Ты уж постараися, Егор Евсеич. Ведь я уже два брига в негодные к употреблению перевел. А новые партии зверобоев на промысел отправлять надо.

– Да мы стараемся, Александр Андреич. Говорю же: от зари до зари робим.

– Ну спасибо, брат... Отблагодарю достойно. За мной не пропадет... А сегодня после работы тебе и твоим ребятам я ставлю по чарке рому, чтобы не сомневались. Поди и скажи в кормовой лавке приказчику, что я так повелел. И пусть запишет на мой счет. Это вперед вам награда.

– Благодарствуем, Александр Андреич, – поклонился мастер Баранову и пошел к своим работникам.

А Баранов с Кусковым и Муром продолжили свой путь по нижней части крепости. Они заглянули в кузню, где мастеровые в кожаных фартуках работали в три горна, зашли в слесарню, к медникам, прядильщикам.

И везде Баранов разговаривал с мастерами...

Но вот по широкой лестнице-трапу все поднялись в верхнюю часть Ново-Архангельска, где вокруг плац-парадной площади стояли жилые дома, и в их числе дом самого правителя Русской Америки Баранова. В стороне у обрыва, огороженного невысокими столбами, – батарея из восьми пушек, развернутая к морю, а другая к поляне перед главными воротами. Кроме того, отсюда, с верхней крепости, вид на океан, на близлежащие острова, на леса и горы открывался необыкновенный.

– Красота места сего, господин Мур, достойна восхищения! Не правда ли? – с радостью в голосе произнес Баранов.

– Да, да... – согласился Мур. – Здесь очень красиво, и красота сих мест иная, чем в южных пределах океана. Только как же вы всё это хотите благоустроить?

И Мур показал рукой на просторы матерого берега, лежащего вдали.

– Не вдруг, господин Мур, не вдруг. Сразу всё не благоустроишь, но с чего-то надо начинать. Собственно, мы давно уже начали.

– Еще при основателе нашей компании Григории Ивановиче Шелихове, – вмешался в разговор Иван Александрович Кусков. – И тому делу уже много лет.

– Да... – продолжил Баранов. – А начали мы с того, что пришли сюда не завоевателями. Та земля, на которой мы стоим и земли других наших оседлостей куплены нами у местных племен по согласию... И всё-всё вокруг – тоже. Теперь, когда это стало землей российского владения, то всякое ее благоустройство должно идти по пути умножения народного. Надо, чтобы селений здесь было больше и людей много.

– Думаю, что этого вам будет недостаточно, – засомневался американец.

– Конечно, господин Мур, – согласился Баранов. – Поэтому мы должны положить в дело устройства сей земли три начала, – Баранов стал сгибать растопыренные пальцы на руке. – Земледелие, просвещение, умножение народа здешнего.

– Когда вы, мистер Баранов, говорите «мы», то имеете в виду себя и вот вашего помощника, господина Кускова?

– Ну что вы, господин Мур, – рассмеялся Баранов. – Конечно же нет. Я говорю о России, о государе нашем, и о правительстве в первую очередь, а потом уже о всех нас, грешных.

– У России, смею заметить, большой опыт освоения новых земель, – сказал Кусков. – Она уже многие народы спасла от вымирания.

– И вывела к свету, – добавил Баранов. – К свету знаний, конечно... Пойдем-ка, Иван Александрович, да покажем нашему гостю еще кое-что, – заключил разговор Александр Андреевич, когда они подошли к большому, в два этажа с мезонином, дому.

– А вот и мои хоромы, – продолжил он и жестом руки привгласил Мура в дом.

Все поднялись на крыльце, а оттуда вошли в светлый коридор, и Баранов отворил двери одной из комнат. Там за столами

сидели дети. Это явно был школьный класс: тут находился и учитель, читающий своим ученикам книгу. При появлении гостей дети встали.

– Если это ваш дом, мистер Баранов, то это есть ваши дети, – смеясь и несколько удивленно произнес Мур.

– Да, господин Мур, это наши дети и это наша школа... А я живу в верхней половине, – сказал довольный Баранов и повернулся к вставшим со своих скамеек ученикам. – Здорово, ребята!

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – хором и дружно ответили мальчики, большинство из которых были алеуты и креолы.

– Позвольте представить вам нашего учителя, – сказал Муру Баранов. – Филипп Артамонович Кашеваров.

Учитель, невысокого роста бородатый мужичок в кафтане, какие носят почти все промышленные люди в крепости, поклонился, жестом посадил учеников и, подойдя к Муру, пожал протянутую ему руку.

– Чему вы учитете своих учеников? – спросил капитан Мур Кашеварова.

– В первое лето Закону Божьему, русскому языку по азбуковнику, русскому же письму, чтению, началу счета... А во второе лето арифметике, географии, истории России и всего мира, Священному писанию опять же, английскому языку.

Мур слушал внимательно, иногда одобрительно кивая головой, а потом, после рассказа учителя, неожиданно спросил одного из учеников, сидевших ближе всех за своим столом к американскому капитану:

– Кем ты хочешь стать?

– Мореходом, – сразу ответил тот, будто ждал вопроса, и встал со скамьи.

– Очевидно, потому, что твой отец тоже мореход? Так?

Мальчик глянул на Баранова.

– Это мой сын Антипатр, господин Мур, – сказал Баранов.

– Так вот в чем дело. Тогда мне понятно желание этого молодого человека. А ты кем желаешь быть? – спросил Мур другого ученика.

– Приказчиком.

– А ты? – спросил он и третьего.

– Толмачом, переводчиком.

– Похвально, похвально, – кивал головой и улыбался капитан Мур.

– Заметьте, господин Мур, что почти все ребята здесь – дети алеутов и креолы. Есть даже сыновья местных колошских вождей.

– Я это уже заметил, мистер Баранов, и, признаться, раньше мало в это верил. Но вот я увидел все собственными глазами и очень рад, надо сказать, этому... Только что же потом, после вашей школы, ждет учеников? – опять спросил Мур учителя. – Продолжение учебы в России, Иркутске, Петербурге?

– Только для самых лучших, для немногих, – ответил Кашеваров.

– Ученые люди нам и здесь нужны, – вмешался в разговор Кусков. – А опыт просвещения у нас большой... Впрочем, я приглашаю вас пройти в соседнюю комнату.

И Кусков первым вышел из класса.

В соседней комнате оказалась библиотека. На полках вдоль стен стояли сотни книг, больших и маленьких. По стенам, на свободных от книжных полок местах висели картины.

– Здесь собраны книги по всем областям знаний, – начал объяснять Муру Иван Кусков. – Вот «Библия», вот «Священная история», «Псалтырь», «Всемирная история», «Всеобщее землеописание», «Морской устав», «Городовой и деревенский садовник»... Тут книги на английском, французском и немецком языках, а вот и «Жизнь Робинзона Крузо», «Деяния Петра Великого», «Наставления юношеству», «Арифметика», «Букварь», «Зерцало вечности».

Капитан Мур с одобрением внимал рассказу Кускова, и было заметно, что он поражен увиденным и услышанным сегодня.

– Кроме того, дети наши, господин Мур, – вмешался в разговор Баранов, – здесь, у себя дома, учатся разным ремеслам: кузнечному, слесарному, плотницкому, столярному и даже медицинскому. А посему это не просто школа, а уже училище. Правда, девочки у нас учатся отдельно. Вот построим для училища новый дом, и будет там все в одном месте. И библиотека, и картины, и все ученики.

– Вы сказали, что у вас учатся девочки? – удивился Мур.

– А как же, – ответил Баранов. – Помните, я вам говорил, что одно из начал благоустройства сей земли – умножение здешнего народа. А какое может быть умножение без крепкой семьи? Из девочек мы готовим добрых хозяек. Учим их домоводству, разным рукоделиям, огородничеству. Чтобы жены будущих служащих компаний нашей были бы достойны своих мужей. Вы согласны?

– У меня нет слов, господа, чтобы выразить свое восхищение увиденным! – воскликнул капитан Мур. – Теперь мне совершенно понятно, почему многие наши капитаны идут всегда с наказом и желанием все разузнать о вас, мистер Баранов, и о делах вашей компании, благоволит ли ей правительство России.

– Господин Мур, компания наша называется Российско-Американскою. Правительство России к нам, конечно, благоволит. А как же иначе. Ведь компания родилась по велению тогдашнего государя нашего Павла Петровича личным указом... А что касательно ваших капитанов, которые хотят разузнать о нас, то нам сие ведомо. Еще в прошлом году ваш коллега капитан Джон Эббетс имел такое намерение и проговорился о том нашему капитану Головину, что все это было по наказу купца американского Астора.

– Я знаю того и другого, – сказал Мур. – Джон Астор – известный у нас купец-миллионер. Он владеет меховой компанией. Очевидно, ищет пути для контакта. Вот и пытается все узнать о вас. Тут дело чисто коммерческое, кажется мне.

– Может быть, может быть... Добро бы так. Мы для друзей и хороших людей открыты, и нам нечего скрывать. Пусть приходят к нам американские и прочие купцы с товаром и открытым сердцем. Всем будем рады. Станем торговать и договариваться полюбовно. Так и передайте всем, кто спросит о нас, русских людях.

– Обязательно передам, мистер Баранов. Верьте, что я ваш старый друг, который, как у вас говорят, лучше новых двух. Так?

– Так, господин Мур, именно так... Ну что же, Иван Александрович, – обратился Баранов к своему помощнику. – Закор-

мили мы соловья баснями. Пора ему и земной пищи отведать... Прошу, господин Мур, наверх, к моему шалашу. Наши хозяйки, поди, уже заждались и, не дай Бог, осерчают...

Глава третья

Что бы Алёна ни делала: ходила ли по хижинам и проверяла то, как живут люди макома, беседовала ли со старейшинами или шаманом о делах племени, но всякий день, а ей даже казалось, что и всякий час, она думала о родном доме на Ситхе. Все ли там живы-здоровы? Ждут ли ее? Ищут ли? Или уже и ждать-искать перестали? Ведь океан велик и земля велика. Как тут найти пропавшего человека? Но Алёна все равно надеялась, ждала и молилась. Она верила, что когда-нибудь встретит всех своих близких и родных людей.

Особенно тяжело было вечерами оставаться в хижине одной. Тогда-то и одолевали всякие мрачные мысли, и тоска сердечная посещала ее. Выручала Манефа, успокаивая Алёну. Они вспоминали места своего детства, остров Кадьяк, где обе родились, школу, где учились. Только потом у Алёны появился еще Ново-Архангельск на Ситхе, куда они переехали с отцом и матушкой. Манефа же часто говорила, что отсюда можно когда-нибудь и уйти, если удастся встретить русское торговое или зверобойное судно с севера. Алёна соглашалась и успокаивалась, а утром новые заботы о людях племени занимали все ее время, и она чаще стала ощущать, что макома становятся ей ближе и роднее...

...В один из таких вечеров, после трудного дня обучения своих воинов езде на конях и стрельбе из лука, сидели они с Манефой в хижине, и разговор опять зашел у Алёны о любимом Ванечке. Конечно, она верила, что он ее ждет, какой бы долгой ни была разлука. Она вспомнила и рассказала Манефе, как однажды сама ждала своего Ивана, ушедшего на матерый берег в горы на поиски каких-то руд.

Ушел он тогда, как сказал, ненадолго, но все сроки прошли, а его всё не было. Недели с три каждый день сидела она на бере-

гу возле огромного валуна на выброшенном волнами дереве. Господи! Как давно и как совсем недавно все это было в ее жизни...

...Алёна сидела на своем уже привычном месте, и океанский ветер трепал светлые пряди ее волос, перехваченных синей лентой, и подол пестрядинного сарафана. Она была на берегу с самого утра и внимательно всматривалась в океанскую даль, но там до самого горизонта видны были одни лишь волны да редкие пустынные острова.

Просидев до середины дня, да так ничего и не дождавшись, Алёна встала и пошла прочь от причала по улице крепости, по сторонам которой стояли низкие домишкы с узкими оконцами, сараи, амбары и бани.

В избе была только матушка Марфа.

– Ну, и что выходила? Опять ничего? – спросила мать Алёну.

– Ничего... – устало опустилась на лавку Алёна, – и никого... Ведь почти месяц прошел, как Иван уплыл на тот берег.

– Ну и что, – успокаивала дочку Марфа, – дело такое долгое у него. Рудознатцы скоро не ходят... Батька наш по полгода дома не бывает... А я всё жду, всякий раз жду и верю, что придет он домой, возвратится. Вот теперь с промысла жду. Явится твой Иван... Молись Господу. Господь милостив и молитвы твои услышит.

– Да я молюсь, мама. С утра до вечера молюсь ежедень. Жду, надеюсь, а на душе тяжко. За нашего тятю как-то спокойнее.

– Все образуется, дочка, чует душа моя. Не майся. Еще не рез встречать и провожать Ивана твоего тебе придется... Всю жизнь... Давай-ка лучше обедать.

– А где Егорка с Дашкой?

– Да в школе пока. Где же им быть? Скоро придут. А ты садись за стол. Знаю, что ведь опять сейчас на берег пойдешь, – сказала Марфа и поставила на стол широкую миску с горячим рыбным варевом.

Обе, помолившись на образа в углу избы, стали обедать. Ели молча, но Алёна то и дело поглядывала в маленькое оконце.

– Пойду, мама... Там, на берегу, легче ждать.

– Ты бы, дочка, лучше к отцу Никодиму сходила. Поговорила бы с ним да свечку о здравии своего путешествующего суженого поставила.

Марфа подошла к божнице и из-за иконы Николая Чудотворца достала свечу красного воска.

– На-ка вот, возьми, – подала она свечу дочери.

– Ладно, мама, пойду...

...Алёна вышла из дома на улицу и пошла вдоль бараков и прочих строений к одной из низкорослых избенок, на крыше которой стоял деревянный православный, о восьми концах, крест. Двери избы были отворены. И хотя даже с улицы видно было, что строение сие временное и церковью его называть никак нельзя, внутри все было так, как и в настоящем храме: однорядный иконостас с царскими вратами и святым образом Тайной вечери над ними, иконы на боковых дверцах алтаря и на стенах церквушки. А перед ними горящие лампады.

Для вечерней службы время еще не пришло, и молящихся людей в церкви не было. Но, услышав звук шагов вошедшей в храм Алёны, из боковой дверцы алтаря вышел отец Никодим в своем черном облачении.

Увидев его, Алёна подошла под благословение. Отец Никодим благословил склонившуюся перед ним Алёну и внимательно глянул в ее лицо.

– Что так рано, Алёна? Или о чем-то душа болит?

– Болит, батюшка.

– Сказывай, – участливо произнес отец Никодим.

– Вани моего, батюшка, больно долго нет с того берега.

– А куда ушел Иван? На промысел?

– Сперва говорил, что пойдут они на Озерский редут, а оттуда дальние руды искать. Про матерую землю тоже поминал, про горы тамошние.

– Стало быть, ему в таком походе приходится немало потрудиться. А тебе, Алёна, пока печалиться и тревожиться рано. Такое дело, как у Ивана с его товарищами, скоро не делается. Жди... Жди и молись... Погоди-ка.

Отец Никодим опять скрылся за боковой дверью алтаря и

тут же вернулся с толстой книгой в руках. Книга была в кожаном переплете и с медными застежками.

– Вот, – сказал отец Никодим, – читай акафист Святителю Николаю Чудотворцу. Он – помощник всем по суще и по морям путешествующим.

Отец Никодим заложил страницу тряпицей и подал книгу Алёне.

– Спаси Господи, – поклонилась батюшке Алёна.

– Вставай сюда и молись, – показал отец Никодим на стоящую в киоте на подставе икону Николая Чудотворца и сам, перекрестившись, поцеловал край киота.

Алёна подошла к иконе поближе и, открыв книгу, принялась читать молитву и акафист. Сперва она читала стоя, потом опустилась на колени, стала осенять себя крестным знамением и класть земные поклоны.

Она даже не заметила, как в церковь стали заходить первые прихожане. В большинстве своем это были крещеные в православную веру женщины-алеутки, мужья которых промышляли морского зверя вдали от родного дома.

Алёна уже закончила свое моление, когда отец Никодим, выйдя из царских врат, возгласил:

– Слава Богу всегда! И ныне, и присно, и во веки веков!
Аминь!

Началась вечерняя служба.

Алёна поднялась с колен и продолжила молиться уже вместе со всеми прихожанами, заполнившими небольшую церковь...

...А на другое утро Алёна вновь вышла из дома и направилась к причалу. Она села там на свое привычное место и стала смотреть в океанскую даль да на ближние острова побережья, из-за которых, надеялась она, появится ее Ванечка на байдаре со своими товарищами-рудознатцами.

...Но она, конечно, и знать не знала, и ведать не ведала, что в этот самый час рудознатец Иван Лихачев с двумя своими напарниками, посланный правителем Барановым на разведку железных и всяких прочих руд, каковые могут быть, продирался через густые заросли по звериной тропе, которая должна была

непременно вывести их к ручью или реке – месту водопоя. А ручей или речка выведут их далее к морскому берегу или к какому-нибудь туземному поселению.

И вот, наконец-то, двое идущих впереди товарищей Ивана вышли к небольшой речке и остановились на ее песчаной отмели. Усталые, истощенные, они с радостными возгласами сняли с плеч ружья-штуцеры, сумы с набранными образцами пород.

Иван немного поотстал от друзей, увидев куст малины, густо усыпанный ягодами, стал собирать их и есть, а потом бросать в шапку, чтобы угостить ребят. Вспомнил в этот миг, как когда-то за малиной ходили с Алёнушкой. Как-то она сейчас? Вот уж заждалась его, поди? Даже у него душа изболелась. Оттого и остановился у куста малины, вспомнив ее.

– Иван, где ты? – кричали его напарники. – Иди! Река!

Иван ничего не отвечал друзьям, занятый сбором ягод, но тоже был рад такой долгожданной остановке. Он, слыша друзей, лишь говорил, крестясь:

– Слава Богу! Скоро дома будем.

А друзья-рудознатцы стали уже скидывать одежду, желая, видимо, омыться в речной воде.

– Вот омоемся, отдохнем да по этому ручью к побережью и пойдем, – сказал с довольствием один из них. – А там у колоши байдару возьмем, и – мы дома.

– А дадут ли колоши байдару? Жди... Эти туземцы – жуликоватый и злой народец.

– Да, они коварны, что и говорить. Но мы же за это им заплатим. Они, брат, за деньги, муку или одеяло родную мать продадут.

А в эти самые минуты их разговора из прибрежных кустов за рудознатцами наблюдали два охотника-колоша, вооруженные луками. Потом они коротко переглянулись и пустили стрелы в раздетых белых людей на песчаной речной косе. Колоши бесшумно вышли из кустов, быстро схватили ружья и так же тихо скрылись в густых зарослях.

Иван насторожился, когда вдруг почувствовал, что разговор и возгласы его товарищеской перестали быть ему слышны. Стало тихо в этом диком лесу и от этого тревожно. Он осторожными

шагами двинулся вперед и, раздвинув кусты, увидел лежащих на песке товарищей с торчащими в их тела стрелами. Оба были мертвы, ибо стрелы индейцев всегда ядовиты.

— Кокоши, — тихо произнес Иван.

Он вытряхнул из шапки ягоды, зорко взгляделся в заросли и снял с плеча ружье. Иван не пошел на открытое место, опасаясь засады, а двинулся вглубь леса. Никого не встретив, он лишь увидел вдалеке между деревьями две маленькие фигуры убегающих индейцев. Иван выстрелил из штуцера не целясь, просто так, для острастки, затем повернулся и пошел на песчаный берег, где лежали его товарищи.

Он достал из своей сумки небольшую лопатку с короткой ручкой и, найдя высокое место у деревьев, стал рыть землю.

Похоронив напарников, Иван переложил в свою суму образцы камней и разных проб, засунул за пазуху кожаный мешочек с записной книжицей, закинул за плечо ружье и двинулся по лесу вдоль берега речки.

Глава четвертая

В просторной и светлой зале квартиры правителя Баранова в разгаре был обед в честь американского гостя, капитана Томаса Мура.

За большим столом, уставленным всевозможными закусками и винами, восседал сам Александр Андреевич, без парика и мундира, а лишь в бархатном жилете и белой широкой рубахе. Рядом с ним его жена-индианка Анна Григорьевна да Иван Кусков со своей молодой супругой и тоже индианкой, Екатериной Прохоровной. Капитан Мур, с лица которого не сходило веселое довольство, поднял стопку с ромом.

— В нашей многотрудной скитальческой жизни, господа, очень редки бывают минуты покоя и отдыха... Сейчас, в эти дни, я отыкаю душой и всегда с благодарностью буду вспоминать о нынешней встрече с вами.

— Вы так говорите, господин Мур, будто больше никогда здесь не побываете, — сказала Анна Григорьевна.

– Кто знает, кто знает, – продолжал Мур. – Судьба морехода изменчива и полна неожиданностей. Поэтому я никогда не загадываю даже на день или на два вперед. Остается лишь мечтать... Буду мечтать... Я пью с благодарностью сердечной за всех вас, подаривших мне эти минуты благодати. Ну и за мечту, конечно. За мечту вновь увидеть вас в добром здравии!..

– Благодарствуем, господин Мур, – сказал Барапов. – Спасибо на добром слове. Мы тоже рады видеть вас, нашего друга. Здесь у нас, что и говорить, тяжко бывает. Так уж, видно, по воле Божией суждено нам страдать, терпеть, но и... любить. Любить дело свое, которому служим.

– Да, да... Я согласен с вами, – закивал головой Мур.

– Тут одной любви к делу мало, – вмешался в разговор Иван Александрович Кусков. – Всех нас поддерживает и спасает любовь к Отечеству, для пользы которого мы и живем здесь. А когда служишь на благо Отчества, то все невзгоды переносишь легче.

Барапов при этих словах своего помощника даже встал с кресла и поднял свою стопку с ромом.

– Вся правда в твоих словах, Иван Александрович! Так выпьем же за Россию-мать, которая не оставляет нас в столь далекой стороне своими заботами. Прошу капитана Мура присоединиться...

– С удовольствием, мистер Барапов. Особенно сегодня, когда я так много узнал о России.

– Ну и, конечно, за наших жен, – продолжал свой тост Барапов, – помогающих нам переносить все невзгоды... Вы, наверное, заметили, что и Екатерина Прохоровна, и моя Анна Григорьевна из местных?

– Да, конечно. Это нельзя не заметить, – улыбаясь, сказал Мур.

– Они обе с островов королевы Шарлотты и дочки тамошних вождей. Так мы, капитан, даем пример того, как надо здесь жить, своими корнями врастать в эту землю и с любовью умножать народ здешний.

– Не могу не удивляться на вас, людей русских! – воскликнул Мур. – Ведь ни у испанцев, ни у англичан или у нас такое не встретишь. У нас вообще это не принято.

— А у вас, господин Мур, семья большая? — спросила капитана Екатерина Прохоровна.

— Я одинок, к сожалению, а может, и к счастью. Пока мотаюсь по морям, семьи не завожу. Но... я думаю об этом, и как только почувствую твердую землю под ногами, то... всё возможно. Я ведь понимаю, что очень хорошо, когда ты знаешь, что тебя кто-то в этом мире ждет, любит, думает и молится о тебе.

— Стало быть, у вас, капитан Мур, всё еще впереди, — заключил Баанов и перешел на другое. — А нас с Иваном Александровичем ждут те же дела. Меньше здесь вот по островам стало бобра. Надо искать новые места и промысел расширять.

— А вы сходите в Калифорнию. Говорят, что там есть места, где бобра в изобилии, — посоветовал Мур.

— Я ходил в те места Новой Испании, но бобров там мало, — сказал Кусков. — Заходил даже в Сан-Франциско и на Фараллоновы острова.

— А спуститесь еще южнее, до Сан-Диего, и там найдете то, что вам нужно. Поверьте мне...

— Мы вам верим, капитан, — сказал Баанов. — И не вы один такие слова говорите. В свое время Николай Петрович Резанов, камергер двора его императорского величества и один из основателей нашей компании, говорил то же самое. А однажды он спас нас от голода, когда на «Юноне» из Сан-Франциско с грузом зерна, солонины, сущеного мяса и прочих съестных припасов пришел сюда, в Новоархангельск. Он-то и посоветовал нам основать там факторию. Здесь же худо с пропитанием, особенно зимой. А в Калифорнии, зимы не бывает, хорошо растет пшеница, ячмень. Можно иметь даже стадо коров.

— Да, природа на калифорнийском берегу благодатна, и, имея свою факторию, вы можете спокойно зимовать здесь, — согласился Мур.

— Так что Ивану Александровичу туда, в Калифорнию, рано или поздно опять идти придется, — сказал Баанов.

— Лишь бы испанцы не были против, — высказал свое предположение Мур.

— В их миссии Сан-Франциско я уже кое с кем завел зна-

комство, – заговорил Кусков. – Знаю, что несколько тамошних чиновных не будут против нашего соседства.

– Мне кажется, что там еще есть незанятые, ничейные земли, – добавил Мур.

– Не занятые кем? – спросил Баранов.

– Теми же испанцами.

– А местные племена? Разве это не их земли? Разве они не живут там?

– Живут, конечно, – кивнул Мур, – но с ними испанцы мало считаются. Индейцев повсюду обманывают, сживают с их земель, порой даже убивают, а землю захватывают.

– Да, мы наслышаны об этом, – согласился Баранов, – от людей, побывавших там... Вот и Иван Александрович знает: ходил туда не раз. Грустно слышать такое. Дело нельзя строить на крови, тем более на крови невинных местных жителей. Нельзя строить счастье свое на несчастье других. Ведь через многие поколения потомкам придется отвечать за это... Ну, а мы землю ту под крепость и оседлость нашу купим у индейцев, как покупаем здесь у коренных жителей. Сделаем всё по согласию и любви... Любовь! На том стоит и стоять будет русская православная душа! Выпьем за любовь!

А когда все выпили, то Баранов, наклонившись к жене, что-то сказал ей на ухо. Анна Григорьевна встала из-за стола, прошла в соседнюю комнату и тут же воротилась с ватагой добрых молодцев в праздничных разноцветных рубахах, подпоясанных такими же разноцветными кушаками.

Капитан Мур посматривал с восторженным удивлением то на Баранова, то на разодетых, как на праздник, русских мужчин и, похоже, мало пока что понимал.

– Это еще один мой сюрприз, капитан Мур, – улыбаясь, сказал Баранов.

– Да, да, понимаю... У меня сегодня день сюрпризов.

– Хватит о делах, – продолжал Баранов. – Лучше послушаем наши русские песни. Вы их слышали когда-нибудь?

– Нет, нет. Никогда в жизни.

– Это мой хор, господин Мур. Не знаю, как у вас, а у нас, когда одолевает тоска по родным краям, по России-матушке, то

у всех душа болит. И боль эту лечим песней, – сказал Баранов и подал знак рукой хористам.

И тут же хор запел песню о широкой русской степи, о волюшке вольной и просторах Руси. Песня лилась тоже широко и свободно. Баранов с Кусковым слушали ее, чуть наклонив головы и, шевеля губами, беззвучно подпевали. Казалось, что и капитану Томасу Муре, впервые слышавшему русскую песню, передалось настроение певцов.

– Браво! – громко выкрикнул он, когда хор закончил песню.

– Это еще только начало, еще только распев, – сказал Баранов и снова подал знак рукой. – Сейчас они песню играть будут.

Хор запел игровую песню с притопываниями и приплясыванием, и эта песня совсем не была похожа на ту первую ни по ритму, ни по настроению.

– Ну, а теперь, господин Мур, прошу послушать нашу главную. Слова ее сочинил ваш покорный слуга, – сказал, поклонившись, Александр Андреевич. – Это, можно сказать, наш гимн... Давайте, ребята!

И грянула песня могучим напевом:

Ум российский промысла затеял,
Людей вольных по морям рассеял.
Места познавати,
Выгоды искати,
Отечеству в пользу, в монаршую честь!

Бог всесильный здесь нам помогает,
Славу россов всюду подкрепляет,
Только обозрели,
Вскоре обселили
Полосу важну земли матерой.

Стройтесь, зданья, в частях Нова Света,
Русь стремится: Нутка ее мета!
Дикие народы
Варварской природы
Сделались многи друзья нам теперь.

Петр Великий! Если б ты проснулся!
Ты б увидел, что не обманулся:
Вблизи землю чая,
Важны пользы зная,
Открыли потомки и заняли ту.

Аргонавты блеском золата обольстились,
Кожи златорунной искати пустились.
Служить бы им можно,
Отечеству важно,
Если бы знали про здешний край!

Златорунных кож хоть здесь и не ведется,
Но другое золото за них достается,
Как бы не пришельцы,
Други европейцы
Был бы с избытком наш риск награжден.

Честью, славою сюда завлечены,
Дружбой братской здесь соединены,
Станем создавати
Дальше занимати
России полезный Америки край!

Баранов, сидевший за столом и вначале просто подпевавший хору, вдруг на этих словах не выдержал, вскочил из-за стола и, встав среди певцов, стал петь вместе с ними, жестикулируя руками в такт песни:

Здесь хоть дика кажется природа,
Кровожадна привычка народа,
Но выгоды важны,
Отечеству нужны,
Сносными делают скучу и труд.

В свете новом, в странах полуночных,
Став мы ныне в славе людей мочных,

*Народ примирили,
Место обселили.
Бодрствуйте, други,
Отечеству в честь!*

*Нам не важны чины и богатства,
Только нужно согласное братство,
Тем, что сработали,
Как здесь хлопотали
Ум патриотов уважит потом!*

Когда песня закончилась, капитан Мур пришел в полный восторг, громко хлопая в ладоши и крича: «Браво!». Баранов же приказал придвигнуть еще столы, и пир был весело и шумно продолжен...

...Солнце уже клонилось к закату за далекие отсюда океанские волны, когда на крыльце дома правителя Баранова вывалилась из дверей толпа мужиков, среди которых сам правитель с Кусковым. Все были весельы и все пели: «Ум российский промысла затеял...».

Лишь капитан Мур еле держался на ногах, и его приходилось поддерживать двум рослым молодцам. А потом по команде Баранова американского гостя положили на парусину и понесли с песней сперва по лестнице вниз, а потом через всю крепость к трапу корабля, что стоял у пристани. Александр Андреевич с довольной улыбкой наблюдал за происходящим, а потом пошел в дом.

Глава пятая

С каждым новым днем общения с индейцами племени ма-кома, которое Алёна уже привыкла считать своим, они становились для нее всё ближе, роднее, и Алёна часто размышляла об этом. Наивные и бесхитростные, эти дети здешней природы были и сами частью ее: этих просторов с невысокими холмами, поросшими густой травой и кустарником, этой реки, несущей

свои воды в океан меж лесистых, то крутых, то пологих берегов и этого леса с высокими, стройными деревьями красной сосны, под которыми поставлены хижины-шалаши макома.

И как-то необычно, неправдоподобно, странно и даже страшно было Алёне думать, что здесь, на этой же земле, где места для жизни хватит всем, есть другие люди, пришельцы-испанцы, которые в любой день и час могут прийти сюда, напасть на этих беззащитных людей, у которых даже одежды-то никакой нет, кроме набедренных повязок у мужчин и таких же коротких фартуков у женщин. Напасть и пролить кровь истинных хозяев этой благодатной земли.

Так думала Алёна часто, как и в этот день, когда в деревне макома с самого утра шла обычая жизнь: женщины у костров перед своими хижинами варили пищу для своих мужчин и детей, а те ушли в лес с плетеными корзинами для сбора желудей и прочих даров леса и земли.

А молодые воины макома на окраине деревни под руководством Алёны тренировались в стрельбе из лука по тростниковым мишениям, на которых были надеты испанские фуражки и куртки.

Алёна вместе со всеми стреляла по мишениям и при всяком попадании, а она почти никогда не промахивалась, воины громкими криками выражали свой восторг. А после очередного удачного выстрела, когда пущенная Алёной стрела сбила с чучела испанскую фуражку, к вождю подошел один из ее воинов.

– Вождь Шаста, – сказал он. – Мы готовы идти на испанскую крепость.

Их сразу окружили другие воины.

– Еще рано, Помо. Не все воины могут скакать на конях, не все метко стреляют. А еще я хочу, чтобы все мужчины макома имели своих коней. Только тогда мы будем готовы воевать с испанцами.

– Но где мы возьмем коней?

– Как где? Разве не пасут их испанцы возле своего поселения?

– Мы готовы! Веди нас, вождь Шаста!

– Я бы рада, да время не пришло. И дело не только в ва-

шем умении стрелять и скакать на конях... Дело в том, что не все другие племена-соседи готовы выступить против испанцев. Так что надо терпеть и ждать, Помо. Ведь терпение – это тоже одно из достоинств настоящего воина. Всему свой час. А я скажу вам, когда он, этот час, настанет...

Воины разошлись, и Манефа спросила Алёну:

– Ты и вправду решила идти на испанский форт?

– Этого хотят наши мужчины. Но идти сейчас туда – значит погубить их. Одни мы против испанцев слабы, а союза с соседями у меня пока не получается. Ты это знаешь не хуже меня. Одни не хотят, другие боятся, третья еще, как и мы, не готовы. Ведь чтобы воевать с солдатами на равных, одного желания и храбрости мало. Надо иметь ружья и коней. Нужно единение с другими племенами... Вот о чем помыслы мои.

– Тяжко тебе придется, Алёна.

– Знаю, да разве о себе в сей час мне думать надобно? О людях пекусь. Они ведь как дети. Верят мне и надеются на меня. Я ныне их защита... А другим вождям-соседям скоро, я думаю, придется согласиться со мной. Испанцы никого в покое не оставят. Им нужны рабы и эта земля, которую они польют кровью. Вот тогда и будет единение?.. Вот тогда и поговорим?.. Да не поздно ли окажется?

– Неужто ты о доме не вспоминаешь? – неожиданно спросила Манефа.

– Вспоминаю и вижу в мыслях своих каждый день. Мне же Ванечку моего видеть ой как охота, да тятю с матушкой. Как же не думать-то?

– По тебе и не скажешь, что ты тоскуешь.

– А я ночью, бывает, помолюсь, да и пореву – мне легче и станет. Днем же забот хватает.

– Эти заботы будут всегда. Неужто ты до конца дней своих тут будешь?

– Знамо, нет... Вот станут люди макома в безопасности жить, тогда и о себе подумать можно... А макома выберут себе нового вождя.

– Но торговое или какое другое судно наше здесь трудно встретить, чтобы на нем уйти отсюда. Они здесь к берегу не

пристают. Разве только в Сан-Франциско. Я тебе об этом не раз толковала.

– Я помню, Маня. Да и мне тятя мой сказывал, что ходил в эти места и даже, бывало, в Сан-Франциско захаживал. Вот и мне до него когда-то придется добираться, а там судна нашего какого-нибудь ждать. Они, почитай, каждый год туда заходят, тятя говорил... Ты пойдешь со мной, Маня?

– Чего спрашиваешь, – ответила Манефа. – Да хоть сейчас.

– Пока время не пришло. А чтобы пришло, то нам молиться надо больше. Господь милостив, поможет. На это и уповаю...

А вечером, укладываясь спать, Алёна опять вспомнила эти слова отца Никодима, когда она в деревянной и маленькой церквиушке на Ситхе молилась о пропавшем своем женихе Иване. После той молитвы Алёна каждое утро приходила на берег и все ждала Ванечку, а встретила вдруг своего батюшку...

Глава шестая

Байдары Сысоя Слободчикова подходили к Ново-Архангельску, выплывая из-за безымянного острова.

Красивый и даже какой-то величественный вид крепости со стороны моря на фоне высоких лесистых гор со снежными вершинами ласкал, как всегда, взор и теплом отдавался в сердце бывалого морехода.

– Ну, вот мы и дома... Слава тебе, Господи, слава тебе! – стоя в лодке и крестясь, негромко проговорил Сысой.

За ним стали креститься и все остальные зверобои, лица которых тоже светились радостью возвращения домой.

– Как пристанем, – обернулся Сысой к своему помощнику, – то я сразу поспешу к правителью Баранову и скажу, Гуря, что мы видели с тобой.

– Добро, Сысой Иваныч. Надо сразу предупредить, чтобы врасплох нас не застали. А я тебя тут подожду.

– Меня не жди, – не согласился Сысой. – Без меня разгружайтесь. Да смотри, Гуря, чтобы всё по счету было в каждой байдаре.

– Ты что, Сысой Иваныч? – даже немного с обидой сказал Гурий. – В первый раз, что ли? Знамо дело – по счету...

Сысой же, уже не слушая его, вглядывался в толпу встречающего народа и заметил там дочку Алёну.

– Алёна! – крикнул Сысой и помахал дочке рукой.

Та, увидев отца, тоже что-то прокричала в ответ, а когда первая байдара причалила к мосткам, то Сысой, сойдя с борта, сразу попал в объятия дочери. Вокруг них весело кричали и обнимались со своими родными остальные промысловики-зверобоями.

– Ну, здравствуй, дочка! – радостно сказал Сысой. – Где мать? Все ли здоровы? Что ты одна?

– Все здоровы и живы, слава Богу, тятя. Матушка дома с ребятами. Она и не чаяла сегодня тебя встретить.

– А ты чаяла? Будто знала, что я приду сегодня. Ведь не знала же?

– Не знала и не ведала... Я, тятя, каждый день тут. Всё Ваню жду...

– А-а, вот в чем дело. Всё еще нет Ивана твоего?

– Нет, тятенька. Не знаю, на что и думать.

– А ты верь, дочка. Верь, жди и молись... Ну ладно, потом поговорим. Мне идти надо.

– А ты разве не домой? – удивилась Алёна.

– Нет, Алёнушка. Я поспешил к правителю Баранову. Надо поговорить с ним немедля. А ты беги домой, да матери скажи, что я жив и здоров возвратился. Скоро приду, беги.

Алёна быстро зашагала от пристани к дому, а Сысой в другую сторону, к трапам-лестницам, что вели в верхнюю часть крепости, где стоял, возвышаясь над другими постройками, дом правителя Русской Америки.

Там, в кабинете Баранова, находился лишь его помощник по коммерческой части Иван Александрович Кусков, с которым Александр Андреевич и вел неторопливую беседу.

– После полудня капитан Мур отчаливает, Иван Александрович, – сказал Баранов. – Все ли мы сделали для него? Не забыли ли чего?

– Да вроде всё, Александр Андреевич. Осталось только нашего доверенного Петра Ивановича Калистратова с ним отправить, и дело, можно сказать, сделано.

– А Калистратов человек надежный?

– Я сам, Александр Андреич, за него ручаюсь. Хаживал с ним...

– Ну, ну... Я ведь только потому спрашиваю, что мало его знаю. Сие предприятие с Томасом Муром весьма для компании выгодно, но и в то же время весьма рискованно... А сколько мы знаем людей, кои соблазнились, оказавшись у сундука с казенными деньгами, хотя и слыли честными людьми.

– Я Петру Иванычу верю, – твердо сказал Кусков.

– Ну, а верю тебе, Иван Александрович... А, стало быть, и ему – Калистратову.

Баранов встал с кресла и подошел к окну кабинета, из которого открывался вид на всю лежащую внизу крепость и на широкий океанский простор.

– А вот чего я не люблю, так это провожать, – после некоторого раздумья продолжил разговор Баранов. – Всегда после сего дела у меня на душе бывает неуютно и грустно... И сердце ноет. Даже ночами, бывает, плохо сплю. Все Россию-матушку вспоминаю, Каргополь, городок наш далекий. Матрену-супружницу, не знаю, жива ли, да дочку Афоню... Эх, да... Жизнь наша... А ты, Иван Александрович, о Тотьме своей скучаешь?

– Были бы крылья – улетел бы туда. Хоть одним глазком бы глянуть... Но, видно, время пока не пришло, а придет ли – один Господь знает.

Баранов отошел от окна и заходил по кабинету. И видно было, что душа его была чем-то взволнована и какие-то нелегкие мысли занимали его.

– Все так, – сказал Баранов. – Только я больше ждать не буду. Послал я, Иван Александрович, с окаяней в Петербург прошение об отставке. И как только другого правителя пришлют, то сразу же с тем кораблем и я домой! В Россию!

– Тебе служить и служить бы, Александр Андреич, – не согласился Кусков. – И никакой замены тебе не вижу. Да и в Петербурге тоже, думаю, так скажут.

– Ну, в Петербурге людей достойных много... Всему свой срок, Иван Александрович. А свято место пусто не бывает. Продолжать же дело легче, чем его начинать. А мне уже ничего не надо. Ни званий, ни наград...

– Что-то ты сегодня больно мрачен, Александр Андреич. Да и как же без наград. Ты столько тут совершил во славу Отечества, что иным не на одну жизнь хватит. Да будь моя воля...

– Назовут нас с тобой, – перебил помощника Баранов, – и всех, кто теперь тут с нами, потомки наши первопроходцами сей землицы, Русской Америкой называемой, будут знать и помнить труды наши – вот и награда. Другой не желаю.

– Уедешь ты, тогда и я с тобой, Александр Андреевич. Согласно контракту нашему.

– Ты молод, Иван Александрович. Тебе еще можно послужить... А в контракте мы можем и другое записать. Впрочем, чего это мы... Всё в руках Божьих, – Баранов опять глянул в окно. – Вон, гляди, пока мы с тобой разговор-беседу вели, чьи-то байдары с промыслом пришли. Жизнь идет.

Кусков тоже подошел к окну.

– Это может быть только партия Сысоя Слободчикова... Да вон он и сам – легок на помине.

Из окна кабинета видно было, как Сысой легко вбежал на крыльцо. Потом шаги его прогремели по лестнице на второй этаж, и вот он уже распахнул двери кабинета и, перешагнув порог, остановился, не зная, видно, что сразу и сказать. Его будто ждали.

– Так это ты, значит, с промыслом пришел, Сысой Иваныч! Проходи, проходи, да здравствуй и хвастай, – первым приветствовал Слободчикова Баранов, идя навстречу гостю нежданному.

– Пришел я, пришел, – говорил Сысой, здороваясь с правителем и его помощником.

– Всё ли ладно? Да и ты присядь, отдохнись. Эко, будто гнались за тобой.

– Садись да сказывай, как сходил, – поддержал Баранова Кусков.

Сысой присел в свободное кресло.

– На промысле всё ладно было, – заговорил он, отдохнувшись. – Все живы и здоровы, с хорошей добычей пришли... Да только не о том речь. И не с тем я сюда прибежал.

– С чем же? – заинтересованно спросил зверобоя Баранов. – Давай, выкладывай.

– Мы сегодня рано утром, когда с промысла шли, то видели иностранца... Судно «Альбатрос».

– Это Гельбер, англичанин, пират, – сказал Баранов.

– Откуда вам сие ведомо? – удивился Слободчиков.

– Сорока на хвосте принесла, – засмеялся Баранов. – Наш друг американец Томас Мур на днях сказывал, что в наших водах появился сей разбойник морской. И выходит, что ты его уже встретил. А он тебя видел?

– Нет, мы за остров зайти успели и затаились. Он нас не видел.

– Ну и пусть ходит. Теперь будем знать, где обитает пират. Лишь бы пакость какую не затеял.

– О том и речь... Уже затеял, – сказал Сысой.

Баранов и Кусков подсели ближе к мореходу.

– Говори-ка скорее, – попросил Сысоя Баранов. – Все сказывай.

– Ну, увидали мы ихнее судно, корму, вернее, и к острову пристали. Забрались мы с Гурием по камням наверх, то я через трубу увидел, как эти англичане разгружали свой корабль... Товары с корабля сносили.

– Куда разгружали? Для кого?

– Туземцам, знамо дело. Их там целая толпа стояла и матросам помогала. Во главе с их тойоном Котлеаном.

– С Котлеаном? Опять он?!

– Да, я его узнал, и Гурий тоже.

– Стало быть, опять эта вражина что-то замышляет?

– Именно так. Англичане выгружали ящики с ружьями, и Котлеан сам опробовал одно. Мы слыхали выстрел.

– Да, опять неймется Котлеану. Не оставляет он своей мечты выжить нас отсюда, – сказал Кусков.

– Но это еще не все, – глянул на Баранова Сысой.

– Чего уж более? – удивился тот.

- А то, что этот Гель...
- Гельбер.
- Так вот, этот Гельбер дал Котлеану три малых пушки.
- Пушки! – воскликнул Баранов.
- Да... И своих пушкарей, коих туземцы тут же во всё туземное и одели.

Несколько мгновений Баранов сидел, будто окаменев. Потом вскочил с кресла и подбежал к висевшей на стене карте залива Ситхи и побережья.

- Где сие было? – спросил он Сысоя.
- Вот тут на острове Песчаном мы сперва промышляли зверя, потом ушли сюда и пошли домой вот отсюда, из Малой губы. Видели их тут, – ткнул пальцем в карту Сысой.
- Ясно... Долго ли, скоро ли, но нападения колошней нам, стало быть, ожидать надобно.
- Завтра они, конечно, не явятся. Для нападения им подготовиться нужно, – сказал Кусков. – На это недели две уйдет.
- Две, не две – кто знает. Может, и всего дня два-три. Но хорошо, что врасплох нас не застанут. Вот за это спаси тебя Бог, Сысой Иваныч... Ну, а драться нам не привыкать... Думаю, что выдюжим, ежели сами готовы будем. Давайте думать, что для сего предпримем.
- В первую очередь надо усилить караулы как в крепости самой, так и снаружи. За северными и полуденными воротами, – сказал Кусков.
- На судах и в заливе тоже, – добавил Сысой.
- Так, – согласился Баранов и что-то записал на бумажном листе. – Караулы, Иван Александрович, возьми на себя. Да назначь бдительных обходных, чтобы ночью обходили караулы от зари до зари. И поставь их должностным образом.
- Все сделаю, Александр Андреич.
- На будки у ворот, – продолжал Баранов, – караульных поставь по два человека. Стоять поваxтенно, как им укажешь.
- Слушаюсь, Александр Андреич.
- Пушки зарядить картечью.
- Они заряжены всегда.
- Проверь сам. Да порох не сырой ли. А ты, Сысой Иваныч, –

продолжал давать распоряжения Баранов, – пушки же проверь на судах. И ружья тоже. У кого ружье заряжено неделю назад – перезарядить заново.

– Так, Александр Андреич, – кивнул Сысой. – Сегодня и начну проверять.

– Не живут ли туземцы возле крепости? – спросил Баранов.

– Нет, Александр Андреич. После твоего приказа им запрещено селиться не только у крепости, но и на ближних островах, – ответствовал Кусков.

– Их тут много бывает лишь по весне, когда селедка нерестится, а теперь, ежели кто для меня товара придет из колошай. Но таких немного, – добавил Слободчиков.

– Всё равно им не надо позволять оставаться в крепости и рядом на ночь. Для чего обходным проверять вокруг крепости все кусты, лес. Далее... – задумался немного Баранов. – Зорю бить вечером в девять, а утром в четыре часа.

– Надо договориться, Александр Андреич, как тревогу подавать при нападении, – сказал Кусков.

– Ежели днем, то бить в колокола и барабаны. Да на мачте тут в верхней крепости красный флаг поднять, дабы вся кому видно было... Ну, а ежели нападут ночью, то бить в колокола и барабаны да в трещотки трещать. А женкам и детям бежать в верхнюю крепость. О том объявить всем, Иван Александрович.

– Будет исполнено, Александр Андреич.

– На промысел партии пока не посыпать. Всем оставаться в крепости... Пароль для воротных стражей я сам на каждую ночь давать буду. Собери их сегодня, Иван Александрович. И обходных караульщиков тоже. Поговорю с ними сам еще. О всех необычных делах и случаях мне сюда докладывать немедля.

– Слушаюсь, Александр Андреич.

Баранов поднялся с кресла и вновь подошел к окну.

– Ну что же, мы готовы, Котлеан, неблагодарная твоя душа, – произнес Баранов. – Мы готовы к встрече с тобой...

– ...Александр Андреич, скоро полдень, – напомнил Кусков.

– Пора на пристань. Капитан Мур ждет, наверное, нас.

– Да, да... Пошли, – кивнул Баранов и надел свой камзол.

А потом они спустились по лестнице в нижнюю крепость и

направились к пристани, где оживленно толпился народ. Капитан Мур с борта готового к отплытию своего корабля смотрел на берег и вскоре увидел правителя Баранова с Кусковым, идущих его проводить. По трапу они поднялись на борт «Аметиста».

– Вот и пришло время прощаться, господин Мур, – с грустной улыбкой проговорил Баранов.

– Я сожалею, что мое пребывание здесь было столь кратким, мистер Баранов, – сказал в ответ Томас Мур, – но поверьте, что оно было очень радостным для меня и, как это у вас говорят, душеполезным. Прощаться с вами мне жаль, но такова жизнь.

– Как сегодня ваше здоровье, капитан? – спросил Баранов.

– О!.. – засмеялся Мур. – Все в порядке, если вы спрашиваете о моем самочувствии после вчерашнего дня... Ром был действительно крепок... Зато так же крепок и наш договор.

– Ну, слава Богу, что всё в порядке.

– Да, мистер Баранов. Я ведь здесь у себя дома. Одно ощущение палубы под ногами и этот морской простор делают меня абсолютно здоровым человеком.

– Тогда позвольте представить вам, господин Мур, моего доверенного, Петра Ивановича Калистратова, – показал Баранов на пришедшего с ними коренастого человека невысокого роста, с небольшой седоватой бородкой на светлом и добром лице. – Он знаток нашего дела, да и морского тоже. Так что прошу его, как говорится, любить и жаловать.

Капитан Мур подал руку Калистратову.

– Очень рад, – сказал он. – Думаю, что у нас с вами, мистер Калистратов, всё будет о'кей!

– Я тоже на это надеюсь, капитан Мур, – согласно кивнул и пожал руку американца Петр Иванович.

– А Гельбер, о котором вы говорили, капитан, действительно объявился в наших водах. И совсем недалеко, – сказал Баранов.

– Я знал, что он к вам явится... Вы его видели?

– Нет... Наши зверобои повстречали. Он уже общался с местными вождями, одаривал их ружьями и даже пушками. Так что мы вскоре ожидаем в нашу крепость гостей.

– Может быть, мне остаться, мистер Баранов? Я со своими парнями буду вам в помощь.

– Нет, господин Мур. Пусть всё идет своим чередом. Да и мы не сидим сложа руки. Готовимся к встрече. А еще я жду на днях наше судно из Охотска. Так что не будем вас задерживать. Желаем вам попутного ветра и милости просим опять к нам жаловать. Будем ждать.

– Благодарю вас, мистер Баанов, и вас, мистер Кусков, за столь великолепный прием, оказанный моей скромной особе. Такие встречи остаются в памяти на всю жизнь. Спасибо, – благодарно склонил голову Томас Мур.

– Ежели случится вам зайти на Гавайские острова, то поклон передайте моему другу, тамошнему королю Тамеамеа Первому и мой ему подарок, – сказал, прощаясь, Баанов и открыл принесенный им футляр, где лежал, блестя гранями ствола, пистолет.

– Мы зайдем на Гавайи за солью и водой. Непременно передам, мистер Баанов, ваш подарок королю, – пообещал Мур и добавил: – А вам я всё же советую из вашего леса доски да брусья пилить и торговать ими в Калифорнии. Это будет выгодно, уверяю вас.

– Спасибо, господин Мур, – уже входя на трап, согласно кивнул Баанов. – Мы вашим советом непременно воспользуемся.

Баанов с Кусковым сошли на берег, и трап убрали. Капитан Мур отдал команду, и его судно стало медленно отходить от причала Ново-Архангельска. Стоя на капитанском мостике, Мур с благодарной грустью в глазах смотрел на всё дальше и дальше отдаляющийся берег и махал рукой Баанову с Кусковым, которые тоже прощальными взмахами отвечали своему американскому другу и партнеру...

...С пристани Александр Андреевич Баанов возвращался к себе в верхнюю крепость в большой задумчивости. И было отчего роиться мыслям в его голове...

...Колесо забот закрутилось с первого дня пребывания Баанова на островах, когда согласно договору с Шелиховым надлежало быть ему «в заселеньях американских при распоряжении и управлении северо-восточной компании, тамо расположенной».

ной», а именно на острове Кадьяк, где располагалась контора управляющего.

За прошедшие с того времени годы заботы, которые почти каждый день сваливались на него, были разные: хорошие и плохие, сложные и простые, веселые и грустные, большие и малые, а порою даже страшные, когда от его слова или поступка зависела жизнь его самого и людей, за судьбы которых он был в ответе.

Хорошие заботы – это когда удачно шла охота на морского зверя и он мог отправить в Охотск судно с мехами на многие десятки, а то и сотни тысяч рублей.

Плохие – это когда много сил, в том числе и душевных, надо было приложить для пропитания людей, когда долгие месяцы из того же Охотска или Камчатки приходилось дожидаться обещанного судна с провизией. Тогда наступали голодные дни, особенно зимой, когда питались кореньями, ракушками и прочим, как говорится, подножным кормом. В такие страшные дни цинга и голод косили многих, а он ничем им помочь не мог, так как сам был одним из них.

Колесо забот крутится по сей день и, не давая закончиться одной, преподносит уже другую, и не ведомо никому, что она на этот раз принесет. Хорошо еще, что есть такие люди рядом с ним, как его помощник и друг Иван Александрович Кусков, в котором он не ошибся и был всегда рад этому...

...Вот и сейчас закончились короткие, но светлые, радостные дни отправки целого судна с товаром для пользы компании, дни отдохновения души от всяких тяжких забот среди семьи, среди людей, тебя понимающих.

Но вот уже сегодня появилась новая забота, ничего хорошего не предвещающая, когда Сысоий Слободчиков доложил о встрече в здешних водах английского пирата Гельбера и тойона индейцев-колошей Котлеана. Это значит, что надо непременно ждать беды и сей же час готовиться к ней. А ведь Баранов считал, что он давно замирился с этим индейским вождем, и со стороны Котлеана вот уже который год не было против русских поселенцев враждебных действий.

Но не забыл, видать, Котлеан своего поражения тогда, в

восемьсот четвертом году, захотел отомстить, подстрекаемый теперь уже англичанином Гельбером. Для хозяев этого пирата русские люди нежелательны здесь, на сих берегах американских.

А тот давний бой с индейцами Котлеана Александр Андреевич хорошо помнил всегда. И сейчас, возвращаясь в памяти к тем годам и дням, подумал он, что ныне всё проходит как-то очень похоже на ту давнюю историю...

...Жизнь на Кадьяке для промышленных русских людей и даже для зверобоев-алеутов была сказать мало что трудна. А всёиз-за постоянной непогоды, голода и болезней. Поэтому, прожив там почти десять лет, Баранов задумал перенести свою контору правителя Русской Америки на остров Ситх, что лежал у противоположного берега Аляскинского залива, в архипелаге Александра, где и погода была мягче, и солнечных дней больше. Да отсюда же легче было бы править, как думал Баранов, делами торгово-промышленной компании, которая с августа семьсот девяносто восьмого года стала именоваться Российско-Американскою, в которую по Высочайшему указу царствующего тогда императора Павла Первого соединились несколько других, в этих же водах промышлявших.

Осуществилась мечта Григория Ивановича Шелихова, который не один раз еще императрице Екатерине Великой подавал о том прощение.

Но с новым наименованием появились и новые заботы. Тем же Высочайшим указом повелевалось отныне не только пушного зверя добывать, но и новые земли искать, присоединять их к России, посыпать экспедиции для описания тех земель и с иными странами торговлю вести. Всё сие, конечно, на пользу компании и родному Отечеству.

Но строительством новой крепости на Ситхе Баранов решал и еще одну задачу: продвижение русских поселений далее на юг по американскому берегу с ближайшей целью достигнуть Нутки. Он даже об этом в своей песне-гимне написал.

Закрепиться там, у самого матерого берега земли американской, и быть первопроходцами сих мест – значит помешать занять те места англичанам и прочим иным конкурентам, кто

об этом день и ночь мечтает. И это тоже было на пользу Отечеству!

...Летом семьсот девяносто девятого года на судне «Ольга», которым он сам и командовал, Баранов со своими людьми прибыл на Ситху и, перво-наперво, одарил разными подарками ситхинских индейцев и их вождя Котлеана. А заручившись его согласием и пообещав защитить колошой от воинственных соседних племен, он сразу же стал строить крепость на берегу залива, на выбранном им самим месте у тихой бухточки, защищенной с моря небольшими скалистыми островками, в честь Святого Архиатриата Михаила.

За осень и зиму удалось построить казарму для промысловиков и кажимы для алеутов, не желавших, как всегда, жить в русских избах. А еще возвели склад и баню, в коей Баранов и обитал всю зиму, перебравшись туда еще в октябре из рваной палатки.

Весной же следующего года дела позвали правителя обратно на Кадьяк, и Баранов покинул Михайловский форт, оставив там часть своей команды под началом Василия Медведникова – «старовояжного» и опытного промысловика и морехода.

На Кадьяке Баранова ждала добрая весть: из Петербурга ему привезли монаршую награду – золотую, на Владимирской ленте, медаль «За усердие». Так император Павел своим именным указом отметил службу на благо Отечества Главного правителя Русской Америки.

Но радость была недолгой из-за множества забот, а через два года с острова Ситхи пришел на своем «Юникорне» англичанин Генри Барбер и привез Баранову совсем другую - страшную весть: ситхинские индейцы захватили и сожгли Михайловский форт, а людей почти всех погубили и лишь немногих взяли в плен. Их-то – двух русских и двух алеутов-зверобоев да около двадцати женщин – и доставил на Кадьяк Барбер, сказав Баранову, что выкупил их у колошой.

Этот пиратствующий английский капитан хоть и сделал, казалось бы, доброе дело, но запросил за освобожденных кадьякцев пушнины на пятьдесят тысяч рублей. Долго пришлось с ним Баранову спорить и согласиться на десять тысяч.

В глубоком раздумье и печали пребывал в те дни Александр Андреевич. У него никогда и в мыслях не было, что такое может случиться: не часто, но из Михайловской крепости доставляли на Кадьяк пушнину, и он был уверен, что там у Василия Медведникова все идет ладно.

Но однажды подумалось Баранову: а не явился ли Барбер подстрекателем индейцев на захват крепости? Очень даже может быть, что он и подвиг племена колошай на это жестокое дело.

Но как бы там ни было, а Баранов не захотел отказываться от мысли построить на Ситхе новый русский форт назло англичанам и тамошним индейским вождям. Через два года он явился туда с целой флотилией компанейских судов и трехсот алеутских байдар.

К радости правителя Баранова, в гавани у острова стоял русский фрегат «Нева» под командованием капитана Юрия Фёдоровича Лисянского. Оказалось, что он, находясь в долгом, из России в Америку, плавании, пришел на Кадьяк, но узнав, что Баранов увел своих людей в поход на Ситху, отправился туда же и прибыл к острову раньше всех.

После небольшой подготовки кадьякцы и матросы с «Невы» пошли на штурм укреплений колошай, но он не принес успеха. Даже ядра пушек фрегата не смогли разрушить огромные и крепко сложенные бревна стен форта. А среди штурмующих были и потери: погибли три матроса Лисянского и трое же кадьякцев. Да и сам Баранов был ранен в руку.

Тогда, во время штурма, услышав со стороны колошай выстрелы и увидев раненых и убитых своих людей, Александр Андреевич окончательно убедился, что к захвату индейцами Михайловской крепости два года назад подстрекал именно Генри Барбер, снабдивший их ружьями... Да и бывшие в плenу у колошай зверобои о том ему говорили.

На подготовку второго штурма ушло несколько дней, но при его начале со стороны осажденных колошай не было сделано ни одного выстрела, а когда Баранов и бывшие с ним люди зашли за стену форта, то увидели страшную картину: на земле тут и там лежали убитые индейцы, а отдельным ряд-

ком – пятеро малых детей и столько же собак. Стало ясно, что колоши в одну из ночей тайно оставили укрепление, а чтобы возможный плач детей или лай собак не выдали отход, то они и порушили их.

В тот же день Александр Андреевич Баранов поднял над будущей главной крепостью Русской Америки, на самой высокой скале-кекуре, русский флаг в знак того, что место сие есть земля российского владения.

Глава седьмая

Рудознатец Иван Лихачев, пробираясь сквозь густые заросли и повалённые деревья, перелезая через скользкие камни, брел по берегу речки, но она привела его лишь к лесному озеру. Может быть, из этого озерка и вытекал какой-то ручеек к побережью, но у Ивана уже не было сил искать его.

В изодранной одежде, с кожаными сумами через плечо, с короткоствольным штуцером, Иван совсем обессилел и, скинув тяжелую ношу, присел на большой камень-валун. Он снял с кафтана сыромятный ремень и, разрезав его, подвязал изодранные в скитании подошвы сапог. Затем, с трудом встав с камня, побрел дальше. Но, пройдя совсем немного, вновь опустился на землю, прислонился спиной к дереву, опустив голову на грудь. Не зная, куда и долго ли ему идти, Иван решил подкопить силы. Но внезапно он поднял голову, принюхался, почувствовал запах дыма и услышал далекий собачий лай.

– Дым!.. Люди!.. – хрюпнуло проговорил Иван.

Лицо его преобразилось, глаза загорелись надеждой, и рудознатец попытался было встать на ноги, но не смог подняться от слабости. Тогда Иван лег на землю и пополз на запах дыма, волоча за собой кожаные сумы и ружье.

Полз он долго и мучительно, но его мучения наконец-то вознаградились: сквозь деревья Иван увидел строения индейского селения на лесной поляне у самого берега какой-то большой воды. «Неужели побережье! Слава тебе, Господи!» – мысленно проговорил Иван.

Возле одного из шалашей селения у самой кромки леса дымил костер. Увидев все это, Иван попытался встать и что-то крикнул, но силы окончательно покинули его. Рудознатец со стоном упал на землю, и сознание покинуло его.

Почувяв человека, громко залаяла собака, побежав к тому месту, где лежал Иван. А из шалаша, заслышив обеспокоенный лай собаки, вышли индейцы в своих плащах-накидках из одеял и направились за собакой к лежащему у самого края поляны человеку. Четверо индейцев взяли его и понесли к шалашам, что стояли рядом с бревенчатыми домами индейской деревни. Распоряжался ими индеец в расписанном плаще-одеяле, с широкоскульным лицом. Он шел впереди с сумами и штуцером, а когда все подошли к большому шалашу, возле которого горел костер, то старший индеец и, видно, хозяин этих шалашей-хижин, приказал положить человека у входа на траву.

К индейцу-хозяину подошел один из мужчин.

– Послушай, Нанкок, – сказал он. – Похоже, что этот человек – русский.

– Конечно, русский. Из крепости на Ситхе.

– Ну и что ты хочешь сделать с этим русским?

– Что захочу, то и сделаю... А сперва женщины его вымоют, потом будут лечить и кормить.

– Зачем, Нанкок? Ведь русских людей из крепости на Ситхе наш вождь Котлеан убивать велел. Давай и мы сделаем ему бух-бух.

– Я тебе, Асавахток, самому сделаю бух-бух, если ты хоть пальцем тронешь этого русского, – грозно произнес Нанкок. – Он мой и всё, что при нем – тоже мое. А я не такой глупый, как ты, хоть ты и брат мне. Разве надо убивать, если можно вылечить и получить за него потом на Ситхе одеяла или муку... Лепешки будем печь. Понял, глупая твоя голова? А с вождем Котлеаном я сам поговорю. Иди, зови женщин, воду греть надо.

Асавахток послушно пошел в жилище и скоро вернулся с женщинами, несущими большой котел и ушаты с водой.

...Сысой Слободчиков после проводов американца пошел к своим байдарам и увидел дочку свою Алёну, сидящую на выбро-

шенном морскими волнами дереве у огромного камня-валуна. Увидел и удивился.

– Алёнушка, а ты что не дома?

– Домой я ходила, и матушка с ребятами тебя ожидают. А я здесь, тятенька, своего Ваню жду. Может, придет, как и ты сегодня. Я ведь ежедень тут. От начала света и до темноты сижу.

– И долго ли сидеть так будешь?

– А пока Ваню не дождусь, тятя.

Сысои ничего не сказал, а только покачал головой и, подойдя к дочери, погладил ее русоволосую голову с длинной, заплетенной цветною лентою косой.

– Ну, жди, дочка, жди. Где-то бродит твой Иван, верно, по горам на той стороне. Да он и не один ведь туда пошел, а с товарищами своими. Так что не пропадет и скоро возвратится суженый твой... А сейчас я только дела свои уложу, и мы домой с тобой пойдем. Я по дому и по всем вам соскучился.

– Ладно, тятя. Только потом я опять сюда приду. Ты уж не серчай на меня.

– А чего мне серчать. Я тебя понимаю, дочка, хвалю и горжусь. А за Ивана твоего я тоже молиться буду.

Сысои направился к байдарам, возле которых лежали на берегу кучи сырых бобровых шкур. Алёна же опять обернула свой взор на морские волны и на скалистые острова, откуда всегда приходят на Ситху байдары.

Она знать не знала и ведать не ведала, что друг ее сердечный Ванечка был в этот час не так уж и далеко от нее, на матером берегу, в поселении индейцев-колошей...

...Иван лежал в шалаше на мягких звериных шкурах, покрытый теплым одеялом до самого подбородка.

Заслышиав за стенами шалаша чьи-то голоса, Иван медленно открыл глаза, осмотрелся, пытаясь понять, где он сейчас находится и что с ним происходит.

– Где я? – слабым голосом произнес Иван.

Из темного угла огромного шалаша появилась женщина в широкой и длинной накидке. Она наклонилась над очнувшимся Иваном.

— Где я? — снова сказал Иван.

Ничего не ответив, женщина бесшумно вышла из шалаша, а через некоторое время вернулась с невысоким мужчиной. Иван лежал на самой земле, и мужчина-индеец присел на корточки рядом. Круглое скуластое лицо склонилось над больным рудознадцем.

— Проснулся? Хорошо, — довольным, каким-то даже радостным голосом проговорил мужчина-колош и спросил: — Ты русский?

— Русский, — кивнул Иван.

— Из крепости на Ситхе?

— Да.

— На охоту сюда ходил?

— Нет. Мы рудознатцы. Искали глину для кирпичей, руду железную и медную — что попадет.

— Как звать тебя? — продолжал спрашивать индеец.

— Иваном.

— А я Нанкок, — ткнул пальцем себя в грудь туземец. — Ты — Иван, я — Нанкок. Понимаешь?

— Понял, понял, — заулыбался Иван.

— Ты не бойся, — сказал Нанкок. — Тебя здесь никто не тронет. Ты мой гость. А еще зови меня Николай. Я крещеный. Ваш отец Никодим у нас многих крестил, и меня так назвал — Николай.

— Стало быть, ты Никола.

— Да, да... Никола, — кивнул головой туземец.

— Как я у тебя очутился, Никола?

— Тебя моя собака нашла. Ты на земле лежал. Собака почуяла. Ты не помнишь?

— Ничего не помню. И давно я тут лежу?

— Вчера весь день и еще ночь.

— А ныне что?

— Теперь день.

— Ты и в крепости нашей бываешь?

— Бываю, как не бываю. Торговать ходим к вам. Ты — мне, я — тебе. Хорошо. Только днем туда можно. На ночь нам оставаться у вас нельзя. Ваш правитель строгий. Шибко строгий.

– А ты меня туда отвезешь, Никола? Мне домой в крепость надо. Я в долгу не останусь.

– Отвезу, как не отвезу. Только тебе туда еще рано. Лежать надо.

– Меня дома ждут, Никола... А может, уже и ждать перестали. У меня дома мужа есть и табак. Одеяло еще есть.

На лице Нанкока появилось оживление, но он сдержал себя.

– Лежать надо, говорю. Ты слаб, сил мало, дорога трудна. Как тебя такого везти. Нет, пока нет. Ждать надо.

Нанкок встал во весь рост, откинулся на завесу входа и что-то выкрикнул на улицу. Тут же в шалаше вновь появилась женщина, сидевшая недавно у изголовья Ивана. Нанкок что-то сказал ей, и сиделка, взявшись за руки деревянную чашу с каким-то питьем, поднесла ее к болящему.

– Пей, Иван, – сказал Нанкок. – Это отвар наших трав. Он даст тебе силы. Пей. Потом она тебя накормит, а я вечером опять приду.

Иван недоверчиво посмотрел сперва на женщину, потом на поднесенную к его губам чашу.

Сиделка, поддерживая и приподнимая голову Ивана, чуть наклонила чашу с отваром. Иван глотнул, сморщился и отвернулся, но женщина не отстала и молча заставила его пить еще и еще...

После выпитого травяного настоя Иван уснул, а когда открыл глаза, то опять увидел все тот же шалаш и себя, лежащего на звериных шкурах. Он и не заметил, как в шалаш вошел Нанкок, вновь присевший рядом.

– Ну что, Иван, проснулся? – спросил Нанкок.

– Да я всё сплю и сплю. Со мной такого никогда не бывало.

– Тебя отваром не зря поили. Вот и спиши. Во сне к тебе силы возвращаются. Скоро совсем здоровым будешь.

– Когда в крепость поедем, Никола? Домой дюже охота. Мочи нет, – чуть ли не простонал Иван.

– Потерпи еще немного, – успокоил его Нанкок. – Завтра солнце взойдет – мы и поедем в твою крепость.

– Завтра?! – обрадованно воскликнул Иван. – Эх, целую ночь ждать.

— Лежи, — сказал Нанкок. — Ты еще не совсем здоров... А ночь, что ночь — скучать не будешь.

Нанкок встал и, высунув голову из шалаша, что-то опять по-своему крикнул. Тотчас же в шалаше появилась женщина в накидке из одеяла. Она была лицом намного моложе той, что поила и кормила Ивана все эти дни.

— Вот, Иван... Дарю тебе на всю ночь эту женщину, — с улыбкой произнес Нанкок. — Она лечить тебя будет. Тебе хорошо будет. Совсем выздоровеешь.

— Да... — не зная, что сказать, Иван глядел то на женщину, то на Нанкока. — У меня дома... Мне не надо, Никола.

— Э-э-э, я знаю, Иван. У вас в крепости на баб голод... Бери ее, бери. Это моя жена... Ты не думай, у меня еще есть. Зовут ее Паниояк... Она твоя на всю ночь.

Нанкок вышел из шалаша, а Паниояк, постояв немного, сняла с себя накидку и, оставшись в чем мать родила, медленно подошла к лежащему на мягких шкурах Ивану и забралась к нему под одеяло.

Глава восьмая

В тот же день, когда Алёна в очередной раз устроилась на своем обычном месте ждать-пожидать Ивана, в поселении кошней на матером берегу все мужчины-индейцы собрались в большом кажиме — доме для общих сборов племени.

Они сидели на земляном полу, устланном плетеными травяными подстилками. На небольшом возвышении перед собравшимися в мужском доме сидел на звериных шкурах сам тойон племени Котлеан. Подняв вверх руку и, дождавшись, когда в кажиме стало совсем тихо, Котлеан заговорил:

— Братья! Говорю вам: наступает день, когда мы, люди Ворона, вновь пойдем брать крепость пришельцев, как делали мы это не раз и не два с другими крепостями русских. Не позволим больше им бить наших зверей. Будем охотиться сами, а шкуры продавать... Если же не возьмем крепость русских, то они заселят всю нашу землю. У нас же другой

земли нет, кроме этой земли наших предков. Так ли думают воины?

– Так! – прозвучало в ответ.

– В бою за крепость нам поможет белый англичанин капитан Гельбер. Он – враг здешних русских, дал нам ружья и пушки. Корабль белого капитана стоит недалеко отсюда. Его люди помогут нам... Нанкок, – обратился Котлеан к сидевшему рядом соплеменнику, – готов ли ты к поездке в русскую крепость? Здоров ли твой русский, чтобы отправиться с тобой?

– Он уже здоров, вождь Котлеан, – откликнулся Нанкок, – и я готов с ним плыть в крепость.

– Поручаю тебе, Нанкок, разведать все караулы в крепости. Я знаю, что наших людей туда непускают, но ты пойдешь со спасенным тобой русским, и тебя пустят за ворота. Так будь же зорок, как птица и хитер, как лисица. Так?

– Так, вождь Котлеан.

– А тебе, брат Сайгинах, поручаю с Асавахтоком плыть к белому капитану Гельберу и сказать ему, что мы будем готовы через два восхода солнца после встречи с ним. Так?

– Так, вождь Котлеан.

– Всем же остальным воинам повелеваю готовиться к бою. Готовьте себя, луки, копья и топоры, а у кого есть – ружья. О выходе на Ситху будет известно каждому позже. Так я сказал!

По берегу возле поселения индейцев-колошей, где лежали, словно отдыхали после морского похода байдары, шли индейцы во главе с Нанкоком. Опережая их, почти бежал Иван Лихачев, а, подойдя к самой большой из лодок, бросил в нее свои сумы, штуцер и попытался столкнуть байдару на воду.

– Не спеши, Иван, успеем, – подойдя к нетерпеливому рудознатцу, сказал Нанкок.

– Да мне домой страсть как охота, Никола. Ты меня разве не понимаешь?

– Понимаю, как не понимаю. Сам, когда далеко охотиться ухожу, то я тоже домой к своим женам спешу... Будешь и ты дома. Теперь уже скоро. Терпи.

Нанкок что-то сказал по-своему одноплеменникам. Те подошли к байдаре, столкнули ее на воду, а потом и свои лодки.

Когда отошли от берега, Иван, невольно глянув в сторону жилья индейцев, увидел под высокой, с раскидистой кроной, соской стоявшую там женщину. Иван узнал Паниояк. Она стояла и смотрела на уплывающие лодки, пока не стали неразличимы лица машущих веслами людей...

...Алёна сидела у причала и, как всегда, глядела на морской простор. Она видела, но не обратила внимания на лодки индейцев, сперва показавшиеся из-за недалекого островка, а потом подошедшие к самому причалу. И только когда люди из лодок сошли на берег, Алёна увидела Ивана.

– Ваня! Ваня! – еще не веря своим глазам, закричала Алёна и бросилась бегом к своему долгожданному Ванечке.

– Алёна?! – тоже удивленно и радостно выдохнул Иван. – Откуда ты взялась?

– Как откуда, Ванечка? – прижавшись лицом к Ивановой груди, тихо и радостно проговорила Алёна. – Как откуда?.. Да я каждый день тут с утра до вечера сижу. Все тебя, пропаща-го, жду... Вот и дождалась... Слава Богу... Услышал Господь мои молитвы... Здравствуй, Ванечка!

– Здравствуй и ты, Алёнушка! Как ты тут? Здорова ли? Дома как?

– Я, Ваня, слава Богу, здорова. Дома тоже все хорошо. Тятя недавно вот с промысла пришел. Только тебя-то уж больно долго не было. Всё боялась, что с тобой вдруг чего-нибудь случилось... Али случилось чего? – с тревогой спросила Алёна.

– Жив-здоров, сама видишь, Алёнушка. Чего было, о том после расскажу. Теперь недосуг... А что жив да здоров, вот благодаря этому человеку, – показал Иван на одного из индейцев.

– Нанкоком зовут, а по крещению Николаем. В общем, Никола это. Он меня спас, когда я вышел из тайги и без чувств упал у их деревни. Спас, выходил и вот домой привез.

– Страсти-то какие, Ванечка... Спаси тебя Господи, добрый человек, – поклонилась поясно Алёна Нанкоку.

В ответ поклонился и Нанкок.

– Жена твоя? – спросил он Ивана.

– Нет пока. Невеста, – обнимая одной рукой и прижимая к себе Алёну, ответил Иван. – Но скоро будет женой... Вот повенчаемся, и будет. Так ли, Алёна?

– Еще бы не так, Ваня. Да я хоть сейчас с тобой под венец. К отцу Никодиму пойдем, и обвенчает.

– Ну прямо уже сегодня, – рассмеялся Иван.

– А что? Зря, что ли, ждала?

– Пойдем, пойдем, Алёнушка. Сегодня же и поговорим с ним.

Завидев на причале индейцев, к ним подошли двое промышленных из караульщиков. Поздоровавшись с Иваном, кивнули на колошай.

– А этим тут на причале быть нельзя, – сказал один из караульщиков.

– А что так? – удивился Иван.

– Приказ правителя Баранова.

– Они меня привезли. Рассчитаться надо. Я их в гости зову.

– Ну и что. Привезли и пусть обратно плывут. Беседуйте и расплачайтесь, но только за воротами. В крепости им быть не можно. Говорю, что приказ самого Баранова.

Иван обернулся к Нанкоку.

– Прости, Никола. Слышал?

– Я знаю, Иван, – кивнул Нанкок. – Ваш правитель строгий. Шибко строгий. Моя подождет тебя за воротами. А где твой дом?

– Да тут недалеко, рядом с церковью.

Нанкок что-то сказал своим соплеменникам. Те сели в лодки и поплыли вдоль берега к окраине крепости.

Сам же Нанкок, сопровождаемый караульщиками, пошел к воротам, часто оглядываясь по сторонам, и заметно, что с интересом. Ему даже было видно, как Иван зашел в свой дом с Алёной.

– Жди здесь, – сказал Нанкоку караульщик, выйдя вместе с ним за ворота, – или к своим иди. Вон их сколько.

Недалеко от высоких стен крепости и вправду было множество собратьев Нанкока, прибывших сюда для меновой торговли. Тут и там они, размахивая руками и жестикулируя, предла-

гали новоархангельским жителям сушеную, вяленую и свежую рыбу, шерсть диких коз и звериные шкуры.

Нанкок прошелся вдоль крепостной стены, свернул за угол и там увидел еще одни ворота, но они оказались запертыми. Тогда Нанкок возвернулся к главным воротам, где Иван уже ждал его.

– Прими, Никола, мешок муки, одеяло и табак, как обещал. Спасибо тебе за все, – поклонился Иван. – Приезжай еще когда-нибудь. Ничего не пожалею.

– У тебя хороший баба есть, – с улыбкой сказал Нанкок. – Как не приехать. Скоро приеду.

Он крикнул своим спутникам. Те подошли, взяли товар и двинулись к лодкам. Нанкок еще раз оглядел крепостные ворота и пошел за ними...

...А Иван с Алёной, взявшись за руки, направились от крепостных ворот совсем в другую сторону, к причалу, где чуть в стороне от него ждала и дождалась своего суженого Алёна.

– Вот гут я сидела каждый день с утра до темноты вечерней, ждала тебя. Ждала и молилась Николаю Чудотворцу. А тебя все нет и нет.

– Да, долго, Алёнушка, заставил я тебя ждать. Прости, но так уж вышло. Всегда, когда идешь в неведомое, то сам не знаешь, как долго выйдет. Уповаешь только на Господа... Вот и в этот раз...

– А что в этот раз? – быстро и с беспокойством спросила Алёна.

– Нас было трое рудознатцев. Искали мы глину, руды, какие попадутся. Взяли пробы в разных местах и уже пошли обратной дорогой, да немного запутались. А моих напарников, Митю и Егора, туземцы стрелами убили... Я же поотстал немного: увидел куст малины и тебя вспомнил: как мы по ягоды ходили. Стал ягоды есть да тебя вспоминать. Ребята же на берег речки вышли и меня кричали, а потом вдруг затихли... Когда к ним подошел, то мужики порешены были, а туземцев след простыл. Так что, можно сказать, это ты от меня беду отвела. Не вспомни я тебя...

– Это все Николай Чудотворец. Ему молилась... А что потом было?

– Потом я ребят похоронил там же, на берегу. Сумы их взял

и пошел вдоль реки. Не знаю, сколько времени брел, только вышел к жилью туземцев совсем уже без сил, упал у их деревни, пока меня колоши не подобрали.

— Ты бы не ходил боле, Ваня... Такие страсти рассказывавешь...

— Что ты, Алёнушка? Как неходить. Ведь на государевой службе я.

— Пойдешь еще, опять вся изведусь, тебя дожидаючи.

— А ты понимать должна и... ждать, ежели любишь меня.

— Люблю, люблю, Ванечка. Люб ты мне, потому и боюсь за тебя, потому тяжко мне, когда тебя нет.

Иван обнял Алёну и глянул ей в глаза.

— Тогда выходи замуж за меня.

— Хоть сейчас, Ваня. Сказала ведь тебе.

— Сейчас и пойдем.

— Куда?

— К отцу Никодиму. Пусть уставит день, когда мы с тобой венчаться будем.

— Я согласна... Но только сходим сперва к моим батюшке с матушкой. А то как же без родительского благословения. Нельзя ведь.

— Ну так это само собой. К родителям твоим в первую очередь...

...Здесь, на Ситхе, у Ивана родных совсем не было. Оставил он их в Охотске, когда дал согласие служить компании рудознатцем в Ново-Архангельске, и два года назад приплыл на судне «Три иерарха» вместе с партией посельщиков, людей, осужденных в России за какие-то грехи и вынужденных искупать их здесь, на краю земли.

Для обитателей Ново-Архангельска приход в гавань любого судна – праздник. В тот раз тоже все вышли встречать судно из Охотска.

Тогда-то и увидела Алёна впервые Ивана, сходящего по трапу на судовое пристанище со своей поклажей: кожаной широкой сумой за спиной да большим, тяжелым ящиком, который потом помогали ему нести до казармы прибывшие вместе с ним такие же молодые спутники.

Но больше всего Алёне бросилось в глаза и сразу запомнилось светлое лицо парня, синие его глаза, статная фигура в суконном кафтане, подпоясанном красным кушаком, и меховая шапка, из-под которой выпадала на лоб светлая прядь волос.

Иван, конечно же, тогда ее не заметил, а встретились они с Алёной близко, познакомились и посмотрели друг другу в глаза намного позже, когда отец Алёны Сысои по заданию правительства Баранова искали с Иваном на Ситхе и на ближних островах глину, которую приходилось пока возить на судах с Кадьяка, а кирпичей для стройки на новом месте надобно было многие тысячи.

Он часто бывал в их доме, а Алёна так же часто встречала отца и Ивана, возвращающихся из недальних походов. С тех пор и стал Ванечка ее суженым.

—...Ой, Ваня, а я так и не спросила тебя, — спохватилась Алёна. — Нашли вы, чего по горам-то искали?

— Мы там, на матером берегу, главное, глину нашли, да вроде и руду медную. Завтра же с Федькой в нашей лаборатории пробовать будем те куски на медь. А может, и еще чего выявим.

Иван Лихачев, пробирных дел мастер, долгое время жил в казарме с посельщиками, пока не поставили рудознатцы свою избу, а рядом мастерскую-лабораторию с кузнецким горном, где они чинили пробы разных камней и руд, какие приносили из своих походов по здешним горам и рекам.

— У нас на Ситхе один только гранит, — сказал Иван, — а за проливом на матером берегу земля богаче. Мы уже там белый мрамор встречали, пемзу, серпентин, халцидоны, сердолики и камень аспидный. Из него туземцы курительные трубки вырезают. А в слюдяном сланце мы и гранаты находили. Вот, смотри, какой я тебе принес, — и Иван положил на ладонь темно-красный камень.

— Ой, Ваня, красота-то какая! — воскликнула Алёна, — а что я с ним делать буду?

— Колоши эти камешки в ружья кладут вместо дроби. А ты красоту эту носить будешь. Я его в оправу вставлю, и кольцо тебе будет или брошь. А еще говорят, что это камень любви.

- Спаси Господи, Ванечка.
- Так что, Алёнушка, мне еще не раз на тот берег ходить придется. Думаю, что там серебро и золото найти можно. Где есть гранаты, там и алмазы бывают.
- Ладно, Ваня. Делай как знаешь и ходи в свои походы, куда хочешь. Только всегда домой возвращайся, а я тебя ждать буду. Тоже всегда.

Глава девятая

Людей у Баранова всегда не хватало. Ни русских промысловиков, служащих по контракту, ни алеутов-зверобоев.

Главной же компанейской задачей была для Баранова одна: добыча морского зверя и отправка шкур в Охотск. А ведь еще надо было рубить лес, строить суда, возводить дома, работать на земле, которая давала из-за непогоды мизерный, но все же свой урожай овощей и картофеля.

Требовались люди разных ремесел, а их не хватало еще и потому, что многие жизни уносило море, и алеуты десятками погибали на промысле. А в холодные зимы цинга и голод вершили свое страшное дело, как было в тот год, когда Баранов строил на Ситхе первые дома. Зима тогда выдалась на редкость трудной. Съестных припасов никогда не было в достатке, и не миновать бы страшного голода и многих от него людских потерь, если бы не косяк сельди, проходивший мимо острова. Но той же зимой на Кадьяке, который Баранов временно оставил, погибло сразу сто сорок человек, собиравших для еды ракушки на берегу. А они оказались ядовитыми.

Поэтому Баранов просил часто присыпать ему новых людей: ведь служащих по контракту промысловиков и алеутов-зверобоев не заставишь сплавлять лес или месить глину для кирпичей – они умели только добывать морского зверя.

Вот и приходилось принимать сюда на разные и, надо признать, тяжелые работы посельщиков: ссыльных русских людей, для которых что тюрьма, что этот темный дальний земной угол – все едино. Но не Баранов первый так делал. Еще Григорию

Ивановичу Шелихову императрица Екатерина Великая именным своим указом повелеть изволила посыпать на американские земли мастеровых разного ремесла людей из числа «ссыльных и хлебопашцев». Вот и везли сюда из Охотска этих самых посельщиков, и часто целыми семьями.

Но много было среди них и просто «гуляющих» людей, которых компанейские вербовщики собирали по кабакам и постоянным дворам. Так что посельщики, которым здесь терять было нечего, народец был дерзкий, отчаянный и плохо управляемый. Хлопот с ними у Баранова было немало, но и обойтись без них он тоже не мог...

...В маленькой бухточке, огражденной от океанских волн связанными между собой плотами-бонами, несколько мужиков в рваных одеждах, орудяя баграми, доставали из воды сырье бревна и по наклонным слегам на веревках поднимали на берег. Видно было, что работа эта у них не из легких. Потому-то и делали ее посельщики – самый бедный и, правду сказать, самый бесправный люд среди всех, здесь живущих и трудившихся на благо Русско-Американской компании.

– Раз, два, взяли! – громко командовал один из посельщиков, и бревно рывком поднималось по слегам на один шаг. – Раз, два – взяли! Раз-два – еще разок! Раз, два – взяли!

Когда бревно легло на берегу рядом с другими, старший артели снял с головы войлочный колпак и бросил его на бревна.

– Все, хватит! Больше невмоготу... Шабашьте...

– Эй, Тимоха! – крикнул один из мужиков вниз, где у самой воды посельщики орудовали баграми. – Шабашьте!

– Сегодня, Василий, мужики еще один плот должны пригнать, – сказал старшому другой из артельных.

– А вот пусть сам правитель Баранов вместе с Кусковым и всем чиновным людом их на берег и волокут. А я больше не буду и вам не велю. Пока не заплатят все, что нам задолжали за зиму.

– Верно, Василий, – поддержал старшого один из артельщиков. – Я тоже боле не буду... Надо сказать нашим.

Василий оглядел всех сидящих перед ним работников.

– Давайте сегодня, как вечернюю зорю пробьют, соберемся у нас в казарме, там всё и урядим: как дальше жить, что делать. А ты, Прохор, другим скажи, да тут мужикам передай, которые с плотом придут... Понял?

– Как не понять, – согласно кивнул Прохор. – Всем наказ будет.

Василий встал с бревна и пошел в крепость. За ним потянулись остальные...

...А вечером в полутемной казарме собирались все посельщики, кому было наказано. На дощатом столе стояла плошка с горящим и коптящим фитилем, освещая полумрак помещения. За столом и на лавках у входа в казарму сидели посельщики во главе со своим старшим, Василием Панковым.

– Я не знаю, как вы, братцы, а я уже дошел до края. Жить стало невмочь, – сказал Панков и оглядел сидящих перед ним товарищей.

– Сил боле нету, – подтвердил один из них. – Доколе будут измываться над нами... Самая тяжелая работа – наша, живем в казармах да землянках, а начальники в теплых избах.

– Денег не дают. В кормовой лавке уже такой долг, что и подумать страшно, – заговорил еще один. – А дают нам что: залежалую рыбу, сивучье мясо. Хлеба мало, а соли давно уже нет.

– Зато промышленным дают по пуду муки в месяц, солонину, крупу, соль и даже ром.

– Вот и получается: кому шиш, а нам, посельщикам, всегда два.

– Даже алеуты живут лучше нас.

– Они зверя добывают, – подал голос кто-то.

– А мы лес рубим да сплавляем чуть ли не на себе, камни долбим, дома и амбары строим!

– А сами живем в сырости и лохмотьях ходим.

– И в долгах, как в шелках.

– Долги, говорят, у нас старые. Еще сюда не приехали, а уже компании должны были. Выходит, что за всю жизнь нам с компанией ни за что не рассчитаться. В тяжкой кабале мы, братцы!

- Так дальше жить нельзя!
- Что же делать будем? – спросил Василий Панков, когда все выговорились.
- Да порешить их всех к едрене фене! – крикнул кто-то.
- Верно, Прошка.
- Кого? Кого порешить? – спросил Панков Прошку.
- А всех, кто притесняет и жить не дает... Правителя Баранова, помощника его Кускова... Да всех начальников здешних.
- А потом? – спросил опять Василий.
- А что потом... Не здесь же оставаться. Захватим судно и поплывем отсюда.
- И куда мы поплывем?
- Океан большой. А поплывем на полдень. Есть там жаркие острова. Да ведь ты, Василий, бывал там.
- Бывал, – кивнул Василий.
- Ну вот. Знаешь ведь, что там даже зимы нет, а земля изобильна. Не то что тут: пять дней в месяц солнышко светит, а в остальные дни только дождь да ветер... Живут там одни черные арапы... А нам-то что до них? Главное для нас – волюшка вольная. Больше нам нет места нигде. Не в Сибирь же ворочаться.
- Все ли за это? – спросил Василий Панков.
- Все.
- Все, – раздались голоса с разных сторон.
- Тогда надобно сие дело обговорить, обрядить с толком, не торопясь... Давайте-ка все к столу. А ты, Захарка, погляди там, нет ли кого на воле, да к Мартыну-лавочнику за ромом сбегай, спроворь нам бутылочку.
- А на какие шиши? Да и поздно теперь, – встал молодой посельщик Захарка. – Лавка-то закрыта, поди.
- Знамо дело, закрыта. А ты к Мартыну домой. Скажи – пусть бутылку рому даст.
- А если не даст?
- Тогда скажи, что я сам приду... Даст, не впервой. Пусть на меня запишет.
- Захарка убежал за дверь, а посельщики стали усаживаться вокруг стола со стоящим посередине светильником...

...Лавочник Мартын ужинал со своим семейством, когда вдруг в дверь постучали и на пороге появился знакомый парень из посельщиков – Захарка.

– Хлеб да соль, – проговорил он, снимая с головы колпак.

– Милости просим, – сказала хозяйка.

– Да я... Это... С тобой, Мартын Иваныч, поговорить надо. Старшой наш Василий меня к тебе послал.

– Знаю, поди, о чем разговор будет, – недовольным голосом сказал лавочник, выходя из-за стола и подходя к Захарке. – Ну и за чем тебя послали?

– А надо, Мартын Иваныч, бутылку рому. Упластались так на сплаве сегодня, что невмоготу. Запиши на старшого Василия. Он так наказывал.

– А ежели у меня тут дома нету, а лавку я отпирать не буду.

– Тогда Василий сам сюда явится. Да ты не жми, Мартын Иваныч. Он тебе заплатит.

Мартын подошел к большому ларю, покрытому пестрядиной, приподнял крышку и, достав из него большую, темного стекла бутылку, протянул ее Захарке.

– На, – сказал Мартын, – да передай Василию, что в последний раз в долг даю. Пусть придет и рассчитается.

– Да ты не бойся, Мартын Иваныч. Мы скоро рассчитаемся... За все рассчитаемся... Как только срок придет.

Мартын хотел было что-то сказать, но только рот раскрыл, а Захарка уже и дверью хлопнул. Видно было, что слова посельщика Захарки ему не понравились и даже как-то встревожили и насторожили.

– Петька, – позвал он своего сына-подростка, – беги за ним... Они, посельщики, там у себя в казарме, видно, толковище развели. Поди, послушай, о чем они толкуют, да смотри, поосторожнее.

Петька кивнул, выскочил из-за стола и побежал из избы вслед за Захаркой.

В полуzemлянке-казарме мужики все еще сидели за столом, разговаривали о задуманном ими предприятии и замолчали, когда скрипнула дверь, и в казарму вошел Захарка.

– Ну что? Спроворил? – спросил его Василий.

– А то как же! Есть! – весело ответил Захарка и поставил бутылку с ромом на стол.

– А ты никого за собой не привел?

– Не... Никого.

– Посмотри все же. Мало ли что.

Захарка вновь отворил дверь и быстро оглядел темный заулок. Но не увидел затаившегося там сына лавочника Петьку.

– Говорю, что никого, – вымолвил Захарка, подходя к столу. – Да и кому быть-то? Все уже по домам сидят, а у нас тут что – медом намазано? Скажите лучше, что вы урядили, пока я ходил?

– А то и урядили, – сказал Василий, – что всех господ наших порешить, а самим на судно, и поминай нас как звали. Доберемся до теплых краев, тогда там судить да рядить будем.

– А тут как? Завтра же и дело начнем? – спросил возбужденный Захарка.

– Экой ты быстрый какой, – усмехнулся Василий. – Такое дело скоро не делается. Готовиться будем. У тебя вот среди туземцев знакомые есть?

– Как нет-то? Есть. Из тех, кто торговать с того берега приплывают. Недавно один был. Мне девку привозил за пачку табаку. А чо?

– Да ходит слух, что туземцы собираются на нашу крепость напасть. Вот и договориться бы с ними, да воспользоваться этой заварушкой...

...Дальше Петька, стоявший за дверью, слушать не стал и, тихо отойдя от казармы, бросился бегом к своему дому, а, прибежав к отцу, от волнения и страха еле начал говорить.

– Ну что там стряслось? – поторопил сына Мартын.

– Так посельщики бунт замышляют!

– Бунт?! Что говорят? Сказывай скорее!

– Говорят, что всех господ порешат.

– Кого?

– Правителя Баранова, Кускова и всех, видно, начальников и чиновных, кто попадется.

– А дальше что собираются делать?

— А дальше, говорят, захватим судно и поплыvем к теплым островам, а здесь, дескать, жизни нам нет никакой. Там же воля вольная.

Теперь засуетился Мартын.

— Я побегу к Баранову, а ты за Кусковым. Ждите нас.

Лавочник быстро накинул кожан и выскочил из дома.

В большой зале дома правителя собралась вся семья Баранова. У книжного шкафа за маленьkim столиком, освещаемым большой и яркой свечой, сидел Антипатр и громко читал книгу о приключениях Робинзона Крузо.

— ...«Из дневника... Тридцатого сентября тысяча шестьсот пятьдесят девятого года, — читал Антипатр. — Я, несчастный Робинзон Крузо, потерпев кораблекрушение во время страшной бури, был выброшен на берег этого угрюмого злополучного острова, который я назвал островом Отчаяния. Все мои спутники с нашего корабля потонули, и я сам был полумертв. Весь остаток дня я провел в слезах и жалобах на свою злосчастную судьбу. У меня не было ни пищи, ни крова, ни оружия... Мне казалось, что меня или растерзают хищные звери, или убьют дики, или я умру с голода, не найдя никакой еды. С приближением ночи я взобрался на дерево и отлично выспался, несмотря на то, что всю ночь шел дождь. Проснувшись поутру, я увидел, к великому моему изумлению...»

На лестнице дома вдруг послышались какие-то голоса, топот ног, и Антипатр прекратил чтение. Тут же на пороге показался и сам нарушитель тишины. Это был приказчик кормовой лавки Мартын Кабаков.

— Александр Андреевич, батюшка, — с порога испуганно произнес лавочник, — беда.

— Что приключилось, Мартын? Туземцы?!

— Нет. Наши посельщики против тебя сговариваются. Убить хотят!

— Где они? Сюда идут?

— Нет, Александр Андреич. Они в землянке-казарме у Васьки Панкова сидят. Ихний Захарка Лебедев за ромом ко мне прибегал и, вроде как с намеком, сказывал мне, что скоро-де за все

рассчитаемся... Ну, я Петьку своего и послал вслед. Он и подслушал у двери их разговор.

– Что слышал?

– Порешим, дескать, всех господ, захватим какое-нибудь судно и уйдем на нем в теплые края на какие-то острова.

– Так, так... Стало быть, и впрямь заговор готовят. Беги за Кусковым, Мартын.

– А я уже Петьку своего к нему послал. Сейчас тут будут.

– Ну, тогда пошли.

Баранов быстро сходил в свой кабинет и вернулся с двумя пистолетами в руках, затем решительно толкнул ногой дверь.

– Побереги себя, Саша, – крикнула ему вдогонку испуганная жена.

– Оставайся с детьми, мать. Скоро приду и расскажу. Все хорошо будет. Не бойся...

С Иваном Кусковым и Петькой они встретились у крыльца дома правителя и быстро спустились по лестнице. Потом таким же быстрым шагом пошли по улице к полуземлянке посельщиков. Баранов шагал впереди, держа в руках пистолеты. У Кускова тоже был пистолет.

– Я за караульными послал, Александр Андреич, – на ходу бросил Кусков.

– Зачем? – откликнулся Баранов. – Потом бы... Сейчас я сам хочу их видеть и слышать.

– Мало ли что будет и как дело обернется, – еле поспевая за Барановым, сказал Кусков...

...А в полуземлянке Панкова продолжалось веселье, когда резко откинулась от удара сапога Баранова входная дверь, и через порог казармы шагнул он сам, в распахнутом камзоле и с пистолетами в руках.

Посельщики, сидевшие за столом, от неожиданности будто онемели и мигом замолчали. В этой тишине Баранов подошел к столу.

– Ну, так это кто из вас меня убить хочет? – громко спросил правитель и, взяв пистолет за дуло, протянул одному из посельщиков, потом другому, третьему.

– Ты?! Ты? А может, ты?! Нате, возьмите, стреляйте!

Все молча внимали происходящему.

– Молчите? Тогда говорите, кто задумал этот бунт? Кто зачинщик?

– А какой бунт, ваше превосходительство? – первым заговорил Василий Панков. – Никакого бунта тут нет. Собрались, выпили по чарке рому, разговор ведем.

– О том, как всех начальников перебить и в бега на теплые острова податься?! – гневно крикнул Баранов.

– О том, что жизнь тут для нас, посельщиков, невыносима боле, – спокойно сказал Панков, а за ним заговорили и остальные.

– Здесь хуже, чем на каторге.

– Живем впроголодь! А работаем на лесоповале и сплаве.

– У нас даже хлеба нет. Местные люди, туземцы, вместо него и сырую рыбу едят, а мы не туземцы, чтобы сырую рыбу жрать!

– Вон третьего дня Митья Веригин ракушек на берегу наелся, а вчерась помер.

– Одежонки сносной и той нет, а купить не на что. В лохмотьях ходим.

– Все в долгах, как в шелках!

– В Сибири и то лучше.

– Сибирь – Россия, родная сторона!

Посельщики еще многое могли бы сказать правителю Баранову о своем житье-бытье, но он прервал их выкриком:

– Вы все привезены сюда на поселение указом государевым!

Здешняя земля американская – продолжение земли российской, и порядки тут, как и везде в России. Я не позволю бунтовать! А тяжело, так и всем тяжело. Разве я живу в роскоши? Разве я не обитал в землянке, не питался, как и все, чем придется, разве я прятался за спины других в стычках с туземцами, разве не был ранен, разве я не рубил лес вместе с вами, когда строили крепость?

– То все было, – согласно проговорил Василий Панков, – а мы и по сей день в нищете и голоде.

– От раздора, что вы затеяли, пользы никакой не будет. Ни

вам, ни нам, ни Отечеству... Надо всем быть вместе. Раскол же вредит нашему, да и любому делу. Легко переломить один прут, а ты попробуй переломить веник... И царства, и грады, и целые общества, расколовшись на части, обречены на гибель. Вы пошли на раскол и достойны за это наказания... Взять всех! – приказал Баранов пришедшем к тому времени караульным с ружьями.

– Погоди, господин Баранов, – попытался остановить правителя Василий Панков. – Я старшой у этих людей, и мне отвечать за всё. А они ни в чем не виноваты. Бери под арест и суди меня, ежели вину мою сыщут...

– Властью, данной мне государем, я беру под арест всех. А там разберемся о мере вины каждого. В железа всех! На гуптвахту! – еще раз приказал Баранов и, резко повернувшись, вышел за порог...

...На другое утро все население Ново-Архангельска уже знало о ночном приключении и об аресте артели посельщиков. Одни их осуждали и говорили, что, затеяв такое дело и задумав вершить его через тяжкий грех смертоубийства, они думали только о себе, другие их жалели, говоря, что посельщики пошли на дело сие от отчаяния, третью же были рады, что бунт удалось заглушить в самом его начале и что, слава Богу, не дошло до кровопролития. Но все знали одно: правитель Баранов им, посельщикам, этого не простит, выявит зачинщиков и отправит с первым же судном в Охотск, где их будут судить.

Не остался в стороне от этих разговоров и отец Никодим. Его священнический сан обязывал помогать заблудшим душам и злым сердцам человеческим обрести покой через любовь, ибо сказал Господь: «Да любите друг друга».

С этими мыслями отец Никодим и вошел в кабинет Главного правителя русских земель Баранова. Александр Андреевич, увидев священника, вышел из-за стола, за которым работал с бумагами, и подошел под благословение.

– Господь благословит, – проговорил отец Никодим, осеняя крестным знамением правителя.

– С чем пожаловал, отец Никодим? – первым начал разго-

вор Александр Андреевич. – Уж больно редкий ты гость в моем доме.

– Да и ты, Александр Андреевич, не больно часто молиться в наш дом ходишь, – сказал в ответ священник.

– Да всё как-то недосуг, отец Никодим. С утра и до вечера каждый, считай, день в заботах разных пребываю. Хозяйство у меня, ты и сам знаешь, больно велико и беспокойно.

– Знамо, что велико, так ведь всё делается по воле Божией, и молитва ко Господу бывает всегда человеку в помощь.

– Молюсь я, отец Никодим, молюсь ежедень дома, – кивнул на иконы, висевшие в углу кабинета, Баранов.

– Дома молиться хорошо. Но когда ты, Александр Андреевич, в храме нашем чаще бывать станешь, то и народ, видя это, потягнется в церковь тоже чаще и больше.

– Упрек твой, батюшка, я принимаю, и возразить тут мне нечего.

– Я не упрекаю и не осуждаю. Я просто размышляю... И вот еще о чем душа моя болит, – священник остановился и пристально глянул на Баранова.

– Слушаю тебя, отец Никодим. Давай, выкладывай свою заботу.

– Нет тут у нас, на Ситхе, настоящего Божьего храма. На Кадьяке есть, а у нас нет. Ютимся, прости Господи, чуть ли не в сарае, который и церковью-то трудно назвать. А ведь обещал ты храм построить, да сколько уже лет твоему слову минуло?

– А я и в сей день, отец Никодим, ничего тебе сделать не могу. Молитесь пока там, где теперь служите, – ответил Баранов.

– Молиться можно и под кустом, а вот службу Господу отправлять и требы творить надо воистину в Божием храме. Да и народу молящегося у нас поприбавилось. Все мы там не умещаемся. Одним словом – храм нужен, и надо его строить.

– Разве я не построил церковь на Кадьяке? Разве не помогаю причту хлебом, деньгами, книгами и всем прочим?

– Все так, Александр Андреевич, да я не о том речь веду, что было на Кадьяке, то там и осталось. Господь тебе этого не забудет, да и люди тоже тебя добром поминать будут... Ныне же стараниями твоими мы тут основались и, видно, надолго.

Теперь много венчаем алеутов и туземцев, крестим во имя Отца и Сына и Святого Духа.

– Погоди, отец Никодим, придет очередь и до храма. Всему свой срок. Да и людей у меня сейчас нет.

– Как нет? Слышал я, что ты вчера многих посельщиков в холодную посадил.

– Да... Тех, кто поднял бунт, умыслив меня, Кускова Ивана Александровича, и многих иных начальников перебить и на судне бежать в теплые страны.

– Да, страшнее бунта с убийством ничего нет... И что будет с ними, Александр Андреевич?

– Проведем сыск и накажем каждого, по вине смотря... Вот придет судно из Охотска, то отправлю зачинщиков мятежа туда. Там судить будут, или в Иркутске.

– А может быть, привести их всех к покаянию? Раскаявшийся грешник Господу угоден. Да отправить на дальний редут для исправления. Они же все люди православные.

Но Баранов с таким предложением священника не согласился, и видно было, что для него это дело уже решенное.

– Нет, отец Никодим, – твердо сказал правитель. – С бунтовщиками должно разговаривать иным языком, дабы другим неповадно было такие дела творить.

– Но ведь жизнь посельщиков и впрямь весьма тяжела. Работа прямо-таки каторжная, живут впроголодь. Если же судить их будут в Охотске или в Иркутске, то на суде откроются многие истины ко вреду и срамлению компаний.

– А вот об этом, отец Никодим, позволь мне самому размышлять и поступать так, как мне сие дело видится.

Разговор явно не складывался, и отец Никодим поднялся с кресла, на котором сидел во все время бесплодного, как ему теперь казалось, визита к правителью.

– Конечно, конечно, Александр Андреевич... Но скажу прямо: сожалею, что не получился у нас разговор. А жаль... Мы ведь одно дело делаем... Но я всё равно буду молиться за тебя, Александр Андреевич... Господь милостив.

Отец Никодим вышел из кабинета Баранова, так и не дождавшись от Главного правителья никаких слов.

Баранову же и впрямь было сейчас не до таких разговоров. Схватка с индейцами была неотвратима. Он это чувствовал и часто проверял караулы.

Вот и после визита к нему отца Никодима Баранов позвал своего помощника Ивана Кускова, и они направились в очередной обход крепости. В верхней ее части они подошли к караульной вышке у самой лестницы, возле которой на столбе «глаголем» висел колокол.

– Что видно, Афанасий? – спросил Баранов караульного.

– А всё как на ладошке, ваше высокоблагородие!

– Ну и что же ты видишь на этой самой ладошке? Не заметил ли чего необычного?

– Да нет, ничего такого, ваш-выс-бродь! Туземцы там, за воротами, до самого вечера торгуют, а потом домой упливают. К воротам же и близко не подходят. Видно, что соблюдают уговор, да и ребята наши там на карауле крепко стоят.

– Это хорошо... Поглядим и мы сейчас там. А ты все же, Афанасий, и все, кто тут на карауле стоит, туда особо поглядывайте. Если и полезут к нам туземцы, то только с этой стороны.

– Слушаюсь, ваш-выс-бродь!

– А ты, Иван Александрович, прикажи сегодня же из той вон батареи четыре пушки сюда перекатить. Да чтобы заряжены были картечью.

– Слушаюсь, Александр Андреич. Все сделаю сегодня непременно.

– А кто у нас нынче на промысле? – поинтересовался Баранов.

– Партия Тараканова на шхуне «Чириков», а с ним сотня алеутов.

– Когда придут?

– Не сегодня, так завтра обязательно. Все сроки уже прошли.

– Скорей бы, – озабоченно произнес Баранов, и они стали спускаться по лестнице на нижнюю часть крепости.

Глава десятая

«Альбатрос» пирата Самуэля Гельбера стоял на якоре в небольшой бухточке недалеко от берега, когда к нему подошла лодка с сидевшими в ней индейцами. На судне их давно заметили, позвали переводчика и крикнули с борта:

– Что надо?

– Капитана надо, – крикнул в ответ один из индейцев. – Я – Сайгинах. Меня послал к вашему капитану вождь Котлеан.

– Будет вам капитан, – ответил через какое-то время матрос и с борта судна спустил к лодке веревочный трап.

Сайгинах забрался по нему на борт судна, где его встретил Гельбер.

– Капитан слушает тебя, говори, – сказал индейцу переводчик.

– Я от вождя Котлеана. Он передает капитану Гельберу, что будет готов атаковать крепость русских на Ситхе через два восхода солнца на третьем.

– Хорошо, – кивнул в ответ Гельбер. – Мы тоже будем готовы. Передай вождю Котлеану, что в ночь перед третьим восходом солнца мы подойдем ближе к острову Ситха. Мои люди будут ждать с ночи же в лесу у крепости начала атаки ваших воинов и поддержат их.

– Я все передам нашему вождю Котлеану, – сказал Сайгинах и спустился обратно по трапу в лодку...

...В большом мужском доме-каждиме индейцев-колошей, рядом с которым возвышался тотемный столб с вырезанной и как бы сидящей на нем фигурой птицы ворона, охраняющей поселение от злых сил, собрались старейшины племени во главе с вождем Котлеаном.

– Нанкок побывал на острове в крепости русских, – сообщил собравшимся вождь. – А Сайгинах был у капитана Гельбера. Тот передал мне, что его люди поддержат нас... Говори теперь ты, Нанкок.

– В крепость нас непускают, – начал Нанкок. – Мы попали туда через пристань, но меня караульщики вывели за ворота.

Говорят, что так приказал их правитель Баранов. В крепости я заметил еще людей с ружьями.

– Может быть, правитель Баранов прознал что-нибудь о предстоящем штурме его крепости? – предположил Котлеан.

– Я так не думаю... Он осторожен: ведь многие из его людей сейчас на промысле. Да и наших стало больше торговать на острове недалеко от стен и ворот. Они отплывают только к вечеру, когда закрываются ворота.

– Пусть и сейчас так делают. Пусть всё будет как всегда. А лодки воинов подплывут к острову вместе с теми, кто плывет туда для торговли.

– Да, вождь Котлеан, – согласился Нанкок.

– Много ли их людей у ворот? – опять спросил вождь.

– Немного. Я заметил двоих, но они к воротам никого непускают и близко.

– Значит, сразу мы из пушек ударим по воротам и после начнем атаку!

– Будет много шума раньше времени, вождь Котлеан, – не согласился Нанкок. – Открыть ворота можно по-другому и без шума.

– Как? Говори, Нанкок.

– У русских в крепости голод на женщин. Если привести каравульным наших женщин, то они не устоят. И ворота будут открыты без выстрелов. А пушки понадобятся для обстрела верхней крепости, где у русских тоже стоят орудия.

– Все ли согласны с Нанкоком? – обвел взглядом Котлеан сидевших перед ним старейшин своего племени.

В знак согласия мужчины склонили головы.

– Сигнал к началу – открытые ворота. Идите и готовьтесь к назначенному часу. Да будет так! С нами Ворон!..

И раньше назначенного часа, когда чуть забрезжил рассвет, но еще не поднялось солнце, на поляне, которую окружали жилые хижины поселения колошай и на которую с высоты тотемного столба гордо и строго взирал вырезанный из дерева ворон, собрались воины. Лица их были измазаны цветной глиной, и, собравшись в круг, они стали танцевать боевой танец.

Руководил всем этим ритуалом шаман племени в деревянном резном колпаке в виде головы того же ворона. Он исполнял разные телодвижения под удары своего бубна в середине широкого круга воинов. Под конец танца колоши посыпали свои головы птичьим пухом и перьями.

Потом они сели в лодки и по знаку вождя Котлеана поплыли на Ситху вместе с теми, кто там собирался сегодня торговать с жителями русской крепости.

Утром, когда над горами матерого американского берега поднималось веселое солнце и начинало свой дневной небесный путь, на земле тоже все просыпалось и оживало.

Вставали ото сна и жители Новоархангельской крепости, оживлялись ее улицы, по которым трудовой люд расходился по своим делам. Кто на пристань, кто в компанейскую контору, мастерские, склады, на верфь и прочие заведения столицы Русской Америки. Шел новоархангельский народ и на береговой торг за крепостной стеной, куда уже прибывали лодки индейцев-колошней с их немудреным товаром: соленой, ветряной, сушеной и свежей рыбой, ягодами, шкурами лесных зверей. Только видно было, что сегодня их, торгующих индейцев и индианок, высадилось на берег намного больше обычного, но на это как-то никто не обратил внимания...

К воротам крепости на Ситхе, возле которых стоял караульный, приблизилась небольшая толпа индейцев, среди которых были две женщины-колошанки. Караульный еще издали заметил их и, сняв с плеча ружье, замахал рукой, выйдя в узкие пешеходные двери ворот.

– Стой! Стой! Нельзя вам сюда! Поворачивай обратно! – кричал он приближающимся индейцам.

Индейцы послушно остановились, но один из них, а это был Нанкок, подошел к часовому.

– Подожди, не кричи... Мы плохо не хотим... Тебе баба надо?
– сказал Нанкок.

– Какая еще баба? – не сразу понял часовой.

Нанкок наклонился и что-то сказал караульному на ухо.

Тот, поняв, о чём идет речь, заулыбался и в нерешительности замялся.

– Так это... нельзя мне... На службе я...

– А ты позови кого-нибудь постоять за тебя. Смотри, – Нанкок подал знак рукой.

Индейцы расступились, и вперед вышла миловидная девушка-колошанка.

– Бери ее... А мне табака надо... Табака давай.

– Так напарник-то в караулке спит, – расстроено молвил караульный, глядя голодными глазами на девушку. – Разве что... Эй, Тимка! – позвал он проходившего мимо парня.

– Чего тебе, Данила? – подошел тот к часовому.

– Тут такое дело, Тимка... Ну, это... ты постой тут, а я сейчас в караулку схожу и скоро приду. Ты только их даже до ворот не пускай.

– Знаю... Не впервой.

Караульный передал ружье Тимке и, взяv индианку за руку, поспешил с ней в караульную избу.

– Это дело зело хорошее, – смеясь, сказал Тимка и крикнул вдогонку Даниле: – Оставь и мне немножко!

– Ты тоже бабу хочешь? – спросил Нанкок Тимку.

– А кто ее не хочет?

– Смотри, – сказал Нанкок, и опять индейцы расступились, выпуская вперед еще одну свою молодку. – Бери...

– Я бы взял да заплатить нечем, табаку нет, – с сожалением проговорил Тимка.

– Можно и не табаку, – сказал Нанкок. – Мука есть? Одеяло есть?

– Есть-то есть, да только дома, – загорелся и Тимоха рядом с молоденькой колошанкой. – Подождать надо. Сейчас Данила придет.

– А ты его вряд ли скоро дождешься. Их же там двое. Так зачем тебе ждать. Беги домой, а мы тебя тут сами подождем.

– Только не тут, а вон там, подальше от ворот ждите, а сюда, за ворота, чтобы ни ногой, а то и вам и мне худо будет. Поняли? – сказал Тимка Нанкоку.

– Понял, понял. Как не понять. Беги.

– А я сейчас сбегаю домой! – уже на ходу прокричал Тимка и, приставив ружье к воротному столбу, побежал по улице.

Нанкок же со своими людьми быстро вытащил засов и распахнул ворота, что послужило сигналом для всех колошских воинов к началу штурма.

Толпа индейцев с криками и гиканьем бросилась к воротам русской крепости.

Караульные на вышке в верхней ее части сразу увидели бегущих к воротам индейцев и услышали их воинственные крики. Тут же раздались удары сплошного колокола, взвился на шесте красный тревожный флаг, и первый выстрел из пушки встретил картечью первых добежавших до крепостных ворот туземцев.

Услышав выстрел пушки и звон колокола, из домов, бараков и казарм выбегали обитатели крепости. Захлопали калитки, закричали дети и женщины, пытаясь бегом преодолеть расстояние до лестницы, где заранее были вырыты шанцы и их уже занимали вооруженные промышленные люди.

Возле домов, защищая женщин и детей, мужчины из ружей стреляли в сторону ворот, в которые лезли колоши, тоже стреляя из луков и ружей.

...Для Алёны и Ивана сегодняшний день обещал быть радостным. Испросив на днях благословение у отца и матушки Алёны, они с Иваном сходили к отцу Никодиму, и он с радостью назначил им время венчания.

Хоть и редко бывают на Ситхе солнечные дни, но их всё же больше, чем на Кадьяке. Такой солнечный день обещал быть и теперь, когда Иван и Алёна пришли в церковь, где их встретил отец Никодим с дьяконом своим, отцом Василием. Утренней службы в храме не было, и отец Никодим в праздничном одеянии готовился венчать сегодняшних новобрачных, Алёну и Ивана. Невеста, одетая в нарядный сарафан, в сей торжественный час была особенно мила и красива, да и жених в праздничном кафтане и белой, подпоясанной узорным поясом из китайского шелка рубахе был под стать своей избраннице. Оба беловолосые

и синеглазые, они не только подходили друг другу, но и походили друг на друга.

В церкви собирались близкие новобрачным люди: со стороны жениха его друг и помощник Фёдор Корюкин да друзья-рудознатцы, а с невестиной – отец с матушкой, братец с сестрицей да девушки-подружки...

...Отец Никодим поставил молодых перед аналоем, сам же прошел в алтарь через боковую дверь и, распахнув святые ворота, стал читать положенные по такому случаю молитвы.

И началось таинство церковного бракосочетания, когда неизъяснимой радостью и любовью наполняются души всех, кто участвует в этом таинстве...

...Отец Никодим уже водил брачующихся Ивана и Алёну с венцами на головах вокруг аналоя, взяв их руки своей рукою, а дьякон пел «Возложил еси на главах венцы», когда донеслись и сюда уханья пушек и ружейная пальба.

Отец Никодим невольно закончил венчание, молодые сняли с голов венцы и вместе с дружками выбежали на улицу, где перед их глазами представилось невиданное зрелище бегущих и орущих в панике людей.

Отец невесты, Сысой Слободчиков, сообразил первым о том, что произошло.

– Иван! Береги Алёну и ребят, а я в окопы! Это колоши! – крикнул он и бросился к шанцам у крепостной лестницы.

– У меня штуцер дома. А ты, Алёна, будь здесь с ребятами. Я скоро.

– Нет, Ваня, я с тобой. Только с тобой! А за ребятами и матушкой отец Никодим присмотрит!

– Бегите! – крикнул отец Никодим. – Я всех здесь спрячу. Да хранит вас Господь!

Дом Ивана стоял рядом с церковью, и они с Алёной успели туда. Неожиданно у самого крыльца столкнулись с Нанкоком.

– Нанкок? – изумленно воскликнул Иван. – Ты чего тут?

– Я говорил тебе, Иван, что скоро приду. Вот и пришел. Ты мне свою бабу должен... Давай, – проговорил быстро Нанкок и схватил Алёну за руку.

– Отойди, гадина! – сразу все поняв, закричал Иван и замахнулся на индейца, но получил удар сзади от одного из людей Нанкока и упал без чувств.

– Ваня! Ванечка! – кричала, плача, Алёна, схваченная индейцами.

– Жив твой Ваня. Я убивать его не стану. А ты пойдешь со мной!

– Нет! – крикнула Алёна. – Уйди, образина! Ваня-а-а!

Алёне связали руки, заткнули рот тряпицей и куда-то повели. Уходя, Нанкок глазами и кивком головы показал одному из индейцев на лежащего Ивана. Тот замахнулся над Иваном рукой с ножом, но сам упал, сраженный чьей-то пулей...

...А между тем картечь и ружейные пули остудили горячую кровь нападавших на крепость колошай, чьими телами была устлана площадь у главных ворот русского форта. К тому же от причала из пушек по временному лагерю индейцев открыли огонь стоявшие там на рейде суда, а от них в лодках устремились к форту люди на помошь защитникам. Да и пушки Гельбера мало помогли Котлеану. Видя, что быстрого и неожиданного набега и захвата русской крепости не получилось, Котлеан дал команду своим людям на отход к берегу...

...Нанкок вместе со всеми отступающими соплеменниками торопился к лодкам. Он в одиночку тащил на плече связанную, с тряпицей во рту и стонущую Алёну, когда недалеко от ворот, возле горящего барака, натолкнулся вдруг на отходивших к берегу матросов Гельбера.

– Кого несешь, приятель? – спросил по-английски один из матросов.

– Жена моя будет. Хороший русский баба, – сказал Нанкок, хотя и не понял, о чем его спросили.

Матрос, приподняв белокурую голову Алёны, глянул ей в лицо.

– О! Она прекрасна, ребята! Хороший подарок нашему капитану!

– Да и нам достанется, – согласился другой матрос.

– Мы берем у тебя эту девку, приятель, – сказал Нанкоку первый и стал снимать Алёну с плеча Нанкока.

Тот, поняв, что хотят от него матросы, возмутился, ухватился за девушку и стал что-то кричать, не отпуская Алёну. Но один из матросов, приставив к телу Нанкока пистолет, нажал на курок, и индеец свалился на землю замертво.

Матросы выбежали из крепости и направились к своим лодкам, неся на руках Алёну. Положив свою ношу в широкую байдару, люди Гельбера сели за весла и поплыли к стоявшему вдалеке за береговым мысом на якоре их кораблю.

«Альбатрос», приняв на борт своих матросов и Алёну, снялся с якоря и стал удаляться в океан под всеми своими парусами.

ЧАСТЬ III

Глава первая

Над Ново-Архангельском моросил дождь: обычная погода в этих краях в дни поздней осени. Ветер с моря катил на берег высокие волны, которые разбивались о прибрежные скалы, и вееры белых брызг взлетали в хмурое небо.

Правитель Аляски и всей Русской Америки Баранов сидел в своем кабинете и явно кого-то ждал. Он то склонялся над столом, где лежала какая-то карта, то подходил к окну, то поглядывал на дверь.

Наконец в коридоре послышались шаги, дверь отворилась, и на пороге появился Иван Александрович Кусков.

– Звал, Александр Андреич? – от порога спросил он.

– Звал, голубчик, звал и очень даже жду тебя, – ответил озабоченный чем-то правитель.

– Уж не случилось ли чего, Александр Андреич?

– Пока еще не случилось, но вот-вот может случиться. А точнее, уже через неделю.

– И что же? – уже с некоторым беспокойством спросил Кусков.

– Так ведь скоро зима случится, Иван Александрович, – улыбнулся Баранов.

– Эко! – воскликнул, засмеявшись, Кусков. – Зима всякий год после осени приходит.

– Всякий, да по-разному... Не дай Бог, если будет бескорми-

ца. Я сей день ходил по складам, так скажу тебе, что мы не так уж и богаты съестным припасом. Овощи ныне вымокли, картофель тоже. Рыбы пока маловато, но надежда есть, что еще добудем. Но кто знает – когда? У туземцев рыба и мясо есть, да нам менять не на что.

– Рыбы надобно больше заготовить, – согласился Кусков. – Косяки сельди еще пойдут.

– Добро бы так, но опять же соли маловато. Правда, я ожидаю судно компанейское, да оно, видно, из-за непогоды задерживается.

– Но отчаяваться не надо, Александр Андреич. Может, иностранец какой к нам зайдет с запасом съестного, как уже бывало.

– А я и не отчиваюсь, Иван Александрович. Думаю, что не будет такой зимы, когда ракушек ели. Перезимуем. Но каждую зиму так рисковать не следует. Вот я и подумал, что спасти нас может, как и бывало, только Калифорния.

– Ну что же, можно и туда сходить. Путь хоть и не близкий, но нами хоженый.

– Ныне этого будет уже мало, Иван Александрович... Пришла пора основать там, на калифорнийском берегу, нашу новую оседлость.

– То нам еще камергер Николай Петрович Резанов советовал, когда на «Юоне» привез провизию из Калифорнии, – сказал Кусков.

– Помню я, Иван Александрович, помню, что советовал Николай Петрович основаться нам в Калифорнии... Но всему свой срок... Сколько у нас тут, на американской земле, оседостей? Не забыл?

– Как же можно забыть, Александр Андреич. Четырнадцать на сей день.

– Стало быть, в Калифорнии будет пятнадцатая. Ново-Архангельск – северная столица Русской Америки, а там, в Новом Альбionе, будет южная столица наших владений. Согласен ли?

– Еще бы...

– Ну тогда тебе, Иван Александрович, подлежит свершить дело сие.

– Мне? – удивился Кусков. – Да мало ли под твоей рукой мореходов да строителей ходит, Александр Андреич.

– Не в навыках мореходных дело, – сказал Бааранов.

Он встал с кресла, вышел из-за своего стола и заходил по кабинету.

– Ты мой помощник уже многие годы, Иван Александрович, и я видел тебя во всех делах наших, и потому тебе верю, – говорил Бааранов, прохаживаясь перед Кусковым. – Да к тому же ты в звании коммерции советника состоишь, а значит, со всеми в той земле людьми можешь переговоры вести, в пользу нашей компании, разумеется. Ну, а что касается строительства крепостей и редутов, так ты мне ничего и не говори.

– А мне и сказать нечего. В твоих словах много лестного мне, и я лишь благодарен тебе за доверие в делах наших.

– Сколько раз ты в Калифорнию хаживал? – поинтересовался Бааранов.

– Уже пять раз ходил. Последний раз – нынешней осенью, совсем недавно.

– Знаю, знаю... Помню даже, сколько ты бобровых шкур оттуда привез – тысячу сто шестьдесят. Так ведь?

– Все так... Добыли мы тех бобров в заливе у испанской миссии Сан-Франциско.

– Ты и берега тамошние на карту начертал... Вот и давай-ка над ней покумекаем, поразмышляем, – пригласил Бааранов своего помощника к большому столу у окна, на котором лежал чертеж.

– Я мыслю так, – вновь заговорил Александр Андреевич. – Пойдешь в Калифорнию опять на шхуне «Чириков», когда вся экспедиция готова будет. Шхуной командовать я положу опять же Бенземану Христофору Мартынычу. Сей мореход надежный. Возьми с собой еще Сысоя Слободчикова да Тимофея Тараканова. Они не раз к тем берегам хаживали и дело знают. Согласен ли?

– Согласен и за всех готов поручиться.

– Ну и, знамо дело, будут с тобой алеуты-зверобои да наши промышленные люди разных ремесел... Далее, – наклонился над картой Бааранов, – чтобы не дразнить испанцев, следует

тебе поискать место для поселения где-нибудь вот здесь, севернее форта Сан-Франциско, у залива Бодего.

Баранов ткнул пальцем в карту.

– А мы его, Александр Андреич, залив этот уже заливом Румянцева зовем. Поправь на карте-то. И доска тут вот, на мысе зарыта, что это «Земля российского владения».

– Сие мне ведомо, Иван Александрович.

– Я давно те места присмотрел. И реку там, что выше залива в океан впадает, назвали мы рекой Славянкой. Так что течет теперь по земле калифорнийской русская река.

– А вы не поспешили?

– Нет, Александр Андреевич. Севернее испанской миссии Сан-Франциско и до самого, считай, устья реки Колумбии совсем нет испанских фортов.

– А ты напрасно так думаешь. Не забывай, что те земли тамошних племен индейских. Тебе с ними придется дело иметь.

– А я уже имел. Приходилось. Только я тебе не сказывал до поры, а теперь, видно, время пришло о сем говорить.

– Ну и что те индейцы? Можно с ними договориться?

– А я уже, считай, договорился. Из тамошних вождей есть у меня добрый знакомец. Зовут ВАЛЕНILLA. Так он готов нам сколь угодно земли дать. Лишь бы мы его людей от испанцев защищили. Тех они не жалуют за жестокость их и обман. А к нам они дружелюбны.

– И вы уж будьте с ними поласковее. Дела с ними вершите полюбовно. Ничего у них без платы не берите, а кто сие сделает, то пусть наказан будет. Землю у них под нашу оседлость тоже надо купить и договор о сем составить. Не обижать тех детей природы, а жить с ними в дружбе и согласии надобно.

– Мы так всегда делали, да и впредь, конечно, будем. Все согласно русским обычаям и по вере нашей православной... Обидно только, что поздно взялись за сие предприятие в Калифорнии. Жаль, что Резанов доехать до Петербурга не смог, а то бы все это побережье уже давно стало под рукою России.

– Я думал о том, Иван Александрович. Даже письмо писал в столицу, но что поделаешь. Воля не наша... Приказа из Пе-

тербурга как не было, так и нет. Боятся, видно, там скандала с Мадридом.

– Но ведь и теперь может быть скандал.

– Беру на себя сей страх и риск, – твердо изрек Баранов. – У нас просто другого выхода нет, как договариваться с испанцами самим.

– Да, видно, в Петербурге теперь не до нас. Там ныне вся Европа в огне войны горит, – согласился Кусков.

– Что касательно Резанова, то я был весьма огорчен его кончиной в Красноярске. Он бы смог даже перед самим государем порадеть за нас... Да, вот, кстати, тебе еще одно поручение.

– Слушаю, Александр Андреевич.

– Знает ли комендант форта Сан-Франциско и дочь его, которую, кажется, Кончитою звать, что жених ее Резанов окончил дни свои в Красноярске?

– С отцом ее, доном Аргуэльо, с братом Луисом, который ныне вместо отца там комендантом, и с ней самой я разговор имел. Но она не верит, все еще ждет своего жениха. Ходит встречать всякое судно, приходящее в гавань, и целыми днями сидит на берегу. А ведь уже пять лет минуло, как Николай Петрович хлопотать поехал о разрешении на брак с нею у государя нашего.

– Я напишу письмо ее отцу. Вот и будет у тебя повод посетить испанскую миссию. Ну да ладно, давай о главном... На судно, как я уже тебе говорил, возьми с собой, сколь надо, мастеровых людей: плотников, кузнецов, дровосеков и прочих, кого сам захочешь. Да инструменту поболе... Пилы, топоры, полосовое железо, гвозди... Всё, что потребуется на стройке. Да и туземцев одаривать надо.

– Я так понял, Александр Андреич, что мы там садимся на долго. Так что, выходит, мне и жену мою, Екатерину Прохоровну, надобно с собой брать?

– Бери непременно. Она помогать тебе будет в твоих отношениях с тамошними туземцами, дела для нее там найдутся. Вот хотя бы учить детей туземских языкам нашему и грамоте.

– Да и то надо думать: как же мне без нее-то. Никак без супруги нельзя.

– Алеутов возьми с байдарками. Пусть там зверя бьют. О главном промысле забывать не след. Да и на стройке крепости они помогут.

– Зверя там нынче мало. Испанцы сами бобров морских побывивали. Они промыслу нашему завсегда препятствия чинят.

– А ты об этом сперва и не думай. Пока форт не построишь. Найдешь место для нашей оседлости, пусть люди твои лес валят да строить хотя бы стены начнут. Ты же сам поедешь на переговоры с испанцами о закупке товаров для нас. Закупиши пшеницы, ячменя, бобов, кукурузы, сала, солонины, соли и всего, что сам решишь. На это я тебе дам полную роспись и деньги. Все погрузишь в Сан-Франциско на «Чирикова» и тут же отправишь Бенземана сюда. Сие предприятие, всех людей, судно вручаю под твое начало, Иван Александрович.

Кусков встал с кресла и поклонился Баранову.

– Сочту за честь великую сию миссию исполнить, Александр Андреевич. Не посрамим земли русской.

– Иного ответа я от тебя и не ждал, Иван Александрович. Начинай дело. С Богом!

В новоархангельской церкви Михаила Архангела служба уже заканчивалась, и молившиеся в ней прихожане стали подходить ко кресту. Среди них отец Никодим давно заметил правителя Баранова, а когда тот подошел для лобзания креста, изрек:

– Рад видеть тебя, Александр Андреевич, в храме сем не только по праздникам.

– Благодарствую, и спаси Господи тебя, отец Никодим. Пришел же я не только помолиться, но и поговорить с тобой по делу весьма важному.

– Поговорим... Отчего не поговорить. Вот сейчас службу закончу, тогда побеседуем, Александр Андреевич.

Баранов отошел в сторону, дождался, пока последний из прихожан не поцеловал крест, и когда отец Никодим подошел к нему, то заговорил первым.

– Прости меня, отец Никодим, за тот наш разговор. Признаю, что был неправ. Так что каюсь я, батюшка, прости...

...Неприятную историю с посельщиками Баранов завершил уже после набега колошай. Он побеседовал с каждым из арестованных и сменил гнев на милость: признав, что жизнь этих людей действительно тяжела, Александр Андреевич выплатил им жалованье, отдал старые долги денежными марками компании. Тяжелые работы на сплаве, на верфи и на разных стройках не отменишь, а новых людей ждать было неоткуда, и Баранов приравнял посельщиков в получении съестных припасов ко всем другим работным людям. И лишь старшего артели Василия Панкова он сослал на Озерский редут, что находился в двенадцати милях от Ново-Архангельска и где тоже было много работы: промысел рыбы, выделка кож, рубка и сплав леса в крепость. Единственной отрадой для живущих там работных людей были горячие ключи с целебной водой, купаться в которых и лечиться от недугов приезжали жители и самого Ново-Архангельска.

– Господь простит, Александр Андреевич. Я же на тебя зла не держу и радуюсь, что с заговорщиками ты поступил мудро... Но жалеть я тебя жалею. Уж больно служба здесь трудна. Одно только не забывай: Господу нашему Иисусу Христу нести свой крест и страшные муки принимать было во столько тяжелее.

– Я понимаю, батюшка. Потому службу свою не жалуюсь. Ради нее, службы нашей, пришел я сейчас и к тебе, отец Никодим.

– Ну что же... Давай посидим да потолкуем, Александр Андреевич, коли так, – и отец Никодим показал Баранову на лавку у стены под иконами. – Слушаю тебя.

– Надумал я, отче, послать в южные широты, в Калифорнию, судно. Но с миссией необычной... Чтобы основать нашу очередную, но первую в Новом Альбионае оседлость и оттуда снабжать Ново-Архангельск всем нам необходимым продовольственным товаром: зерном, мясом, овощами. На Охотск у меня надежды более нет.

– Разговоры идут о сем не первый год, и слава Богу, что наконец-то решено это сделать, – довольный сообщением Баранова, сказал батюшка.

- Благослови на сие предприятие, отец Никодим.
- На богоугодное дело благословение Божие я тебе даю, Александр Андреевич.
- Но это еще не все, отче.
- Что же еще?
- Поскольку плавание будет не рядовое, а ради строительства там новой крепости, то в первую очередь после стен надо будет, думаю, построить в ней храм православный. Дабы крестить в нашу веру тамошних людей, да и своих окормлять, укреплять в вере. Уж больно далеко от матушки-России наши люди будут.
- Что верно, то верно, – согласился отец Никодим. – Знаю, что в испанских миссиях храмы католические есть. Стало быть, храм православный там тоже должен быть. Как же без него.
- Вот я и пришел просить тебя, отец Никодим, отправиться в Калифорнию вместе с Иваном Александровичем Кусковым, которого я определил начальником сего великого предприятия. Ну, а тебе нести туда слово Божие.
- Мне? – удивился отец Никодим.
- Именно. Ежели в том kraю подвизаются католики при каждой миссии, то почему бы и православному батюшке не нести свет веры православной. Правда, очень нелегко сие будет.
- Ну что же, Александр Андреевич, сказать тут боле нечего. А ради Отечества и веры православной тяготы жизни в той земле нести сочту за благо. Только вот кто здесь меня заменит? Начальство мое на Кадьяке, мне надобно благословения испросить.
- А я уже послал сказать с партией охотников на Кадьяк вашему благочинному отцу Евлогию, чтобы вместо тебя приспал нового батюшку и благословение свое письменное.
- Тогда заноси в свой реестр меня вместе с матушкой и диаконом Василием.
- Благодарствую, батюшка, – поднялся с лавки Баранов и сложил руки под благословение. – Благослови, отец Никодим.
- Господь благословит, – перекрестив Баранова, произнес священник, и они трижды облобызались.

...Сысой Слободчиков зашел в рудоплавильный сарай, где у ярко горящего кузнечного горна среди мастеровых людей увидел того, кого искал – Ивана Лихачева. У мехов стоял еще один мастеровой, нагнетая воздух в горн, где стояла большая чугунная миса, наполненная какой-то раск^{Алённой} породой. Сысой отозвал Ивана в сторону.

– Ну, зятек, – сказал он. – Собирайся.

– Куда, батя? – удивился Иван. – У меня сейчас дел полно. Недосуг мне.

– А я не про сейчас и говорю... Кусков сказал мне, что набирает людей для нового похода в Калифорнию... Я туда с ним иду.

– А мне-то зачем, батя? Работы у меня тут полно. Вон, смотри, сколь новых пород приволокли. Скоро опять в горы пойдем.

– Ты меня дослушай, Иван. Поход на сей раз необычен. Идем в Новый Альбион, дабы основать там нашу новую оседлость. Горы и там есть. Так что работы тебе, рудознатцу, хватит.

– Ну, тогда другое дело, – оживился Иван. – А может, Алёну найдем?

– Может, и найдем... Я эту сволочь Гельбера по всему океану искать буду. Найду и покараю, если он жив еще. Ну, так что, писать тебя в команду?

– Пиши, батя. Меня и Федьку Корюкина, товарища моего и лаборатора. Я готов с тобой в любой день и час.

Прошло много дней подготовки дальнего перехода в Калифорнию, прежде чем на главной мачте шхуны «Чириков» ветер заколыхал флаг Российско-Американской компании и на судне все было готово к отплытию. Его связывало с причалом лишь два швартовых каната да пока еще неубранный трап, у которого на причале стояли, прощаясь, Кусков с Барановым.

Главный правитель Русской Америки в последние дни пребывал в хорошем расположении духа. А дело было в том, что страхи и боязнь голодной зимы Александра Андреевича больше не беспокоили, ибо помочь с провизией для людей на Ситхе пришла совсем с другой стороны, о чем он даже и помыслить не мог... В Новоархангельск нежданно-негаданно зашел на свое судне американский капитан Роберт Мак-Нейл и в трюмах

корабля привез двадцать мешков соли, пятьдесят бочек солонины, много сущеного мяса, муки и диковинных южных овощей.

Оказалось, что Мак-Нейл заходил на Гавайские острова, и тамошний король Тамеамеа Первый, заочный друг Баранова, все эти продукты прислал ему в подарок. Американец шел по своим делам на Шарлоттovy острова и взять груз не отказался. Да увидеть и познакомиться с известным по всему побережью и островам Великого океана Главным правителем Аляски и всей Русской Америки он давно желал...

—...Уж не знаю, свидимся ли мы, Иван Александрович, еще когда-нибудь, — говорил своему помощнику и другу Баранов, — но не хотелось бы мне прощаться с тобой навсегда.

— Все в руках Божьих, Александр Андреевич. Но я думаю, что мы с тобой еще свидимся.

— Дай-то Бог... Но как там ни будет, а за службу я тебе благодарствую. Верю, что ты в Калифорнии, достойно послужишь компании нашей и Отечеству.

— Служить на пользу Отечеству — есть ли в нашей жизни большая награда, Александр Андреевич. Что для тебя, что для меня. Тем и живем, тому и рады бываем. Иной жизни для себя не мыслю.

— Спаси тебя Господь, Иван Александрович... Не забудь только обратно «Чирикова» с провизией послать сюда. Бог знает, хватит ли того, что с Гавайских островов получили.

— Я ничего не забыл, ваше превосходительство, Александр Андреич.

— Да будет, — улыбнулся Баранов. — Какое я тебе превосходительство... Прощай, брат мой, Иван Александрович. С Богом... Храни вас всех Господь. А мы тут будем молиться за вас, ждать вестей, ну и вас, конечно.

Баранов с Кусковым обнялись и трижды, по-православному, облобызались.

Иван Александрович легко вбежал по трапу на борт судна. Трап тут же убрали матросы, а капитан Бенземан дал команду отдать швартовы и поднять паруса. Команду исполнили четко, и вскоре «Чириков» отошел от причала, а свежий океанский ветер наполнил паруса всех его трех мачт.

На борту шхуны и на берегу люди махали друг другу руками, платками, шапками.

Баранов тоже снял с головы меховой картуз и махал волнистым движением в последний прощальный раз уходящему кораблю. Глаза его были влажными от слез.

Глава вторая

В океанском и, кажется, безбрежном просторе под всеми парусами, при попутном ветре шел пиратский «Альбатрос». На мостице рядом с рулевым матросом стоял сам капитан Самуэль Гельбер. Он зорко смотрел вперед и по сторонам, но видел только океанские волны, хотя солнце только что показалось на горизонте, где, по мысли Гельбера, непременно должна быть долгожданная земля.

Но, не видя ее, Гельбер отстранил от штурвала рулевого.

— Позови штурмана, — приказал он матросу.

Тот бегом скользнул вниз на палубу по трапу, и вскоре на мостице появился заспанный штурман.

— Привет, Гарри, — сказал Гельбер. — Где мы сейчас находимся? Сказать можешь?

— Сегодняшней ночью я делал счисления. Мы прошли сороковую широту.

— Отлично, Гарри. Значит, скоро придем в Сан-Франциско. Так?

— Так, капитан.

— Обязательно туда зайдем... Нам требуется отдых, а я давно не отдыхал по-человечески... Не так ли, Гарри?

— Точно так, капитан.

— Сделай сейчас еще счисления, Гарри, и поверни судно на зюйд-ост. Мы должны видеть землю... Потом мне скажешь.

— Да, капитан, — ответил штурман.

Гельбер, сойдя с мостика, направился к себе в каюту, где кок уже приготовил ему завтрак и стоял, ожидая приказаний. Гельбер налил в кружку вина из большой, темного стекла, бутылки и с удовольствием выпил.

– Отлично, Билл, – похвалил он кока. – А теперь приведи сюда ту русскую девчонку. На... Ты знаешь, где она...

Гельбер бросил ему ключ.

– Слушаюсь, сэр, – сказал кок и поспешил на корму корабля.

Там он остановился у одной из дверей, на которой висел замок. Он открыл его, затем распахнул дверь и увидел лежавшую на топчане женщину. Услышав звуки, она поднялась и повернулась к вошедшему. Это была Алёна.

– К капитану, – коротко произнес кок и кивком головы повелел Алёне выйти из кладовки.

Алёна молча поправила сарафан, волосы и, не взглянув на кока, вышла за порог на палубу. Она пошла вдоль борта, сопровождаемая коком и, похоже, знала дорогу.

...Гельбер сидел за столом с кружкой вина в руке, когда Алёна и кок вошли в капитанскую каюту. Взмахом руки он приказал коку выйти.

– Выпей, Алёна, – предложил Гельбер девушке.

– Я вина сроду не пила, – сказала Алёна.

– Тогда позавтракай со мной.

– Еду мне дают. Не обзываюсь – сыта.

– Что ты за человек – не пойму, – заговорил, встав из-за стола, Гельбер. – Я когда-то служил в русской компании. Нанимался со своим судном. Возил товары из Кантонса в Россию. Бывал на Камчатке и в Охотске. У меня был помощником русский торговый человек. От него я узнал ваш язык и мало-мало стал говорить по-русски. И на Камчатке, и в Охотске я знал русских женщин, славянок. Ты – славянка. Но ты какая-то не такая славянка. Уже много дней ты плывешь на моем корабле, но всё так же строга ко мне...

Гельбер приблизился к Алёне и, взяв ее за руку, попытался обнять.

– Будь ко мне ласковее, Алёна.

Но Алёна резко отдернула его руку и схватила со стола нож.

– Не подходи! – крикнула она. – Я с тобой не плыву! Ты меня силой везешь.

– Ну, хорошо, – отошел от Алёны Гельбер и вновь сел на свое место. – Я не буду брать тебя силой. Мои люди отбили тебя от

дикарей. Разве лучше было бы тебе в шалаше какого-нибудь грязного туземца?

– Там дом рядом... Отец, мать, муж.
 – А может, их и в живых уже нет. Бой был жаркий.
 – Кто-нибудь да жив остался...
 – Силой я мог взять тебя хоть сейчас, – продолжал Гельбер, – но я не хочу так. Если же ты доброй волей не пойдешь, то я отдам тебя матросам. Всю команду через тебя пропущу, а потом продам где-нибудь на островах черномазым. Белая рабыня – это для них что-то, да еще славянка... Ну, а если добровольно, то отдам тебя в хорошую семью в Сан-Франциско, Сан-Диего или в Монтерею.

– Лучше умереть.
 – А ты подумай, что лучше. Даю тебе еще два дня. Мы скоро будем у берегов Калифорнии. Иди и думай, Алёна... Эй, Билл! – крикнул Гельбер. – Уведи ее.

Опять зашел кок и, открыв двери каюты, пропустил впереди себя Алёну.

Они ушли, а Гельбер вновь налил себе в кружку вина.

«Альбатрос» шел, разрезая форштевнем морские волны, под всеми парусами.

...Через два дня с борта пиратского «Альбатроса» уже был виден далекий и желанный берег, но капитан Гельбер что-то хмуро посматривал в его сторону, стоя у штурвала вместе с рулевым матросом и штурманом.

– Сколько мы еще будем идти вдоль берега, капитан?! – крикнул Гельберу на мостик один из его офицеров. – Не пора ли нам пристать где-нибудь?

– Еще не время, Джонни! Завтра утром будем в Сан-Франциско! Не так ли, Гарри?

– Точно так, капитан, – кивает в знак согласия штурман.
 – Но небо вон там что-то начинает хмуриться. Так что лучше держаться подальше от берега. Там камней и мелей достаточно.

– Так держать, Гарри, – приказал Гельбер. – Я буду у себя в каюте.

– Слушаюсь, сэр, – ответил штурман и встал ближе к рулевому матросу.

Гельбер пошел в свою каюту, у дверей которой опять стоял Билл.

– Приведи девку, – на ходу бросил Гельбер.

Билл бегом бросился исполнять приказание, и вскоре в каюте появилась Алёна.

– Ну так какой же будет твой ответ, Алёна? Ты подумала? – спросил Гельбер.

– Я сказала – лучше умереть.

– Зачем же умирать, – усмехнулся Гельбер. – такая красавица должна жить. Только какая у тебя будет жизнь, вот в чем вопрос... Надо...

Но договорить Гельбер не успел. В каюту ворвался Билл.

– Капитан, – крикнул он. – Гарри зовет тебя на мостик! Кричит, что срочно!

Гельбер, не говоря ни слова, выскочил из каюты на палубу...

...Буря налетела внезапно. Сильный ветер трепал и рвал паруса, опасно наклоняя судно к высоко поднимающимся волнам, которые то и дело перекатывались по палубе с одного борта на другой, грозя забрать судно и находившихся на нем людей в свои тяжелые объятья.

Скрипели снасти, гудел ветер, хлопали обрывки разорвавшихся парусов, и в этом реве морского урагана еле слышны были голоса людей, что-то кричавших друг другу.

Капитан Гельбер тоже кричал, отдавая команды, а потом сам схватил топор и стал рубить главную мачту. Но было уже поздно. Высокие волны и огромной силы ветер стремительно гнали «Альбатрос» на скалы у внезапно появившегося берега. Алёна тоже выскочила из каюты и, ухватившись за какой-то канат, часто крестилась, а губы ее шептали молитву.

Глава третья

Шхуна «Чириков» шла под парусами мимо видневшихся вдали американских берегов и с каждой милей приближалась к теплым водам Калифорнии.

Часть плывущих на шхуне людей, среди которых Иван Кусков, Сысой Слободчиков, Тимофей Тараканов да Иван Лихачев с приятелем и помощником своим Фёдором Корюкиным, сидели на баке судна, неспешно ведя разговор.

– Узнаю знакомые места острова Ванкувера, – сказал Кусков, всматриваясь в очертания далекой земли. – Где-то тут и устье реки Колумбии. Хотя нет, оно поюжнее будет. Ты, Сысой Иваныч, здесь по всему побережью доски железные закапывал, столбил землю российского владения.

– Было дело, – ответил Слободчиков. – Да что с того? Надо бы не доски, а оседлости ставить, городки наши русские... Так ведь и указу из Петербурга не было. Боялись, видно, там отношения с Европой порушить. А зря...

– Да, долго мы, братцы, раскачиваемся, – подал голос Тараканов. – Еще при Петре Великом надо было сюда, на юг американской земли, спускаться. Тогда бы все побережье сие до самой Калифорнии наше было.

– И Калифорния была бы наша! – воскликнул Слободчиков. – Да что там Калифорния! Мы могли еще южнее, до самой тридцатой широты, туюшнюю землю застолбить и с туземцами договориться.

– Ну, что касательно туземцев, то Тимофей Осипыч лучше всех нас о том знает, – сказал Кусков и кивнул в сторону Тараканова. – Рассказал бы ты вот молодым о своих злоключениях в сих местах... Интересно и поучительно им будет.

– Да разве им о том неведомо?

– Нет, – сказал Фёдор, сидевший рядом с Таракановым. – Ничего не ведомо.

– Да какой тут интерес, – заотнекивался Тараканов.

– Скоро уже пять годков тому будет, как пошли мы так же вот в Калифорнию места разведывать да промышлять зверя у Сан-Франциско на Фараллоновых островах. Шли на «Святом Николае», той самой шхуне, что купил вот Сысой у американцев и ходил на ней на Гавайи.

– Было дело, – кивнул Сысой, – хаживали и туда.

– Ну вот, а тут у острова Ванкувера попали мы в шторм. Шхуну разбило о камни и на берег выбросило... Еле живы остались... Собрал я людей, и двинулись мы по берегу на полдень.

Знал, что там должна быть гавань Гавр-де-Грей. Туда все корабли заходят. Да не повезло нам... У самой, считай, крепости напоролись мы на индейцев, а у нас никакого оружия нет... Так вот и попали в плен к диким.

– А потом? – спросил Фёдор.

– От индейцев мы сбежали, но нас опять поймали... Потом я бежал уже один. Добрался всё-таки до гавани и встретил там американского капитана, моего старинного знакомца Ричарда Брауна. Он со своими людьми вызволил остальных наших мужиков... Правда, не всех. Несколько ребят остались лежать в земле вон на том берегу.

– А тутошние дикие отличаются от наших? – опять спросил Фёдор.

– Они другие. У них кожа темнее, чем у наших колошней, и одеты все в то, в чем мать родила.

– Голые, что ли?

– Я и говорю. А ты о том ровно не слыхал?

– Слыхал, да не верил... Так у них и бабы тоже голые?

– Ну да. И мужики, и бабы. У них из всей одежды только вот тут тайное место пучком травы или какой тряпицей прикрыто. Что-то небольшого фартука спереди. Чтобы это... ну, ты понимаешь. У иных тело желтой краской разрисовано, у других рожи белой намазаны.

Фёдор смотрел на Тараканова с удивлением и неверием в глазах.

– А ты, Федя, сам-то женат?

– Нет еще...

– Ну так считай, что тебе повезло. Мы там тебе невесту найдем. Среди туземок очень даже ладные девки есть. Будто точеные... Эх, да...

Кусков, зная, о чем сейчас будут говорить мужики, отошел от них к люку кают-компании. Затем спустился по крутому трапу и отворил двери.

В кают-компании сидела за столом и что-то писала гусиным пером на листе бумаги его супруга Екатерина Прохоровна. Напротив нее в кресле расположился отец Никодим, а рядом с ним матушка Вера с книгою в руках.

– Вот, размышляем с отцом Никодимом и матушкой Верой, – заговорила Екатерина Прохоровна, увидев в дверях мужа, – о том, как будем с местными калифорнийцами разговоры разговаривать.

– Трудность в общении в том состоять будет, что там величественное множество туземных племен обитает, – усаживаясь в кресло, сказал Иван Александрович. – Только на побережье у залива Бодеги, а по-нашему Румянцева, куда мы ныне идем, их более десятка. И каждое племя говорит на своем наречии.

– А как же словник составлять будем?

– Те места давно оседлали испанцы, и во многих племенах есть свои вакеры – переводчики. С ними в первую очередь и будем общаться. У меня среди тамошних туземцев свои знакомцы имеются.

– Давно я тебя, Иван Александрович, спросить хочу вот о чем, – вступил в разговор отец Никодим. – Не обратиться ли мне к тамошнему священнику? Ведь они крестят здешний народ.

– Не думаю, что сие понадобится, отец Никодим. Испанские священники – сплошь иезуиты. Они обращают индейцев в свою веру силой. Я бывал в Сан-Франциско и знаю, что они и службу ведут на своем испанском языке.

– Они не знают языка индейцев? – удивился отец Никодим.

– Но как же те понимают слово Божие?

– Никак, конечно. Но испанцам этого и не надобно. Для них местные туземцы что-то вроде зверей диких, коих необходимо отстреливать. Они и убивают их за малейшее неповиновение. В этом главное отличие европейцев от нас, русских и православных. Мы за умножение здешнего народа, а они за истребление...

– А как же тогда заповеди Божии, кои зиждутся на любви к Богу и на любви к ближнему? Ведь сказано: кто не любит ближнего своего, тот и Бога не любит.

– Это потому, что католики не считают туземцев за своих ближних. Хотя все мы созданы Господом по образу и подобию его. Но есть, конечно, и среди индейцев союзные миссионерам.

– А как же мы с этими самыми испанцами жить-то будем? – спросила Екатерина Прохоровна.

– Мы с ними жить не будем, – сказал Иван Александрович. –

Мы идем в сей край послужить с пользой для компании нашей и с пользой же для местных коренных американцев. А все дела наши будут освящены истинной верой православной. Так ведь, отец Никодим?

— Точно так, Иван Александрович. Господь милостив, и он нас не оставит, если все будем делать с любовью.

— Именно с любовью! — воскликнула молчавшая до сей минуты матушка Вера. — И нам надобно всегда о том помнить.

— Иначе и быть не может, матушка, — согласился Кусков.

Мартовским теплым утром, так не похожим на утро аляскинское в это время года, шхуна «Чириков» вошла в залив Бодега, и ее якорь шумно плюхнулся с борта в воду.

Иван Александрович Кусков поднялся на капитанский мостик к Бенземану.

— Ну что, Христофор Мартыныч, с Божьей помощью пришли.

— Пришли, Иван Александрович. Слава Богу... Далее твоя забота — что делать и как быть.

— Сделаем все, как Бог даст. Не в первый раз мы тут. А что неведомо, то учиться будем и узнавать по ходу дела... Сей же час, Христофор Мартыныч, собери на палубе своих людей, а я своих. Имею сказать слово перед тем, как людям нашим ступить ногою на землю сию калифорнийскую.

— Будет сделано, Иван Александрович.

— Вот и ладно, вот и добро, — сказал Кусков и стал спускаться на палубу.

...А там вскоре собралась вся команда «Чирикова» и все промысловики Кускова. Иван Александрович, стоя под капитанским мостиком, оглядел собравшихся и начал говорить свое слово:

— Братцы мои! Вот и пришли мы с Божьей помощью вновь к сим калифорнийским берегам. Но на сей раз мы прибыли сюда надолго, дабы укрепиться на этой земле, устроить русскую нашу крепость во благо компании и Отечества... В инструкции, данной мне правителем нашим, коллежским советником и кавалером Александром Андреевичем Барановым, где предписано

основать здесь оседлость, есть и слова, кои касаются каждого из нас. Они об обращении нашем с тутоземными жителями. – Кусков развернул бумажный лист. – Слушайте: «Строго воспретить и взыскивать малейшие противу тутоземных обитателей дерзости и обиды, а стараться всячески, как вам самим, так и всем подчиненным, снискать дружбу и любовь, и не страхом преимущества, в огнестрельных орудиях состоящего, какого не имеют народы, но разными благословенными, от человеколюбия производимыми, приманками вежливости, а иногда и соразмерными подарками, воспретя, однако же, строго ни малейшей бездельной никому даром не брать от них вещи, даже из кормовых припасов ни куска, а платить за все потолику, какие им приятны будут товарами и безделушками»... Братцы! Скоро мы сойдем на берег. У всех будет оружие, но не стреляйте ни птицы, ни зверя. Стрелять можно только тогда, когда жизни вашей угрожает опасность. Так будет, пока не начнем строить крепость... Об остальном скажут на берегу начальники ваши... О том, куда идти и что делать. А теперь помолимся, православные.

Иван Александрович кивнул отцу Никодиму, и тот, поставив с дьяконом Василием походный аналой и возложив на него Евангелие с большим серебряным крестом, начал читать молитву.

– Благословен Бог наш, – произнес он первые слова.

...А через некоторое время шлюпки ткнулись своими носами в мель у берега. Из них выскочили люди, еще недавно бывшие на палубе «Чирикова», во главе с Иваном Кусковым.

Он первым стал подниматься на высокий берег бухты. За ним потянулись все остальные, среди которых рудознатец Иван Лихачев с Фёдором Корюкиным.

Поднявшись на самый верх откоса, обернулись и, увидев океанский простор, спокойную бухту внизу, долго молчали.

– Красота, – сказал наконец стоявший рядом с Кусковым Сысоий Слободчиков.

– Да, бухточка славная, тихая. Тут никакой шторм не страшен, – добавил Тараканов.

– Нам в первую голову не о том думать надо, – произнес Кусков.

– О чем же? – спросил Тараканов.

– О самом подходящем для оседлости месте.

– Так и мы о том.

– Тут берег, видишь, довольно полог. Надо бы покруче.

– Для чего?

– А чтобы с моря крепость наша неприступна была для всякого неприятеля... Но, самое главное, гляньте – леса тут близко и в помине нет. Нам же понадобится сотни дерев.

– Да, тут до леса не одна верста, – согласился с Кусковым Слободчиков.

– А еще, други мои, – продолжал Кусков. – Место сие близко от испанцев. Они же не особо согласны на наше соседство и будут все время нам козни устраивать.

– Здесь же земли ничейные, вроде, как ты сам о том говорил, Иван Александрович, – сказал Сысой.

– Да, но испанцы так не считают. И уже жаловались в свой Мадрид, а оттуда в Петербург бумага пошла.

– Ну и пусть жалуются. Пока бумаги ходят – мы крепость возведем.

– Но все же у меня надежда какая-никакая есть. Со здешними испанцами попробуем договориться полюбовно, – сказал Кусков.

– Не в первый, чай, раз говорить с ними будешь, Иван Александрович.

– Посему и надежда есть. Начнем о выгоде торговли с нами, а там и все остальное уладим... Но сие в будущем, Сысой Иваныч. А теперь надо место для оседлости нашей найти.

– И куда же пойдем искать?

– Сделаем так, други мои, – немного подумав, вновь заговорил Кусков. – Ты, Тимофей Осипыч, со своими ребятами-алеутами пройдись и проплыви вдоль берега сего залива подалее на предмет добычи бобров тутовых. Разведай, где они обитают.

– Будет сделано, Иван Александрович, – кивнул Тараканов.

– На обратном пути сюда наберите в бочонки пресной воды где-нибудь в ручье, тут их много, а к вечеру возвращайтесь на шхуну. Нас не ждите.

– А вы?

– А мы пойдем на байдарах вдоль берега на норд, покуда погода позволит. Морем ли, сушей ли, доберемся до тех мест, где мой приятель обитает – один из тамошних вождей. Поговорить с ним надобно. Добро?

– Добро, – сказал Тараканов.

– Добро, – повторил за ним Сысоий Слободчиков.

– Ну, тогда за дело, братцы, – заключил Кусков и первым пошел с берега к воде.

По пути Иван Лихачев насобирал в суму камней и, остановившись, стал рассматривать их да разбивать небольшим молотком. Кусков это заметил и подошел к рудознатцу.

– Понимаю твое нетерпение, Иван, – сказал он. – Вот обоснуемся – отпущу тебя в горы. Чую я, что там много добра всякого для твоего дела будет.

– Поскорей бы, – вздохнул Иван.

Кусков и его спутники шагали по густой траве, пробираясь через заросли кустарника, но не приближаясь к недальней кромке большого соснового леса. Иван Александрович иногда останавливался и оглядывал местность, словно искал какие-то приметы давно забытого им пути.

Когда в очередной раз Кусков остановился, чтобы оглядеться, Сысоий Слободчиков с сомнением сказал ему:

– А может, не тут ищем да не туда идем, Иван Александрович?

– Нет, Сысоий, именно туда. Ведь я бывал в этих местах и не мог теперь ошибиться. Береговые мивока обитают здесь. Просто, как и все тут, этот народец кочующий. Но я знаю, что их поселение можно найти по высокому шесту с пучком птичьих перьев на вершине. Так что смотрите внимательнее.

Все двинулись дальше и шли до тех пор, пока Иван Лихачев, шедший чуть в стороне, вдруг не закричал:

– Дым!.. Вижу дым!

И он показал рукой на кустарник у самой кромки леса. До него было еще далеко, но если присмотреться, то и вправду можно было заметить легкий дымок, поднимавшийся над кустами. Все ускорили шаг, но, подойдя к месту, откуда поднимался дым,

увидели лишь тлеющий костерок и несколько хижин-шалашей индейской деревни, сделанных из ивовых прутьев и покрытых травой и листьями.

Людей в деревне не было, хотя перед каждым шалашом тел свой мАлёнький костерок.

Кусков увидел перед одной из беспорядке разбросанных по кустарнику хижин воткнутый в землю шест, к вершине которого были привязаны птичьи перья.

– Вот он – знак вождя, и вот его жилище. Стало быть, вождь мивока ВАлёнилла где-то здесь.

– А чего народу нет? – спросил кто-то Кускова.

– Испугались нас, вот и убежали, – ответил Кусков.

– Пойдем тогда поищем их, покричим.

– Они еще дальше убегут.

– Чего им бояться-то?

– Индейцы нас давно заметили и, возможно, приняли за испанцев, которых они боятся и ненавидят люто.

– За что?

– Те жестоко с ними обращаются. Даже часто убивают.

– А как же нам теперь этих индейцев найти?

– Сделаем так, – сказал Кусков, поразмыслив. – Оставим тут, у шеста, несколько подарков-вещиц, а сами уйдем. Недалеко. Индейцы же непременно сюда придут, когда нас не будет, и убедятся, что мы не враги их, не испанцы.

Иван Александрович достал из сумы холщовый плат, расстелил его у шеста и положил свои вещи: такую же холщовую рубаху, бусы на нитке. Кто-то добавил нож, деревянные ложки. Вдобавок ко всему Кусков снял и положил на холстину свою фурражку с лакированным кожаным козырьком.

Затем он и его люди ушли в сторону от деревни, но так, что было видно и шест.

А через некоторое время к шесту с перьями на вершине, осторожно ступая и оглядываясь, подошел один из индейцев, потом еще один, и они о чем-то стали говорить, показывая на подарки, но не беря их в руки. Затем один индеец пустился бегом в густой лес и вернулся к хижинам с довольно высоким индейцем, за которым шла целая толпа соплеменников.

Высокий здоровяк был так же темнокож, как все его собратья, а из одежды на нем была лишь набедренная повязка. Но всё же он отличался от других своим белым бисерным ожерельем, свисающим с шеи на грудь, и налобной лентой из мелких птичьих перьев. Его черные густые волосы были забраны почти на самом темени в большой, перевязанный лентой пучок с деревянной заколкой.

Индеец подошел к шесту, с интересом потрогал подарки, а когда увидел фуражку, то и вовсе обрадовался. Потом примерил рубаху и радостно воскликнул:

– Хойбо! Апиходьбо Иван!

Он что-то сказал одному из собратьев, и тот стремглав побежал в ту сторону, куда скрылись неожиданные гости.

А Кусков и его люди сидели под кустами, когда прибежавший по их следам индеец натолкнулся на них. Но он даже не испугался, а, подойдя к Кускову, громко сказал:

– Апиходьбо Иван. Вождь Валенилла ждет тебя и твоих людей.

– Я так и знал, – радостно улыбаясь, сказал Иван Александрович. – И не ошибся, слава Богу. Веди нас к Валенилле... Пошли, братцы.

Все двинулись обратно к индейской деревне, и Фёдор, все время с любопытством наблюдающий за происходящим, спросил Кускова:

– А что это он тебя Иван Александрович, таким словом-то назвал?

– Хойбо на их языке означает – начальник, а апиходьбо – большой начальник. Сей человек – переводчик вождя, и он меня знает, – кивнул Кусков на быстро идущего впереди индейца.

Валенилла встретил Ивана Кускова с радушием и улыбкой.

– Апиходьбо Иван! – раскинул он для объятия руки. – Вот я и дождался тебя.

– Да, брат Валенилла, и я рад встрече с тобой на твоей земле, как и обещал.

– Приветствую брата Ивана, приглашаю всех его людей в мою хижину.

– Погоди, Валенилла. Сперва скажи, сделал ли ты дело, о котором я просил тебя? Подыскал ли ты место для нашей оседлости?

– Я хотел сказать тебе о том в хижине, но если ты торопишься, то говорю: я всё сделал и выбрал место для твоего поселения на моей земле.

– Тогда, брат Валенилла, прямо сейчас и пойдем на то место. Там и поговорим обо всем.

– Пойдем, апиходьбо, – с готовностью согласился Валенилла.

Во время этого разговора Фёдор Корюкин, оглядывая индейцев, заметил девушку-индианку. Она тоже заметила взгляд Фёдора и, смущившись, спряталась за спинами людей.

– Ну что, брат Фёдор, не присмотрел еще себе невесту? – кивнул в сторону туземцев Иван Лихачев.

– Да будет тебе... Какую еще невесту. И в мыслях нет. Так уж и сразу.

– Ну, не сразу, конечно. Погулять можно... Зато смотри, какой выбор девок-то.

– Вижу... Да только они не такие, как у нас. Непривычно как-то. Голые ведь совсем.

– Стерпится – слюбится. А что голые, так и ты разденься, – засмеялся Иван.

– Да будет тебе смеяться-то, – махнул рукой на друга Фёдор.

А тем временем вождь Валенилла что-то крикнул своим людям. К нему подбежало несколько индейцев, и все двинулись вдоль кромки леса к океанскому берегу...

Когда же лес кончился, то перед ними открылся великий водный простор. Кусков, его люди, Валенилла с индейцами остались на высоком берегу, полого спускающемся к океанским волнам.

Кусков оглянулся. Позади него была огромная плоская равнина, а совсем рядом стоял густой лес, подступающий местами почти к самому берегу.

– Вот, апиходьбо Иван, – сказал Валенилла, – самое лучшее место на земле моего племени для твоего форта.

– Спасибо тебе, брат Валенилла. Лучшего и желать не надо... Что скажешь ты, Сысой Иваныч?

– Да чего говорить-то. Место доброе, надежное. Вот только одно смущает меня.

– Что же?

– Так ведь я тут по Ново-Архангельску все равняю. А там причал прямо у крепости. Здесь и малой байдаре пристать некуда, а не то что большому кораблю.

– Я тоже о том подумал, – подал голос Иван Лихачев. – Здесь много судов проходит. Куда приставать будут? А ежели сами за мыслим суда строить? Тут для верфи и места нет.

– Да, я согласен с вами, други мои. По первому взгляду хуже места для морской крепости и придумать трудно. Но мы и не будем таковую строить. Нам нужна оседлость на сей земле благодатной. А место для причала и верфи мы потом отыщем... Но давайте глянем на преимущество сего места... Далеко от испанцев, – начал перечислять Кусков, – на высоком берегу, неприступном с моря, много удобной землицы под пашню, а главное, рядом целые леса американской сосны-чаги. Видите... Строй – не хочу...

– Вон там, за холмами, – добавил Валенилла, которому вакер переводил всю беседу русских гостей, – река есть.

– Вот и славно, Валенилла, что напомнил. Стало быть, други мои, вода пресная будет у нас во всякое время дня. Это ли не радость? Я уж не говорю о реке Славянке, что в милях трех отсюда.

– А почему река Славянкою зовется? – спросил Кускова Фёдор.

– Ну, я говорил тебе, что уже не раз бывал здесь и сии места мне ведомы, а с вождем племени мивока, что здесь обитает, мы старые друзья, – сказал Кусков и положил руку на плечо Валениллы.

– Это так, апихайбо Иван, – кивнул головой вождь.

– Что касательно реки Славянки, то, по здешнему старинному преданию, в сих местах когда-то давно побывали белые люди, вроде нас. Ну, а мы, когда узнали о том, то подумали, что это были наши мореходы русские. Посему реку и назвали Славянкою. Там по ее берегам и сейчас кочуют макома. Они дружат с мивока, и я очень рад, что крепость нашу мы будем возводить на земле друзей.

Кусков опять благодарно обнял вождя индейцев. Потом, считая шаги, прошел вдоль берегового откоса, поставил первую вешку, а от нее прошелся в сторону леса и так, ставя вешки на поворотах, он замкнул большую, почти квадратную площадь.

— Пятьдесят, примерно, саженей вдоль берега и сорок в глубину. Думаю, что хватит, а не хватит — добавим, когда строить начнем... На углах, где стоят вешки, будут башни, а между ними стены из бревен. А за пределами стен земля для огородов, пашни и построек всяких... Я так мыслю, Валенилла?

— Апихайбо Иван, я рад, что место тебе понравилось. Бери эту землю и владей.

— Нет, брат Валенилла, за просто так мы эту землю у тебя не возьмем. Это противно вере нашей православной и нашим русским правилам. Мы ее у тебя, брат, купим. Хоть за деньги, хоть за товары — как пожелаешь. Так мы сделаем от имени компании нашей.

— Делай что хочешь, апихайбо Иван, только защити нас от испанцев.

— О том не беспокойся. Как только начнем строиться, то путь им сюда к вам с недобрыми целями будет заказан... Ну, а чтобы сей разговор наш не был пустословным, я приглашаю тебя, брат Валенилла, к нам на шхуну, дабы скрепить договор о земле под русскую крепость.

Валенилла в знак согласия наклонил голову.

И вот байдары подошли к борту «Чирикова». На передней сам Иван Александрович Кусков, Слободчиков, Лихачев и вождь мивока ВАлёнилла с переводчиком-вакером да двумя соплеменниками. На вожде головной убор из больших перьев какой-то диковинной птицы и холщовая рубашка, подаренная ему Кусковым.

Увидев на борту шхуны капитана Бенземана, Кусков приветливо помахал ему рукой.

— Принимай гостей, Христофор Мартынович!

— Гостям всегда рады, — ответил с борта капитан и приказал спустить трап.

Вскоре все были на борту шхуны, и Кусков представил главного гостя Бенземану:

– Наш друг, вождь здешнего племени мивока Валенилла.

– Милости просим, – пригласил Бенземан вождя, здороваясь с ним за руку.

Валенилла с любопытством окинул взглядом шхуну и показал на мачту, где на ветру разевался флаг Российской-Американской компании с большим двуглавым орлом в левом углу полотнища.

– Кароше, – выговорил Валенилла и что-то сказал своему вакеру.

– Вождь говорит, – сказал тот, – что ему нравится флаг и что он хотел бы иметь такой же у себя.

– Скажи своему вождю, что у него будет такой флаг уже сегодня, – сказал Кусков.

– Кароше, – улыбнулся довольный Валенилла...

...В кают-компании Валениллу и его спутников усадили за стол, и Кусков, держа в руках бумаги, заговорил:

– Мы приветствуем на борту нашего русского корабля вождя береговых мивока. И пригласили его сюда, чтобы закрепить тот устный договор, который есть между нами о продаже земли под русскую оседлость. Прошу ознакомиться с договором вождя Валениллу.

Кусков зачитал документ вакеру, и тот перевел его вождю. Валенилла кивнул согласно.

– Я согласен и рад тому, что у моего племени будут такие соседи. А земли берите столько, сколько вам надо... Да хоть всю Калифорнию я бы отдал вам, русским, во владение. Лишь бы защитили нас от пришельцев-испанцев, наших давних врагов.

– Взять под Россию всю Калифорнию не в нашей власти. Это дело Петербурга и Мадрида. Хотя я сам и не против русской Калифорнии. Но на нашу защиту ты, вождь Валенилла, можешь рассчитывать. И твои соседи тоже.

– Больше мне ничего и не надо. Никакой платы. Живите.

– Нет, брат Валенилла, мы даром у тебя землю не возьмем. Я тебе говорил уже, что это не в нашем обычье, ежели мы твои друзья... А пока – вот тебе задаток в испанских пиастрах. Това-

ры тоже будут, как только обустроимся. Ты согласен, Валенилла?

И Кусков положил перед вождем увесистый кожаный мешочек с перевязью.

– Да, апиходо Иван. Кароше.

– А теперь, – взял Кусков гусиное перо и макнул его в чернильницу, – скрепим сей договор наш. Первым подпишу я – коммерции советник Кусков.

Иван Александрович подписал бумагу и подвинул ее Валенилле. Тот также макнул перо в чернильницу, намазал большой палец правой руки чернилами и прижал его к бумаге рядом с подписью Кускова.

– Вождь ВАленилла руку приложил, – сказал Кусков, выводя эти слова на бумажном листе. – Ну вот, братцы, и свершили мы доброе дело. Теперь тут, на калифорнийском берегу, есть земля российского владения. Помолимся, отец Никодим.

Все повернулись к иконам, и отец Никодим прочитал подобающие для этого случая молитвы, прося помочи Божией в сем великом деле принятия части земли калифорнийской во владение российское и ее обустройства на благо Отечества, компаний и жителей местных. Валенилла и его люди выслушали молитвы стоя.

– А теперь дело за тобой, Христофор Мартынович, – обратился Кусков к Бенземану. – Считай нас своими гостями.

– За нами дело не станет, – ответил капитан Бенземан.

Он сказал что-то стоящим рядом матросам, и на столе появилась сперва белая скатерть, потом бутылки с ромом и закуска в глиняных плошках и тарелках. Когда по стаканам было разлито вино, Кусков вновь заговорил первым.

– Мы положили сегодня начало великого дела. Пусть наш друг вождь Валенилла знает, что мы пришли сюда с добром и миром.

– Я это знаю давно, – кивнул вождь.

– Мы не только будем защищать людей твоего племени, но и помогать всем, чем сможем. Будем учить детей ваших грамоте и ремеслам разным, лечить больных людей. Можешь передать это и другим твоим соседям-вождям, с которыми дружен.

— Я пошлю к ним своих людей, и они все расскажут о вас. Думаю, что соседние вожди поддержат меня. А ваши люди пусть по нашей земле ходят свободно и никого не боятся. Хоть по одному, хоть по два.

— А как воины твои и соседних племен будут знать, что мы не испанцы?

— Те передвигаются по нашей земле только отрядами и только с оружием.

— Спасибо тебе, вождь Валенилла... Так выпьем же, друзья мои, за дружбу и согласие между нами.

Валенилла выпил вместе со всеми, а потом заговорил, обращаясь к Кускову:

— Апихойбо Иван! Я и люди моего племени рады, что на нашей земле будет стоять русская крепость и русские люди будут жить рядом с нами. Мы не только этому рады, но и поможем строить вашу крепость.

— Спасибо, брат Валенилла. Об этом я даже и не думал!

— А сейчас, апихойбо Иван, я хочу в знак нашей дружбы подарить тебе свой убор вождя.

ВАЛЁНИЛЛА снял с головы свой убор из ярких птичьих перьев и надел его на голову Кускова. Под возгласы одобрения Кусков пожал вождю руку и благодарно обнял его...

...Иван Лихачев с Фёдором стояли у борта шхуны, когда из люка кают-компании стали выходить на палубу Кусков, Слободчиков, Тараканов, Бенземан и гости-индейцы во главе с Валениллой.

У трата Кусков вновь обнялся с вождем, индейцы спустились в большую байдару, которая тут же отошла от борта шхуны и направилась к берегу.

Слободчиков, увидев Ивана, подошел к нему.

— Ну что, Ваня, о чем в мыслях витаешь?

— Да все о том же... Об Алёне все мысли мои. Может, думаю, она где-то на этом берегу живет.

— Ну, нет. Тут даже и пиратам-то приставать к здешним берегам незачем. Вот в испанской пресидии она может быть.

— А мы в Сан-Франциско к испанцам пойдем? Может, Гельбер и вправду туда заходил.

— Про то, куда пойдем, ведает только Иван Александрович. Его спросить надо. Погоди маленько.

Но Кускова ждать не пришлось. Проводив Валениллу и помахав рукой уплывающей байдаре с индейцами, он сам подошел к Сысою.

— А ведь хорош мужик этот Валенилла! А, Сысой?

— Хорош, Иван Александрович, что и говорить. Доброе дело сделано с ним.

— Только начато, Сысой, только начато. Но начало — половина дела. И как бы хорошо оно ни было сегодня, а к испанцам всё же нам надо идти.

— Я готов, Иван Александрович. Куда пойдем?

— В Монтерей к ихнему губернатору Калифорнии я, конечно, не пойду, а вот в Сан-Франциско к тамошнему коменданту пойдем обязательно. Там нам благоволят со времен Николая Петровича Резанова, который первым сюда дорожку пропорил. И с нынешним комендантом доном Луисом Аргуэльо, думаю, договоримся полюбовно насчет продовольствия для Ново-Архангельска. О том имею наказ правителя Баранова.

— И когда же пойдем?

— А вот завтра разгрузимся и пойдем, как Бог нам погоду даст. Так что готовься, Сысой Иваныч. А сейчас я к Христофору Мартынычу, о разгрузке думы думать да разговоры разговаривать.

Глава четвертая

Самыми смелыми разведчиками в племени макома были, конечно, мальчики-подростки. Они ловко выслеживали лесных зверей на охоте и даже могли проникнуть в пасущееся стадо пугливых оленей. Алёна сама видела, как вместе со взрослыми юные охотники, надев чучела оленьих голов с ветвистыми рогами, подбирались по высокой траве к стаду, а дикие животные, видя такие же, как и у них, рога, даже и не подозревали об опас-

ности. А между тем стрелы из луков и острые ножи завершали дело, и племя было с оленим мясом несколько дней.

Вот почему Алёна послала ребят в разведку к испанской крепости Сан-Хосе, но наказала близко к ней не подходить, а скрытно выследить и узнать, где испанцы пасут своих коней.

Идти до крепости было довольно далеко, и маленькие разведчики пришли с задания только ночью. Алёна же не спала, их дожидаючи, и встретила ребят у своей хижины вместе с Манефой.

– Вождь Шаста, – сказал первым Вук, тоже ходивший в разведку. – Испанцы пасут своих коней недалеко от своей крепости, у Трех Сестер.

– А что такое – Три Сестры? – не поняла Алёна.

– Так называется место возле форта Сан-Хосе, где в чистом поле стоят одиноко три сосны-чаги, – пояснила Алёне Манефа.

– Поняла, – кивнула Алёна. – Продолжай, Вук.

– Днем лошади испанцев пасутся рядом с крепостью, и увести их оттуда никак нельзя, – продолжал докладывать Вук. – Да их и немного мы там увидели. А вот к вечеру, когда прохладно, лошадей у крепости пасется больше, и их охраняют ночью солдаты с ружьями. Мы видели тех караульных солдат у костра. А еще заметили, что передние ноги испанских коней на лугу связаны веревками.

Выслушав и поблагодарив своих маленьких разведчиков, Алёна отправила их спать и тут же приняла решение: в одну из ночных она и несколько ее воинов пойдут туда, где пасутся испанские кони, повяжут солдат и уведут лошадей...

...Так и было сделано. Только солдат испанских связывать не пришлось: утомленные службой, они потеряли бдительность и заснули возле жаркого костра. А воины макома, разрезав у лошадей путы на ногах, скрытно и без всякого шума привели с десяток коней в свое поселение...

...Узнав об этом наглом, по его словам, набеге индейцев и о потере стольких своих верховых коней, капитан Муньос был в бешенстве. Он обвинил во всем этом дерзком поступке людей макома и приказал лейтенанту Лопесу собираться и завтра же ехать в Сан-Франциско к его коменданту Луису Аргуэлью и просить у него помочи против индейцев ненавистного племени.

Глава пятая

Капитан Муньос и лейтенант Лопес, сопровождаемые небольшим отрядом солдат-всадников, подъехали к дому коменданта Сан-Франциско и оба, спешившись, поднялись на крыльце.

Комендант дон Луис Аргуэльо сидел за столом, когда офицеры вошли в его кабинет.

– О, капитан Муньос?! – удивленно воскликнул дон Луис, вставая из-за стола и идя навстречу нежданным гостям. – Никак не ожидал вас, сеньоры, но видеть рад. Что заставило проделать столь долгий путь сюда?

– Дело, не требующее отлагательств, привело нас к вам, дон Луис, – здороваясь с комендантом, сказал Муньос. – У нас с лейтенантом Лопесом есть к вам разговор.

– Располагайтесь, – пригласил гостей комендант. – Рассказывайте о ваших заботах и делах.

Офицеры расположились в креслах у самого стола, и Муньос первым начал разговор:

– Вокруг нашего форта Сан-Хосе, дон Луис, поднимают голову индейцы. У нас есть полная уверенность в том, что когда-то, и, может быть, скоро, они нападут на нас.

– Да, капитан. Мне известно, что среди множества племен вокруг наших крепостей есть очень воинственные. Ну и что они сделали, капитан, сейчас, коли у вас появились такие подозрения в их враждебности?

– Отряд индейцев макома однажды напал на охрану, которая вела работных людей с плантации в крепость. Все индейцы при этом разбежались.

– А охрана? – спросил Аргуэльо.

– Солдатам связали руки и отпустили домой, а лейтенанта Лопеса взяли в плен. Правда, в тот же вечер отпустили... А совсем недавно, два дня тому назад, индейцы макома похитили у нас прямо с ночного пастбища десяток верховых коней... Вот мы и приехали к вам.

– К сожалению, от таких нападений не застрахован никто на всем побережье Калифорнии.

– Согласен, дон Луис... Но вот недавно нам стало известно от индейцев, дружественных нам, что некие племена готовы объединиться и напасть на нашу крепость, да и не только на нашу. Это опасность для всех фортов... А то, что дикие оставили в живых солдат охраны и Лопеса, и для меня некая загадка. Но ее можно отгадать, если объяснить другую.

– И какую же?

– Вождь племени макома – белая женщина.

– Белая женщина?! – воскликнул дон Луис. – Вы не ошибаетесь, капитан?

– Нет, сеньор, – подтвердил слова своего командира лейтенант Лопес. – Именно так – белая женщина верховодит племенем макома. Я сам тому свидетель. Я побывал у них в плену.

– Откуда же она взялась? – всё еще удивлялся Аргуэльо.

– Она сама и индейцы утверждают, что ее дал им бог океана, а женщина вышла к ним из воды. Но как этому верить? Так что никто не знает о том. Потому-то все это и выглядит неправдоподобно. Скажите, дон Луис, не заходили ли к вам в Сан-Франциско русские корабли? – спросил Муньос.

– Давно не было... Наверное, с полгода или даже больше... Да, да, больше. Но при чем здесь русские корабли, сеньор капитан?

– Та белая женщина – славянка. Ее речь ни на испанскую, ни на английскую не походит. Вот я и думаю, что она с какого-нибудь русского корабля.

– У русских в прошлые годы были случаи побегов с кораблей, но те беглецы были мужчины... Но чтобы женщина... Нет, такого не припомню... А как звать ее?

– Шаста... Да, она славянка, – еще раз убежденно сказал Лопес. – Я видел ее дважды и слышал ее речь. Да она и сама мне призналась в том. А с русскими здесь, в Сан-Франциско, мне приходилось встречаться.

Дон Луис ходил по кабинету и, казалось, в уме решал какую-то задачу.

– Что и говорить – всё, что вы сказали о вожде племени макома, очень и очень странно... Однако что же вы решили предпринять, капитан Муньос, и что в таком случае я должен для вас сделать?

– У нас почти не стало индейцев, чтобы работать на полях. Да к тому же, как я говорил, есть опасность, что макома и другие племена, соединившись, могут напасть на нас, как уже бывало. Вот мы и приехали к вам, сеньор Аргуэльо, просить помощи. Мне нужны солдаты для охраны плантаций и для защиты форта Сан-Хосе... Мы с лейтенантом Лопесом...

Но договорить капитану Муньюсу не пришлось. Дверь в кабинет неожиданно распахнулась, и на пороге появился офицер.

– Сеньор! К нам идет иностранный корабль!

– Под чьим флагом иностранец?

– Похоже, что под русским, сеньор комендант.

– Вот как! А мы только что говорили о русских. Легки же они на помине. Но, кто бы они ни были, встретить надо достойно. Как только судно встанет на якорь, сходите к ним на шлюпке и узнайте, кто они и что им у нас надо.

– Слушаюсь, сеньор комендант.

И офицер, хлопнув дверью, побежал прочь от дома коменданта к пристани.

– Ну что же, сеньоры, – продолжил прерванный разговор дон Луис. – Мне надо подумать, как помочь вам. Очевидно, что придется связываться с другими нашими фортами, а, может быть, даже и с Монтереем... Но об этом мы поговорим с вами спокойно и чуть позже...

...Как только шхуна «Чириков» бросила якорь на рейде испанской пресидии Сан-Франциско, с ее борта раздались один за другим семь пушечных салютных выстрелов.

Иван Александрович Кусков и капитан судна Бенземан, стоя на мостице, пристально глядели в сторону испанского форта в ожидании ответных выстрелов береговой батареи. Ждать пришлось довольно долго.

– Странно, однако, Иван Александрович, что они молчат... Что бы это значило? – глядя в подзорную трубу, сказал Бенземан.

– Да, такого тут прежде не бывало, – подтвердил Кусков.

Наконец со стороны испанской крепости раздались пушечные выстрелы, но их было всего пять.

Бенземан и Кусков переглянулись.

– Они же должны ответить тоже семью, а я насчитал всего пять, – удивился опять Христофор Мартынович. – Отчего так?

– Не ведаю и сам... Но, главное, мы пришли сюда, и скоро все выяснится...

– Слева по борту вижу шлюпку! – крикнул капитану матрос-сигналщик. – Идет к нам!

Но капитан сам заметил лодку и передал подзорную трубу Кускову. Тот ненадолго поднес ее к своим глазам.

– Офицер от коменданта. Пойду встречу, – сказал Кусков и стал спускаться с капитанского мостика.

Скоро шлюпка подошла почти к самому борту «Чирикова», и офицер, встав во весь рост, громко прокричал по-испански:

– Кто вы и зачем пришли?

– Русская шхуна «Чириков»! – также по-испански прокричал в ответ Кусков. – Российско-Американская компания. И я – коммерции советник Кусков! Передайте вашему коменданту дону Аргуэлью, что мы пришли встретиться с ним.

– Ждите! – крикнул офицер, и шлюпка, развернувшись, стала удаляться к берегу.

Посыльного офицера Луис Аргуэлью вместе с Муньосом и Лопесом встретили на крыльце коменданнского дома.

– Русские пришли к нам, сеньор комендант. Судно «Чириков» Российско-Американской компании во главе с коммерции советником Кусковым. Так он велел сообщить вам. А еще он просит встречи с вами, сеньор.

– А-а-а, это старый мой знакомый русский мореход... А почему мы ответили на их салют только пятью выстрелами? – спросил комендант офицера.

– Так у нас же мало пороха, сеньор комендант. Только на боевые заряды и осталось.

– Вот ведь какая неловкость. Все это походит на неуважение к гостям и на нарушение правил. Придется извиняться. Ну да сеньор Кусков поймет нас. Передайте ему, что комендант Сан-Франциско ждет его.

– Слушаюсь, сеньор, – ответил офицер и вновь бросился к причалу.

– А чего этим русским здесь надо, дон Луис? – спросил коменданта Муньос.

– Они ходят по всему океану, капитан. Промышляют по побережью от Аляски до Санта-Барбary и Сан-Диего морских бобров, торгуют своими товарами.

– Но Мадрид запретил нам торговать с иностранцами.

– Да, я знаю об этом. Но с кем же здесь торговаться? Не странно ли, капитан, что из Мадрида виднее, как нам тут жить? Где взять того же пороха для пушек и ружей, как не купить его?

– Надо подождать наше судно, сеньор.

– Когда оно придет – неизвестно. Заботы же наши повседневны, и жить надо сейчас, капитан... Впрочем, я не думаю, что русские пришли именно торговаться с нами. Им, наверное, нужна пресная вода и продукты... Да мало ли что еще.

– А не хотят ли русские здесь у нас поселиться? – спросил лейтенант Лопес.

– Пока такого желания они не высказывали. Не стоит гадать, сеньоры. Скоро Кусков будет здесь, и я всё узнаю, хотя в их заходе к нам я не вижу ничего необычного. Русские приходят сюда каждый год... А с вами, сеньоры, мы продолжим разговор и решим, как помочь вам... Я буду ждать вас, как только провожу русских...

...Обе шлюпки, испанская и русская с «Чирикова», ткнулись в берег у причала. Иван Кусков, сойдя на землю вместе с Сысоем Слободчиковым, дождался посыльного офицера, и они пошли по дороге к воротам глинобитной стены испанской крепости.

Кусков и Слободчиков бывали здесь не раз и по узкой улочке форта с низкими и тоже глинобитными домами шли без всякого любопытства.

В испанской миссии, как всегда, было людно – от многих индейцев, лежащих прямо на земле у домов или играющих в «чет-нечет», и от прохожих испанцев, с любопытством взирающих на иностранцев.

На крыльце комендантского дома дон Луис Аргуэльо стоял один и, увидев подходящих к дому гостей, сошел по ступеням навстречу им.

– Рад вас видеть, сеньоры, – улыбаясь заговорил дон Луис, здороваясь с гостями. – Попутным ли ветром в наши края?

– Попутным, дон Луис, попутным. И я тоже рад видеть вас опять. Целый, считай, месяц из нашей северной аляскинской зимы шли мы сюда в ваше калифорнийское лето... И как, подумал я, не зайти к старому своему знакомцу.

– Рад, что не забываете меня, сеньор Кусков. Я тоже вспоминаю ваши прошлые визиты... А что, ныне вы опять пришли промышлять бобров в наших водах? – полюбопытствовал дон Луис.

– Это само собой, сеньор комендант, скрывать не стану. Тем компания наша и живет. Только нынче есть у меня еще одна забота.

– И в чем же она? Чем могу я вам помочь?

– А вот об этом я и хотел бы поговорить с вами. Так что приглашайте в дом, дон Луис.

– О да, сеньоры, – спохватился комендант. – Конечно, извините... Прошу вас проходить в мой дом.

И Луис Аргуэльо широко раскинул руки, приглашая гостей.

А там, когда гости уселись в кресла за накрытый для дружеского обеда стол, Аргуэльо вновь заговорил первым.

– Сеньоры! Я думаю, что этот скромный обед не помешает нашему деловому разговору?

– Ни в коей мере. И спасибо вам, дон Луис, – ответил Кусков.

– Думаю, что в таком общении можем лучше понять друг друга. Так что мы с моим помощником и другом сеньором Сысоем много вам благодарны.

– Но сперва, сеньоры, позвольте мне извиниться за то, что в ответ на ваш приветственный салют мы ответили лишь пятью выстрелами.

– А что случилось, дон Луис?

– Всё весьма и весьма просто: на холостые заряды нет пороха.

– Всё действительно просто. Я сегодня же пришлю вам бочонок пороха в дар, дон Луис.

– Буду вам признателен, сеньор Кусков.

— А вот второй бочонок вы у нас можете купить. Или за пистолеты, или за товар. Как того пожелаете.

Видно было, что комендант Аргуэльо обрадовался предложению русского морехода, что касалось пороха.

— Я согласен, на все, сеньор Кусков, и благодарю вас! Предлагаю выпить за нашу встречу, — сказал дон Луис, поднимая бокал с вином и, выпив, продолжил: — Так что же вы мне хотели сказать, кроме того, что пришли нынче опять охотиться на бобров?

Действительно, морских бобров на скалистых островах залива Сан-Франциско и лежащих недалеко в океане Фараллонских камнях обитало, было время, великое множество. И ходили за ними по приказу Баранова, которому о здешних зверях поведал американский капитан Джозеф О'Кейн, пришедший на Кадъяк на судне «Эклипс» еще в восемьсот третьем году.

С той поры вояжировали сюда с Аляски многие партии русских промысловиков, добывая здесь, у калифорнийских берегов, тысячи бобров и молодых бобрят-кошлаков и медведков. Но в сей год, Кусков знал это, их тут было не так уж и много, что совсем его не удивляло: морских бобров отстреливали не только русские промысловики...

— Да, сеньор Аргуэльо. Мы пришли не только за этим. А точнее, промысел бобров для нас нынче не главное дело в этих краях.

— Я заинтригован, сеньор Кусков. И что же для вас главное?

— Основать здесь, в Калифорнии, нашу русскую оседлость, дон Луис.

— Русский форт в Калифорнии? — удивленно произнес Аргуэльо.

— Да, дон Луис. Именно такой наказ я имею от начальников компании нашей и от Главного правителя русских владений в Америке господина Баранова.

— И где же вы намерены заложить ваш русский форт? Здесь же вся земля на побережье принадлежит Испании.

— Да, дон Луис, мы знаем, что вы, испанцы, первыми пришли сюда и открыли миру эту землю почти триста лет назад... Но всё же в Калифорнии есть места, не занятые вами.

– И где же вы такое место нашли?

– Сперва присмотрели место доброе на берегу залива Бодеги. Это много севернее Сан-Франциско.

– Но и там вся земля наша, сеньор Кусков, – не сдавался Аргуэльо.

– Не вся, дон Луис. В том-то и дело. Севернее Бодеги, а по нашему залива Румянцева, лежит ничейная земля. А вернее, принадлежит она племенам тамошних природных жителей.

– Всё равно, сеньор Кусков, вам для решения сего дела надлежит обратиться к губернатору Верхней Калифорнии.

– Нет, в Монтерей я идти не намерен, дон Луис. Землю же под оседлость я говорил у индейцев для продажи нам еще в прошлом году. Зачем же мне губернатор? А вот с вами, дон Луис Аргуэльо, я уверен, мы будем разговаривать и договоримся жить в мире и дружбе, как добрые соседи.

– Вы, сеньор Кусков, знаете мое доброе отношение к России и к русским людям. Но здесь у нас не все так настроены. Найдутся такие, кто будут мешать вашему делу. Поэтому мой вам совет: поселитесь подальше от залива Бодеги, дабы не раздражать недовольных.

Да, Иван Александрович давно знал о добром отношении всей семьи Аргуэльо к России и русским. С той самой поры, когда сюда впервые пришел русский корабль «Юнона» за съестными припасами с камергером Николаем Петровичем Резановым на борту, задумавшим этот поход от Аляски до благодатной Калифорнии. А комендантом форта Сан-Франциско служил тогда отец нынешнего – дон Жозе Аргуэльо. Потому-то Кусков сейчас и пошел на откровенный разговор с доном Луисом.

– Оседлость наша, сеньор комендант, будет в сотне миль от Сан-Франциско. Так что соседство не назовешь близким, – сказал Кусков.

– Всё равно найдутся те, кто донесут о вашем предприятии в Мадрид.

– Вот уж воистину: до Бога высоко, до царя далеко. По последним известиям, народ ваш испанский сражается ныне с войсками французского тирана Наполеона Бонапарта.

– Да, сеньоры, Испания сейчас воюет с французскими захватчиками, – подтвердил слова Кускова Аргуэльо.

– Нынче вся Европа в огне. Так что ни Мадриду, ни Петербургу теперь не до нас. А мы ждать более не можем. У нас на Аляске зима опять голодная и холодная... Живя тут, дон Луис, даже вообразить трудно наши лишения там, на Аляске, и на островах у побережья. Одна надежда только на сию благодатную землю калифорнийскую и на вас, дон Луис!

– На меня? – удивился Аргуэльо. – Но что я могу для вас сделать, кроме того, что не препятствовать строить ваш форт?

– Мы благодарны вам за это, дон Луис. Но я сейчас о другом – о том, что мы ныне в таком же положении, в каком были, когда сюда к вам пришел на «Юноне» камергер Николай Петрович Резанов.

– Я хорошо помню тот визит, сеньор Кусков.

– Тогда Резанов купил здесь четыре тысячи пудов зерна, сто пудов соли, пятьсот – сала. Он заполнил трюмы «Юноны» бобами, сущеным мясом, солониной. И наши люди на Аляске были спасены, в том числе и ваш покорный слуга. Спасены от голодной смерти и болезней. Всё свершилось тогда благодаря тогдашнему коменданту Сан-Франциско и отцу вашему.

– Да, я хорошо все помню, сеньор Кусков. Русский генерал Резанов был дружен с нашей семьей и даже обручен с моей сестрой Кончитой. Он поехал в Россию за разрешением на брак к вашему императору и папе римскому. Кстати, подтвердилось ли известие о его кончине на пути в Петербург где-то, кажется, в Сибири? – поинтересовался дон Луис.

– Да, у нас об этом все знают, – ответил Кусков. – В прошлый раз я вам о том сказывал.

– Но Кончита не верит до сих пор в смерть своего возлюбленного сеньора Резанова и ждет его, – грустно произнес дон Луис.

– Она здесь, в Сан-Франциско?

– Нет. С отцом и матерью она живет теперь в Монтерее и всё ждет своего русского избранника.

– Я имею наказ передать письмо правителя Баранова к вашему батюшке, дон Луис. Там подтверждается кончина ка-

мергера Резанова ровно пять лет тому назад, в марте восемьсот седьмого года по дороге из Иркутска в Красноярск, где и лежит его прах. Вот оно.

И Кусков достал из нагрудного кармана бумагу.

– Кончата всё равно не поверит. Я знаю, что отец сделал запрос в Мадрид и далее в Петербург только ради сестры. Мы же все уверены в случившемся... И в память камергера, в знак наших добрых отношений я готов помочь вам. Скажите, сеньор Кусков, что вам необходимо?

– Судно «Чириков», на котором мы пришли сюда, я скоро отправлю в обратный путь, и мне необходимо заполнить его трюмы продуктами. Я хотел бы купить у вас зерно, бобы, со-лонину, сущеное мясо, соль – всё, что и тогда взял у вас Резанов.

– Это в моей власти, сеньор Кусков.

– Расчет произведем немедля по загрузке. Пиастрами и частью нашими товарами: кожами, тканями, топорами, гвоздями и прочим иным, что вы пожелаете.

– Я согласен, сеньор. Тем более, что мы ни с кем не торгуем и запас продуктов у нас в достатке. Так что ставьте ваше судно к причалу и скажите, сколько каждого продукта вам надо у нас приобрести.

Иван Александрович опять достал из кармана куртки сложенный вдвое лист бумаги.

– А у нас вот тут всё расписано, сеньор Луис, – сказал Кусков, подавая испанцу реестр нужных припасов.

– Отлично, сеньоры. Завтра же, я думаю, можно будет загружать судно.

– Тогда по рукам, дон Луис!

– По рукам, сеньор Кусков!

Луис Аргуэльо и Иван Александрович поднялись с кресел и протянули друг другу руки, а потом и бокалы. К ним присоединился и Сысой Слободчиков, сидевший до этого молча, так как языка испанского не знал.

– Про Алёну-то спроси, Иван Александрович, – напомнил он Кускову.

– Да, да... Не заходило ли к вам сюда в Сан-Франциско судно

«Альбатрос» под командой Самуэля Гельбера? Он из пиратствующих, – спросил дона Луиса Кусков.

– Имя этого морского разбойника мне известно, но у нас его не было. А где вы его видели?

– Он приходил к берегам Аляски и возмущал тамошних индейцев, уже замирившихся с нами, против нас опять. И они даже пытались штурмовать форт Ново-Архангельск на Ситхе, но мы отбились. Гельбер бежал и ушел от наших берегов в здешние воды. Матросы же его, суть пираты, захватили в плен дочь вот этого сеньора, моего друга и помощника Сысоя Ивановича Слободчикова. Вот мы и справляемся: может быть, заходил пират в порт ваш да продал девушку кому-нибудь в служанки? Такое уже бывало.

– Бывало, не скрою, но сейчас такого не припомню. Это точно. Я бы знал, если бы случилось что-либо подобное. Но я буду спрашивать, сеньоры, где возможно, о русской девушке. В Монтерее, например, или в Санта-Барбаре, когда случится быть там. Обещаю вам это.

– Благодарствую, сеньор Луис, – поблагодарил Слободчиков коменданта.

– Странно только, – сказал дон Луис. – Сегодня во второй раз у меня в кабинете приходится говорить о русской женщине.

– Кто же еще вам говорил? – спросил Кусков.

– Наши офицеры из форта Сан-Хосе рассказывали мне сегодня, как раз перед вашим приходом, о девушке-славянке. Она в тех краях – вождь одного из индейских племен.

– Женщина, да еще славянка, – вождь индейцев? Час от часу не легче. Может ли быть такое? Да и как Алёна могла оказаться там? – недоумевал Иван Александрович. – А как звать ее?

– Шаста.

– У славян нет такого имени. Не может и быть сего, – замотал головой Слободчиков.

– Я обещаю вам, сеньоры, всё разузнать подробнее и при нашей следующей встрече расскажу вам.

– Ну что же, дон Луис. Позвольте нам откланяться с благодарностью за ваше гостеприимство и добрую беседу.

– И я был рад встрече с вами, сеньоры. Буду ждать новой.

Да вот хотя бы в дни загрузки трюмов вашего судна нашими припасами.

– Надеюсь, что так и будет, сеньор Луис, – сказал Иван Александрович и первым пошел к дверям.

Дон Луис Аргуэльо вышел проводить гостей на крыльцо комендантского дома и тепло распрощался с ними.

Кусков и Слободчиков в сопровождении офицера миссии Сан-Франциско пошли к пристани...

Недалеко от причала путь им неожиданно преградили два испанских офицера, державших в поводу верховых лошадей. Это были капитан Муньос и лейтенант Лопес.

– Вы с русского корабля, сеньоры? – спросил старший из офицеров.

– Да, сеньор, – ответил Кусков и остановился. – С кем имею честь говорить?

– Капитан Муньос, сеньор. Позвольте вам задать вопрос.

– Говорите, – согласно кивнул Иван Александрович. – Слушаю вас.

– Скажите... Уж не собираетесь ли вы, русские, поселиться здесь, в Калифорнии?

– Похоже на то, сеньор капитан.

– И где же?

– Почти в сотне миль отсюда.

– Но ведь на сотню миль отсюда кругом наша земля! – воскликнул Муньос.

– А мы поселимся на сто первой, сеньор.

– А мы вас всё равно прогоним.

– Ну что же, сеньоры, – усмехнувшись, твердо проговорил Кусков. – Приходите, прогоните.

Не сказав более ни слова, он и Слободчиков направились к шлюпке, где их ожидали матросы с «Чирикова».

Стоя на капитанском мостице рядом с Бенземаном, который уже приказал поднять якорь и, отдавая команды своим мартросам, маневрировал к причалу, Кусков невольно любовался, как бывало и раньше, в прошлые сюда приходы, открывшейся перед его взором картиной сего чудного места: обжитый берег

тихой бухты, за ним на высоком и ровном, почти квадратном месте, глинобитные стены испанской миссии с воротами и видимыми даже отсюда бойницами для ружей, а чуть подальше от стен – невысокие горы, покрытые редким кустарником.

И, неожиданно вспомнив недавний разговор, он представил вон там, у береговых камней, сидящую девушку-испанку и день за днем, год за годом ждущую своего русского жениха Николая Резанова.

Об этой любовной истории было известно почти всем на калифорнийском побережье. Знал о ней, конечно, и Кусков, как знал и самого Николая Петровича Резанова. Да и ~~не~~ знать, коли камергер был одним из отцов Российско-Американской компании, ее заботником и хранителем после тестя своего Григория Ивановича Шелихова, с которым познакомился и подружился в Иркутске, куда приехал навестить отца, служившего в сибирской столице по судебной части. Там же, в Иркутске, Резанов и женился на дочери Шелихова Анне. Видно, что долгие и интересные разговоры с Григорием Ивановичем, побывавшим не однажды у американских берегов и мечтавшим о присоединении тех далеких земель к России, о возведении там постоянных русских оседлостей, да к тому же основавшим на острове Кадьяк первое русское поселение, возбудили такую же мечту и интерес у Николая Петровича Резанова.

Он, служа при дворе императрицы Екатерины Великой, однажды даже написал на ее высочайшее имя свое прошение об учреждении единой Российско-Американской торгово-промышленной компании, о какой мечтал и писал ей еще Шелихов. Но императрица почему-то охладела к делам на Восточном океане, хотя и не забывала о них, а иногда и помогала людям, там промышлявшим. И только новый государь Павел Первый рассмотрел прошение и признал его достойным для пользы Отечеству, начертав на нем: «Быть по сему». Его указом в июле семисот девяносто восьмого года с тем же названием компания и была создана со всеми привилегиями в промысле и торговле. Представителем же ее в Петербурге был назначен Резанов. А при императоре Александре Первом даже великие князья стали акционерами Российской-Американской компании, да и сам государь тоже...

...Николай Петрович, заботясь о людях, на далеких островах обитающих, написал ему прошение и предложил провизию и все прочие товары для постройки оседлостей доставлять не по суше через Сибирь, а морскими судами вокруг света. Император издал указ о посылке к берегам Аляски двух судов. Такое в России вершилось впервые.

Корабли для такого дальнего путешествия пришлось покупать в Англии. Парусники нарекли «Надеждой» и «Невой», и в августе восемьсот третьего года они вышли из Кронштадта в свое первое кругосветное плавание. «Надеждой» командовал капитан-лейтенант Иван Фёдорович Крузенштерн, а «Невой» – капитан-лейтенант Юрий Фёдорович Лисянский. Экспедицию император Александр Павлович отдал под начало Николая Петровича Резанова, которому поручил два особых дела: побывать в Японии и попытаться заключить с ней договор о торговле, ну и, конечно, добраться до Аляски, узнать, как живут люди в наших поселениях американских.

Всю осень и зиму шли русские корабли по океанам и морям через штормы и бури разных широт, через дожди, снег и туманы, пока не попали в жаркие тропики. Лишь в мае месяце увидели северные моряки Маркизские острова, а в июне – Гавайские, где пути кораблей разошлись: «Нева» поплыла к аляскинским берегам, а «Надежда» с Резановым на Камчатку и в середине июля бросила якорь в Авачинской бухте Петропавловской гавани.

Резанов вскоре на этом же судне отправился в Японию, но дипломатическая миссия его что-то там не задалась. Простояв у японских берегов целых полгода, Николай Петрович так и не смог добиться от японцев торгового договора. Пришлось вернуться на Камчатку: Япония не позволяла иностранцам пребывать на ее земле.

Резанов же из Петропавловска на бриге «Мария» отбыл с Камчатки на остров Ситху в Ново-Архангельск, к Главному правительству русских владений в Америке Александру Андреевичу Баранову. То, что увидел Резанов в Ново-Архангельске, повергло его в глубокую печаль и тоску. Люди, бывшие там, во главе с правителем, голодали. Не было ни хлеба, ни мяса и даже рыбы,

которая за всё лето не проходила в окрестных водах. А был уже август. Как жить дальше, если съестные припасы не доставят кораблем из Охотска, не знал даже сам правитель Баранов. Люди питались чем попало: ракушками, выброшенными на берег морскими волнами, моллюсками-мамаями, которые собирали после отлива, стреляли ворон и прочих птиц, залетающих на остров.

К великому счастью и совсем неожиданно в сентябре того же восемьсот пятого года в гавань Ново-Архангельска вскоре после Резанова пришел на судне «Юнона» американский шкипер из Бостона Джон Вольф. При первом же разговоре с ним Резанов спросил у американского купца и капитана о продуктах и ушам своим не поверил: в трюмах «Юноны» было шестьдесят бочек солонины, сотня мешков с рисом, ячменем и сахаром. О таком можно было только мечтать, и Резанов, недолго думая, купил у Вольфа все продукты вместе с кораблем за шестьдесят восемь тысяч пиястр. Баранов же добавил много пушнины и два компанейских суденышка – «Ермак» и «Ростислав».

Джон Вольф был доволен сделкой и, погрузив пушнину в трюмы «Ермака», отправил его с частью своих людей в китайский порт Кантон: там хорошо можно было заработать на продаже мехов. Сам же капитан Вольф на «Ростиславе» пошел в Охотск по своим коммерческим делам.

Тогда-то, в те тяжелые для Ново-Архангельска дни, и узнал близко Иван Александрович Кусков камергера Резанова, который в долгих беседах рассказывал им с Барановым о Петербурге, о тамошней жизни в России и Европе, о своем полукруго-светном путешествии сюда, к берегам Аляски. Тогда же из рук Николая Петровича получил Кусков золотую медаль «За усердие» с Владимирской лентой на шею и чин коммерции советника...

...И теперь, вспоминая камергера Резанова, Иван Кусков испытывал в своей душе чувство благодарности к этому человеку, так много сделавшему для благополучия русских поселений на американских берегах, спасшему многие жизни обитателей Новоархангельска и иных поселений. А дело в том, что купленного у Джона Вольфа продовольствия хватило только до Рождества

Христова, и в Ново-Архангельске вновь наступили дни голода и болезней. Ждать помощи было неоткуда, и Резанов решил отправиться на «Юноне» в теплые воды Калифорнии. Это, надо сказать, был тогда большой риск: теми землями владели испанцы и никаких иностранцев в своих портах не жаловали. Были даже случаи захвата ими в плен всей команды зашедшего в гавань судна. Так оберегали Новую Испанию ее владельцы.

Но другой надежды на спасение людей у Резанова не было, и он на свой страх и риск отправился в Калифорнию, назначив командовать «Юноной» прибывших с ним на Ситху лейтенантов корпуса флотских штурманов Николая Хвостова с его помощником Гавриилом Давыдовым, мореходов опытных, много раз ходивших по Великому океану: компании разрешалось нанимать на службу офицеров военно-морского флота. О том походе Иван Кусков слышал рассказ из уст самого камергера...

...В феврале восемьсот шестого года пошел Резанов в полуденную океансскую даль на крепком судне, с обшитыми листовой медью бортами, «Юноне», а через месяц в бухте испанской миссии Сан-Франциско парусник встал на якорь. Николаю Петровичу пришлось применить весь свой дипломатический талант, чтобы добиться расположения испанцев, дабы не видели те в пришедших русских моряках врагов своих, а только друзей, желающих лишь приобрести здесь за пиастры и пушину нужные продукты для товарищей своих, страдающих от голода на берегах Аляски.

К счастью, тогдашний комендант Сан-Франциско дон Жозе Аргуэльо оказался человеком, близко принявшим и понявшим бедственное положение русских на северных островах побережья. Да к тому же и камергер пришелся ему по душе: образован, обходителен, дипломатичен, знаток многих языков, благороден и умен. Николай Петрович был принят всей семьей коменданта, в доме которого он часто стал бывать. Но особенно он прямотаки очаровал юную дочь дона Жозе Аргуэльо Кончиту. Она, можно сказать, с первого взгляда влюбилась в русского гостя их дома. Резанов тоже не остался к ней равнодушен и в своих ухаживаниях зашел так далеко, что Кончита стала просить своих родителей позволения выйти за него замуж. Николай Петрович

в беседах с Кончитой и ее родней поведал о том, что ему идет уже сорок третий год, что он вдовец и что в Петербурге у него остались дети – сын Петр и дочь Ольга. Но всё это никак не остановило влюбленную юную испанку, и она, уговорив родителей и братьев, всё же настояла на обручении, которое и случилось в крепостной церкви. Только вот свадьбу пришлось отложить до лучших времен: Кончита была католичкой, а жених – веры православной. Местные католические священники-миссионеры согласие на брак дать отказались и потребовали для сего дела разрешения самого папы римского. Сам же Резанов должен был просить согласия на брак с католичкой у государя императора Александра. Николай Петрович, человек долга и чести, пообещал своей возлюбленной Кончите и всей ее семье поспешить в Петербург за разрешениями и с ними вернуться сюда через два года. На том и порешили. Надо ли говорить, что трюмы «Юноны» были загружены рогожными мешками с разным зерном, бобами, горохом, солью, бочками с салом и солониной: всем, чем была богата обильная и плодоносная калифорнийская земля. Проводить в обратный путь на север русский корабль вышли на берег бухты почти все обитатели форта Сан-Франциско и, конечно, вся семья коменданта Жозе Аргуэльо. А когда «Юнона» стала удаляться всё дальше и дальше от причала, то все, прощаюсь, махали ей руками, шапками, платками.

Николай Петрович Резанов, стоя на палубе, тоже прощально махал флотской, с лакированным козырьком, фуражкой и всё глядел и глядел на свою невесту, стоявшую в толпе и машущую ему белым платком, который был виден даже тогда, когда люди на берегу, а вместе с ними и Кончита стали почти неразличимы. И слезы были на его глазах. То ли от морского ветра, наполнившего паруса «Юноны», то ли от долгого смотрения на отдалявшийся берег и на стоявших там людей. Иван Александрович Кусков помнил до сей поры даже слова про Кончиту, сказанные Резановым при воспоминании о своем походе в Калифорнию: «Кончита мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня, я люблю ее и плачу о том, что не скоро ее увижу, да и увижу ли когда-нибудь?!»

...Выйдя из бухты Сан-Франциско в мае, «Юнона» пришла

в Ново-Архангельск в июне, где Резанов и вся команда корабля увидели страшную картину: обитатели крепости еле передвигались, были измождены до худобы от постоянного недоедания. За время, что Резанов был в Калифорнии, здесь от цинги и голода умерло много зверобоев-промысловиков, алеутов и русских. Да сколько еще лежало больных и недужных по домам и казармам. Казалось, что в Ново-Архангельске жизнь замерла в ожидании чего-то необычного, страшного и неизбежного. Но спасение пришло с «Юноной», и люди из тех, кто мог еще держаться на ногах, во главе с правителем Барановым, заметно повеселев, помогали выгружать из трюмов судна продукты, которых они уже отчаялись дождаться. Так, уже в который раз, Николай Петрович Резанов спас насељников Ново-Архангельска от голода и болезней и стал для них земным ангелом-хранителем. А потом были многие и долгие разговоры с камергером Резановым о будущем русских владений в Америке, которые он не мыслил без Калифорнии. На обратном пути к Аляске камергер отметил, что севернее Сан-Франциско нет испанских крепостей, а, стало быть, по мысли Резанова, та земля ничейная и на ней необходимо построить русскую оседлость. Засеять там поля ячменем и пшеницей, на огородах выращивать овощи, а на зеленых и бескрайних пастбищах заниматься скотоводством. Тогда население русских крепостей на берегах и островах Аляски навсегда забудет о голоде.

А еще, как помнилось Кускову, Резанов сокрушался о том, что русские люди не пришли в сей благодатный край раньше, и говорил, что если бы правительство России следовало мыслям Петра Великого и укреплялось из года в год на американских берегах, спускаясь на юг по побережью, то никакой Новой Испании никогда бы и не существовало, а была бы Русская Калифорния – земля российского владения. И он пообещал правителю Баранову, что непременно напишет о строительстве русского форта в Калифорнии самому министру коммерции и своему тезке графу Николаю Петровичу Румянцеву, а ежели придется встретиться с государем, на что он надеялся, имея в мыслях свои дела, то скажет ему о том же. Но Баранову, говорил он, не стоит долго ждать разрешительных бумаг из Петербурга, а надо

самому готовиться к строительству новой оседлости, подобрав, конечно, на том океанском берегу подобающее для поселения место. С тем и отплыл Резанов вскоре теплым июльским утром в Охотск на бриге «Мария», торопясь в Петербург. Правда, перед самым отплытием отправил он своих лейтенантов Хвостова и Давыдова к Южному Сахалину на «Юноне» и тендере «Авось», куда, по рассказам мореходов компанейских, пришли японцы. Он приказал офицерам корабли незваных пришельцев в губе Анива сжечь, а самих японцев отправить на их остров Хоккайдо и наказать строго, «чтоб никогда они Сахалина, как российского владения, посещать иначе не отваживались, как приезжая только лишь для торга». Сие действие касалось и островов Курильских, называемых им Курилороссию.

После сего Кусков и Баранов ничего о камергере Резанове долгое время не знали и не ведали, пока летом следующего, во-семьсот седьмого, года Сысой Слободчиков не пошел с пушным товаром в Охотск. Там-то и узнал он о судьбе Николая Петровича Резанова от сибирских купцов и служащих компанейской конторы. Те сказали, что в Охотск с Аляски Резанов приплыл из-за каких-то приключений только в октябре и, не задерживаясь, отправился в Якутск. Сперва дожди, а потом морозы заставили Резанова лечиться там недели с две. Его уговаривали остаться и переждать непогоду, но он никого не хотел слушать и отправился дальше верхом на лошади. Дорога была трудна и опасна, но камергера ничего не могло остановить. Совсем больным он добрался до Иркутска и задержался там на несколько дней. Говорили, что везде знатного путешественника встречали с почестями, а в Иркутске Николая Петровича навестил сам генерал-губернатор Сибири Иван Борисович Пестель.

Едва оправившись от болезни, Резанов по приглашению иркутских чиновников, купцов, военных и просто горожан стал бывать на званых обедах, ужинах и балах. А потом и сам устроил прощальный ужин на триста человек, в благодарность всем, кто оказал ему гостеприимство в этом городе. То же было внимание к нему и в других городах на многотрудном пути камергера по морозной и снежной Сибири. Хотя Резанов надолго больше нигде не задерживался и всё время стремился в путь.

Но добраться ему суждено было только до Красноярска. Перед самым городом на скользком спуске дороги Николай Петрович упал вместе с лошадью и ударился головой о придорожный камень-валун. Сей случай остановил жизненный путь камергера Резанова. В Красноярске Николай Петрович первого марта восемьсот седьмого года окончил свои земные дни и погребен был там при соборной Воскресенской церкви.

Известие о том, принесенное из Охотска Сысоем Слободчиковым, а потом подтвержденное бумагою из компанейской почты, повергло в уныние и скорбь всех обитателей новоархангельской крепости на Ситхе: не стало их спасителя и охранителя. Компания, да и вся Русская Америка, потеряла своего строителя и защитника.

С той поры не однажды правитель Александр Андреевич Баранов сообщал с разными оказиями коменданту Сан-Франциско о кончине Николая Петровича Резанова. Привозил сию печальную весть в Калифорнию и Кусков, бывший в этих местах в прошлые годы, как привез и на этот раз.

Но оказалось, что до сей поры не верит Кончита, что ее возлюбленного нет на этом свете. Не верит, и каждый день уже который год сидит она на океанском скалистом берегу в надежде увидеть однажды корабль под белыми парусами, на котором приплывет ее суженый из далекой России...

...«Чириков», повинуясь умелым командам бывалого морехода Христофора Бенземана, мягко толкнулся бортом о причал, и на его настил полетели с корабля швартовы, прервав воспоминания Кускова, которому предстояло сейчас вместе с капитаном заняться совсем иными делами.

Глава шестая

Индийский мальчик Вук из племени макома собирал в лесу недалеко от своего поселения желуди, когда услышал вдруг какие-то крики. Вук осторожно стал пробираться через лесные заросли на звуки и вдруг увидел за редкими деревьями, как испанцы, офицер и солдат, склонившись над лежащим человеком

– индейцем, – снимали скальп с его головы. Здесь, в лесу, не было в это время никого из мужчин макома. Вук это знал точно. Поэтому убитый испанцами индеец мог быть только из соседнего племени калечи.

Вук спрятался за большим деревом и видел, как офицер положил скальп в сумку у седла своей лошади. Второй испанец перекинул бездыханное тело индейца через холку коня, и они пошли из леса, где на опушке их ждали еще трое конных солдат. Немного о чем-то поговорив, весь отряд двинулся в сторону индейского поселения соседнего с макома племени калечи...

...Алёна обучала верховой езде молодого воина, держа в руках длинную бечеву, привязанную к уздечке коня, который бегал по кругу. Индеец же старался удержаться на неоседланной лошади. Алёна что-то кричала подростку, была увлечена действием и не заметила, как к ней подбежал Вук и быстро стал говорить. Он почти кричал и возбужденно размахивал руками. К нему тут же подошла Манефа.

– Солдаты-испанцы убили сейчас в лесу человека калечи, – перевела она слова Вука. – Они сняли с него скальп и повезли в сторону поселения калечи... Вук все видел.

– Ясно. Испанцы хотят поссорить нас с соседями. Едем! – решительно крикнула Алёна. – Вук! Со мной!

Она громко свистнула, и тут же к ней подбежали воины и подвели вороного коня. Алёна легко запрыгнула в седло, подхватила за руки Вука, посадив его впереди себя, и поскакала по равнине к селению калечи. Воины макома понеслись на своих конях за вождем...

...Испанские солдаты во главе с лейтенантом Лопесом подъехали к селению калечи, и Лопес велел позвать вождя, а когда тот вышел из хижины к испанцам, то лейтенант попросил его собрать мужчин племени: вождю и мужчинам он хотел что-то сказать.

Пока воины калечи собирались, испанцы стащили с коня и положили на землю тело убитого индейца с обезображенной

головой. Затем Лопес, оглядев собравшихся людей калечи, заговорил с ними через вакера.

– На ваши земли, калечи, пришли недавно новые люди с севера. Они уже захватили земли индейцев других племен там, на берегу океана! – громко говорил, почти кричал, Лопес. – Эти люди – захватчики! Они – русские, славяне, и хотят поселиться здесь!.. Вот этого воина вашего племени мы нашли вон там, у самой кромки большого леса... Его убили русские охотники. Мы видели, как они умчались на своих конях в сторону океанского берега. Они сделали это черное дело, чтобы запугать калечи! Я призываю вас помочь нам прогнать русских с этой земли! Вам надо объединиться с другими племенами, и мы все вместе прогоним их! Смерть пришельцам!

– Смерть! Смерть! Смерть! – закричали воины калечи.

А в это время послышался дальний топот лошадиных копыт и воинственные крики: со стороны большого леса скакал отряд всадников-индейцев. Это были воины макома.

Алёна скакала впереди всех. Маленький Вук подпрыгивал в ее седле.

Подскакав к собравшимся калечи, Алёна и ее люди резко остановили коней и спрыгнули на землю. На лицах испанцев было видно недоумение, а Лопес, узнав Алёну, нахмурился, и явно был недоволен встречей с вождем макома. Люди же калечи смотрели на Алёну и ее воинов с почтением.

– Что говорит этот испанец? – обратилась Алёна к вождю калечи, тоже узнав лейтенанта Лопеса.

– Он говорит, что вот этого нашего калечи убили белые люди – русские, – сказал вождь калечи.

– Откуда здесь взялись русские? – удивленно спросила опять Алёна.

– Они пришли с севера и хотят поселиться здесь, а нас всех убить. Он говорит, – кивнул на офицера вождь калечи, – что те люди хотят запугать нас и людей других племен, а потом захватить наши земли.

– Русские не убивают невинных людей. Они христиане и убивать не могут по законам и заповедям своей веры, – говорила Алёна больше для испанцев, чем для вождя калечи. – Хотя ис-

панцы тоже христиане, но другие. Они отступники от истинной веры... Вот потому они и убивают нас. Люди калечи, не верьте этому испанцу! Он лжет!

Лицо лейтенанта побледнело.

– Я не лгу! – воскликнул Лопес. – Это она защищает пришельцев с севера!

– Не русские убили вашего человека, вождь калечи, – спокойно сказала Алёна. – Его убили вот эти испанцы.

Алёна сняла с седла Вука.

– Сейчас, испанец, будет тебе и доказательство лжи твоей... Скажи, Вук, кто убил мужчину калечи?

– Вот этот и этот, – показал мальчик на лейтенанта Лопеса и его подручного. – Я всё видел. Я был в том лесу и собирали же-луди. Это они сняли скальп.

– Что ты врешь, мерзавец! – опять закричал Лопес.

Индейцы калечи по знаку своего вождя окружили испанцев.

– Он не врет, и вот наше доказательство, – сказала Алёна и, подойдя к лошади офицера, полоснула острым ножом по низу седельной сумы, из которой шлепнулся на землю окровавленный скальп.

Индейцы тут же схватили лейтенанта Лопеса и его солдат.

– Я прошу вождя калечи пощадить невинных и отпустить их. Пусть идут к себе в крепость и скажут своим людям, что мы – макома и калечи – мирные люди и убиваем только тех, кто причиняет нам зло, кто проливает нашу кровь... А ты, испанец, – обернулась Алёна к лейтенанту, – видно, забыл мои слова, а может, и не поверил древней истине нашей... Да теперь уже поздно...

Вождь калечи что-то крикнул своим воинам, и в близкий кустарник за селением потащили только упирающегося Лопеса и его подручного-солдата. Оттуда вскоре раздались дикие крики.

А Алёна подвела офицерского коня к маленькому Вуку.

– Теперь это твой конь, Вук, – сказала она мальчику. – Бери, ты его заслужил.

Счастливый Вук забрался в седло, все еще не веря в происходящее. И на лице его сияла благодарная улыбка, обращенная к Алёне.

Вождь калечи тоже благодарно склонился перед Алёной.

– Вождь Шаста, ты поступила как истинный друг и сосед, – сказал он. – Я и мои люди благодарим тебя.

– Враги наши, вождь калечи, – твердо произнесла в ответ Алёна, – должны знать: кто с мечом к нам придет, тот и погибнет от меча! Так!

– Так, вождь Шаста. И если будет нужно, то воины калечи встанут рядом с воинами макома. Только позови. Вот тебе моя рука.

И вожди-соседи пожали друг другу руки.

Когда возвращались обратно в свое селение, Алёна была задумчива и молчалива. Манефа, глядя на нее, отнесла настроение Алёны к только что случившемуся неприятному делу. Но, оказалось, что не так.

– Что бы это все значило, Манефа? – спросила Алёна свою подругу и помощницу.

– О чём ты говоришь? – не поняла та.

– Что это за русские люди пришли сюда? И где они находятся?

– Откуда мне знать? Надо будет поискать.

– Да, надо будет узнать о том. Может, с Ситхи, может, с Ка-дьяка. А вдруг и мой Ванечка с ними или тятенька? А если же нет, то они наверняка их знают. А, Маня?

– Может, так, а может, и не так. Мало ли наших людей по всему побережью, – ответила Манефа.

– Всё равно... Кто бы они ни были, но это наши, и я к ним поеду, когда найдем... Сердцем чую, что про своих узнаю.

Глава седьмая

Место для закладки медной доски с надписью литыми буквами «Земля российского владения» Иван Александрович Кусков выбрал почти посередине площади будущей крепости. На чистом и ровном месте вырыли неглубокую яму у подножья четырехгранного столбика со шлемовидным верхом.

Толпа промышленных людей окружила в один из дней место закладки. Здесь и сам Кусков, и Слободчиков, и отец Никодим, и Иван Лихачев с Фёдором. Тут же индейцы со своим вождем ВАЛЁНИЛЛОЙ.

Отец Никодим, подойдя к Ивану Александровичу, что-то сказал ему. Тот кивнул, и батюшка начал подобающий к этому слушаю молебен. Ему помогал дьякон Василий с разожженным и дымящим ароматом ладана кадилом. Хор промысловиков и будущих первых наследников крепости помогал отцу Никодиму творить молитвы, и вот настал момент, когда батюшка, взяв кропило и окунув его в сосуд со святой водой, окропил крестообразно закладную доску.

– Освящается доска сия, – говорил речитативом отец Никодим, – означающая, что отныне место сие есть земля российского владения. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

– Аминь, – вторил священнику хор.

Отец Никодим окропил на все четыре стороны и стоявших вокруг закладной доски людей, а когда закончил молебен, то произнес кратко:

– Как вознесся на небо Господь наш, так и мы вознесем молитвы свои ко Господу, дабы сошла на место сие благодать Божия отныне и до века. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь.

Кусков со Слободчиковым подняли и положили закладную доску в яму, закрыли дерном, и Иван Александрович обратился к стоявшим вокруг людям:

– Други мои! Запомните сей день! Тысяча восемьсот двенадцатого года, мая в пятнадцатый день заложена и освящена доска наша, а вместе с нею положили мы сегодня начало пятнадцатой русской оседлости на американском матером берегу под тридцать восьмым градусом северной широты и сто двадцать третьим градусом восточной долготы. Отныне здесь, на благодатной земле Калифорнии, стоять будем и мы – русские люди! С Богом, братцы!

...И стройка русской крепости на высоком калифорнийском берегу Великого океана началась.

Застучали в недальнем лесу топоры, и первые стволы сосны-чаги упали на землю. Лошадей не было, бревна таскали от леса до стройки волоком, подкладывая под них круглые колья-катыши. На волоке бревен работали все вместе: русские, алеуты, индейцы.

Мужики из промышленных, оставив на время ружья, взялись за топоры, а потом за лопаты и кирки. Они вгрызались в землю, готовя глубокую канаву под частокол будущей крепостной стены. И вот уже первые заостренные сверху бревна встали ровным рядом друг к другу, возвышаясь над землей на целых две сажени.

– Ну что, Сысой Иваныч, поздравляю тебя с началом крепостной стены, – радостно и довольно улыбаясь, сказал Кусков работающему рядом Слободчикову и похлопал рукой по бревну, только что вставшему в частокол. – У любой крепости стена – главное для обороны дело. А что бы ты, Сысой Иваныч, мог еще предложить для этой самой обороны?

Иван Александрович развернул перед Слободчиковым чертеж крепости на плотной бумаге. Сысой немного задумался, изучая его, а потом изрек:

– Вот здесь намечены по углам башни с напольной стороны. В них, думаю, надобно сделать стрельницы пошире. Не для ружей только, но и чтобы ствол пушечный тоже прошел.

– Добро, – согласился Кусков. – А как нам укрепить ворота? Не поставить ли воротные башни? Ведь всякий штурм крепости начинается с ворот. А?

– Башни у ворот ставить не следует, но вот пушки по обе стороны их – это будет не лишнее. Да и сами крепостные ворота надо делать как можно крепче.

– Пожалуй, пожалуй, Сысой Иваныч. Пушки у ворот надо поставить. Ведь один их вид будет говорить о том, что у нас оборона серьезная.

– Да, да, – кивнул Сысой. – Я не знаю, будут ли наши пушки в кого-нибудь стрелять, но ставить надо. Пусть все знают, что они у нас есть. И всегда наготове.

– Мне и самому не хочется, чтобы пушки наши стреляли. Разве что по случаю салюта. Но... береженого Бог бережет. Ис-

панцы вот в гости собирались. Не дай Бог им вооружить и уговорить какие-то тухошние племена индейцев против нас, как бывало на Ситхе.

– А что внутри, за стенами у тебя намечено строить в первую голову? – спросил Слободчиков.

– Вот здесь храм наш православный срубим. Я отцу Никодimu обещал. Потом колодец выроем, поставим складские сараи. Сами же пока в палатках поживем. Дома потом срубим. Тебе же, Сысой Иваныч, с Христофором Бензemanом надлежит завтра же с попутным ветром отплыть на «Чирикове» в Ново-Архангельск. Вот праздник там будет! Александр Андреевич ждет, поди. Я вас и оставил-то для того на сегодня, чтобы вы на закладке доски и начале стройки были. Обо всем этом доложишь лично Баранову. У того сразу душа на месте будет, когда узнает о наших делах калифорнийских.

– Обо всем поведаю Александру Андреичу непременно, Иван Александрович, – сказал Слободчиков.

Тут троекратно ударили в железное било, висевшее на перекладине «глаголем», возвещая о начале обеденного часа, и все работные люди потянулись к сбитым из досок столам возле временной поварни, за которые уселись все вместе, как и работали.

Женщины-индианки подавали каждому в деревянных мисах еду, разносили хлеб и лепешки.

Одна из девушек поставила мисы с едой перед Иваном Лихачевым и Фёдором, пришедшими с топорами из леса. Иван сразу узнал ее – девушку из племени вождя Валениллы, которая еще при первой встрече обратила внимание на Фёдора. Иван толкнул друга локтем.

– Смотри, Федя, а ведь это зазнобушка твоя. Помнишь?

– Какая еще зазнобушка? – будто не понял Фёдор, увлеченый едой.

– Та самая, которая тогда при первой встрече на тебя заглядывалась. И сейчас глядит. Видно, люб ты ей, Федя.

– Ну и пусть глядит, – проворчал на друга Фёдор. – Чего пристал-то?

– Так ведь полюбила, видно, она тебя с того первого раза. А ты на нее и не смотришь даже. Нехорошо, Федя. Поговори с

ней, да на свиданку сегодня сходи. Они тут недалече в своих шалашах обитают.

— Чего говорить-то? Я ни одного слова по-ихнему не знаю, — отнекивался Фёдор.

— Ты чего, Федюх? — засмеялся Иван. — Тут никаких слов и не надо. Смотри, она и одета-то во все голое.

— Да ладно тебе.

— Ладно мне будет, когда ты с ней близко сойдешься. Когда уснешь на ее смуглой груди.

— А ты сам-то чего сидишь? Сделай, как мне советуешь, а я за тобой так же сделаю, — предложил Фёдор.

— Пока Алёну не найду, то ни на кого смотреть не буду. А найду, так и тем более, — сказал Иван, поднимаясь.

После трапезы, когда многие уже вышли из-за стола, Фёдор все же заговорил с индианкой.

— Тебя как зовут-то? — спросил он.

Она пожала голыми плечами и замотала головой, радостно улыбаясь при этом.

— Ну, вот я — Фёдор, Федя, Фе-дя, — ткнул он себя в грудь пальцем. — А ты?

И он хотел также ткнуть в ее обнаженную грудь, да спохватился.

— Фенья, Фенья, — проговорила девушка, все так же улыбаясь.

— Да не Феня, а Федя! Феней-то я тебя звать буду... А я — Федя. Поняла?

— Федя, — повторила медленно индианка и, смеясь, закивала головой. — Федя... мой...

— Ничего себе, — удивился и тоже засмеялся Фёдор, — сразу же и твой. Эх, ну будь по-твоему, зазноба моя... Твой я, Фена, твой...

...После рабочего дня в палаточном лагере было тихо. Люди отдыхали. А вот во временных шалашах индейцев, что стояли недалеко от русских палаток, было, напротив, людно и шумно. Слышалось оттуда даже хоровое пенье...

...Возле одного из шалашей собралась толпа индейцев, на-

блудая, как два их соплеменника играли в гадательную игру. Игроки сидели на корточках, а между ними была расстелена козья шкура, на которой лежала кучка тонких строганых палочек. Один из игроков брал в руку маленький камушек, прятал руки за спиной, перекладывая камушек из ладони в ладонь, а затем обе руки протягивал перед соперником, предлагая ему отгадать, в каком кулаке находится камушек. Если тот угадывал, то брал несколько палочек из кучки на козьей шкуре, ежели нет, то палочки доставались сопернику. Так и играли до тех пор, пока все палочки не кончались или переходили к одному из игроков. Проигравший все палочки мог ставить на кон любую из своих вещей и продолжать игру.

Болельщики каждого из игроков бурными возгласами приветствовали отгадки и хором пели песни во всё время, пока шла игра.

В толпе зрителей стоял и Фёдор, внимательно наблюдая за игрой рядом со своей индианкой Феней.

И вот, когда очередной проигравший встал с корточек, Фёдор вдруг сел на его место. Индейцы восторженно загаддали, и игра, сопровождаемая хором поющих зрителей, началась вновь.

Она сперва шла с переменным успехом, но потом Фёдор стал то и дело проигрывать. Сначала он проиграл все палочки и, решив отыграться, положил на кон свой картуз. Но проиграл и его. Потом по очереди он лишился куртки, рубахи, сапог и, наконец, штанов. Оставшись в одних подштанниках, думал недолго.

– Эх, ядрена-матрена, была не была! – махнул рукой Фёдор.
– Давай!

И опять проиграл.

А счастливый индеец вскочил и заплясал на месте, но недолго он плясал, а вскоре опять сел на корточки и пригласил на игру очередного соперника.

Фёдора же увели в тростниковый шалаш, откуда он вышел без своих холщовых подштанников, но в набедренной повязке из кроличьих шкурок и какой-то травы. К нему подошла Феня.

– Федья мой, – сказала она и улыбнулась своей белозубой улыбкой.

— Вот теперь я и вправду твой, Феня, — заговорил Фёдор с девушкой. — Только как я домой-то пойду? А, Фень? Не поверят ведь. Пойдем-ка, разукрась меня. И буду я совсем твой, — и Фёдор жестами показал индианке, что надо сделать с его лицом и телом.

Та что-то сказала своим подругам, и те сразу же принялись за дело в одном из шалашей. Они натерли ноги и все тело Фёдора какой-то темной глиной, намазали ею лицо и лоб, разрисовав разноцветными красками, а волосы собрали на темени в пучок, воткнув в него деревянную заколку. И стал Фёдор совсем как индеец.

В таком виде он и пошел в свой палаточный городок...

...Иван Лихачев занимался в палатке сортировкой и описанием образцов, добытых им на берегу океана камней. Он раскладывал их по полочкам небольшого стеллажа и отмечал что-то в толстой книге. Увлеченный своим занятием, Иван не заметил, как в палатку кто-то вошел, а когда он поднял от книги голову, то увидел стоявшего у входа индейца.

— Чего тебе, брат? — спросил Иван.

— Федья, Федья, — проговорил индеец.

— Фёдора? Федю ищешь? Нету его тут, — замотал головой и замахал руками Иван.

— Федья, Федья, — не отставал индеец.

Иван встал и подошел к незваному гостю.

— Нету Феди... Не-ту, — терпеливо стал объяснять он. — Ушел он к вам в деревню. Туда, туда... К зазнобе своей.

Иван жестами показывал хлопающему глазами индейцу, куда ушел Фёдор.

— Федя — я, я — Федя, — стоял на своем индеец. — А ты — Ваня... Ты че, Иван, разуй глаза-то!

Только тут Иван догадался, кто стоял перед ним, и схватил стоявший у стеллажа батожок.

— Ну, Федька, погоди!

Но Федька ждать не стал. Он стремглав выбежал из палатки и бросился к своей, откуда вскоре послышался громкий хохот ее обитателей.

Глава восьмая

Комендант испанского форта Сан-Хосе капитан Пабло Муньос был просто в бешенстве, когда узнал от пришедших пешком домой и еле живых своих солдат, бывших на задании с лейтенантом Лопесом, о случившемся с отрядом бедой и о гибели лейтенанта.

Он даже не мог сидеть и бегал по кабинету, крича и размахивая руками:

— Опять эта белая девка! Надоело! Не могу больше о ней слышать! Сколько можно терпеть! Надо что-то предпринять! Сейчас и немедля! Надо просто поймать ее! Доставить сюда, в крепость!

Капитан Муньос велел денщику позвать дежурного офицера, а когда тот явился, то приказал ему собрать всех свободных от караульной службы солдат. Потом сам вышел к ним, выстроенным на плацу перед комендантским домом.

— Вы, конечно, уже знаете, — громко говорил капитан, — что индейцами разбит наш отряд лейтенанта Лопеса, а сам он погиб, выполняя мое задание. Всему виной опять та же самая белая девка — славянка и вождь племени макома. Я решил, что такое нельзя оставлять безнаказанным. Нам надо поймать эту девку и привезти ее сюда, чего бы это нам ни стоило. Мы отомстим макома за лейтенанта Лопеса. Я сам поведу вас.

Денщик подвел к Муньосу коня, и вскоре через распахнутые настежь ворота отряд испанских всадников во главе с комендантом вышел из крепости на поиски индейского племени макома.

Алёна была в своей хижине, когда к ней зашла Манефа.

— К тебе прибежал гонец от вождя береговых мивока Валениллы, — доложила она.

— И что ему надобно?

— Сам говорить будет.

Алёна вышла из своей хижины и вопросительно глянула на стоявшего у входа индейца.

— Вождь Валенилла зовет вождя макома Шасту и ее людей помочь белым людям строить их деревню.

– А кто эти белые люди? Откуда они пришли? – спросила гонца Алёна.

– Они пришли с северной стороны побережья. Говорят, что из холодных мест. А больше я ничего не знаю. Наш вождь всё знает.

– А где будет их селение?

– На земле мивока. На берегу океана, у трех холмов, между которых течет наша река. Так решил вождь Валенилла при встрече с начальником пришельцев.

– А как звать начальника белых людей? – с надеждой в голосе поинтересовалась Алёна.

– Того не знаю. Слытал только, как наш вождь называл их начальника апихайбо Иван, – вспомнил гонец.

– Хорошо, – кивнула Алёна. – Ступай и передай нашему вождю Валенилле, что мы придем помочь завтра.

Индеец поклонился и побежал прочь, а Алёна взволнованно сказала Манефе:

– Чует мое сердце, Маня, что там наши. Их начальника звать Иваном. Может быть, это Иван Александрович Кусков. Он не раз сюда с Ситхи хаживал.

– Дай-то Бог, – перекрестилась Манефа. – Хотя у русских, поди, каждый второй Иваном зовется.

– Будем надеяться, что всё-таки это наши пришли сюда, и сейчас же собираться начнем. Зови в мою хижину стариков и шамана Вывака. Совет держать будем.

Но Алёна не успела даже зайти в свое жилище. К ней побежали несколько мужчин и заговорили сразу все, перебивая друг друга. Голоса их были тревожны и, говоря, они показывали руками в сторону дальних холмов на ровной долине.

– Что они говорят? – спросила Алёна Манефу.

– Они говорят, что вон там, на дальнем холме, появился дым. В той стороне есть наш дозор, где ты сама установила. Дозорщики шлют сигнал. Стало быть, на нас идут испанцы.

Алёна взгляделась вдаль и там, почти у самого горизонта, увидела сама тонкую струйку дыма, идущего вверх от вершины холма.

– Да... Это сигнал опасности. К нам жалуют испанские сол-

даты, и видно, что хорошего от них нам ждать нечего. Уходим немедля! – крикнула Алёна.

– Куда? – спросила ее так же громко Манефа.

– Уходим на реку мивока, в ту сторону, откуда прибежал гонец от ВАлёниллы! К русским! Все конные воины, ко мне! Захватить луки и стрелы, а у кого есть – ружья! Все другие, с женщинами, детьми и стариками, быстро в путь к океанскому берегу! Скажи Вываку, что он поведет людей, да пусть ничего с собой не берут! И побыстрее! А мы с воинами будем всех прикрывать и идти следом. Время есть, но немного. Бог даст – успеем! Надо успеть.

Поселение племени макома пришло в движение. Забрав детей, стариков, мужчины и женщины побежали прочь от обжитых хижин. Возглавил шествие шаман Вывак. Оставшиеся воины на конях, с луками и стрелами, окружили своего вождя. Среди них и Манефа, которая не захотела оставлять Алёну.

– Мы будем двигаться за нашими людьми в отдалении и уведем солдат в сторону, если в том нужда будет. Или примем бой! – крикнула воинам Алёна. – Все готовы?!

– Готовы!

– Готовы!

– Готовы! Веди нас, вождь Шаста! – закричали в ответ воины макома.

– Так! – утверждающе еще раз громко сказала Алёна и тронула своего вороного коня вслед убегающим людям ее племени.

Отряд испанских солдат с капитаном Муньосом во главе подъехал к деревне индейцев макома, но обнаружил лишь пустые тростниковые хижины. Куда ушли индейцы – долго не могли понять испанцы: то ли скрылись в лесу, то ли ушли за реку. Искали следы повсюду, объезжая поселение, пока кто-то из солдат не крикнул капитану:

– Сеньор капитан, они ушли в эту сторону! Здесь видны конские следы!

– Вперед! – скомандовал Муньос.

И отряд поспешил дальше. Но приходилось иногда и оста-

навливаться, сверяя свой путь со следами коней убегающих индейцев...

...А индейцы макома всё дальше и дальше уходили от преследовавших их испанских солдат. Оборачиваясь назад, они видели, что воины их племени на конях и во главе с вождем едут следом и готовы их защитить, если понадобится. Но никто из соплеменников все равно не сбавлял быстрого шага, почти бега...

И вот уже показались вдали палатки русского лагеря и островерхие индейские хижины в стороне от них... Уставшие люди макома, увидев это, побежали еще быстрее, но видно, что из последних сил.

Алёна подала рукой команду своим воинам спрятаться на склонах двух лесистых холмов. Воины спрыгнули с коней и, прячась за деревьями, изготовились к бою с испанцами... И вот уже первые стрелы полетели в сторону солдат. Те резко остановились и тоже увидели впереди лагерь русских. Испанцы сделали несколько выстрелов в сторону засевших за деревьями индейцев, но уже не решились больше преследовать их. Они развернули коней и поехали прочь. Воины макома спустились с холмов и поскакали к русским палаткам. Впереди всех на своем вороном коне неслась к лагерю Алёна...

...Иван Лихачев стоял у частокола, вооруженный штуцером. Он сжимал его в руках, когда прибежала к палаткам толпа индейцев и когда прискакали всадники во главе с беловолосой женщиной в индейском одеянии, что было поразительно видеть.

Волосы женщины развевались на ветру, и она так была похожа на его Алёну, что Иван бросился к ней и схватил за узду потного коня. Тот резко встал, высоко задрав голову, и Алёна едва не вылетела из седла, а, спрыгнув на землю, широко открытыми глазами смотрела на Ивана и ничего не понимала. Так они оба стояли несколько мгновений, замерев от неожиданности.

Первым очнулся Иван:

– Алёна?!

– Ванечка, – прошептала Алёна и упала без чувств на руки Ивана.

Очнувшись в палатке, куда бережно ее перенесли, Алёна увидела перед собой Ивана Александровича Кускова и своего Ванечку. У самого входа на корточках сидела ее верная Манефа.

– А тятя мой где? – спросила она тихим голосом.

– Батюшка твой, Алёна, ушел на «Чирикове» в НовоАрхангельск с провизией, что мы закупили в Сан-Франциско. Сюда ждем его где-то в августе.

– Стало быть, я и тятеньку увижу. Все будто во сне, в какойто сказке. Вот ведь как Господь устроил. Не верится даже в такое, что я вас тут всех нашла. Но это мне по молитвам дано. Я ведь каждый день думала о вас и молилась.

– Да и нам тоже не верилось, когда испанцы толковали нам о какойто женщине-славянке – вожде индейцев, – сказал Кусков. – И кто бы мог из нас подумать, что это ты – наша Алёна.

– А где про меня говорили испанцы?

– В миссии Сан-Франциско, куда ходили мы недавно с отцом твоим. Так что о тебе мы наслышаны. Только понять не могли: кто это такая – калифорнийская славянка, что страх находит на испанцев.

– Они изверги. Индейцев за людей не считают. Убивают... – заговорила Алёна. – А индейцы такие же люди, как и мы...

– Все так, Алёнушка, – остановил ее Кусков, – но довольно об испанцах. Сказывай-ка лучше, как ты тут очутилась?

Алёна ненадолго задумалась.

– Меня увез пират Гельбер на своем судне.

– Мы это знаем.

– Он грозил продать меня где-то в порту на побережье... Но недалеко отсюда мы попали в страшную бурю. Судно разбилось, и я очнулась на прибрежных камнях. Вышла на берег и – прямо чудо какое-то – увидела индейцев. Они унесли меня в свою деревню и просили быть их предводительницей. А я и согласилась.

– Индейцы попросили тебя? – спросил Иван удивленно.

– Да... Незадолго перед тем у них умер старый вождь, и они молились в тот день своему морскому богу о даровании им нового вождя. Тут я и явилась перед ними, да еще прямо из волн морских. К тому же всех белых людей в этом племени макома исстари почитают как богов.

– Но ты же и слова по-ихнему не знала! – опять удивленно сказал Иван.

– А мне вон Манефа помогала, – показала Алёна на сидевшую у входа подругу. – Она помощница моя во всех делах моих. Сама с Кадьяка, и тоже была пиратами увезена в эти края и продана в испанскую семью в каком-то форте. Но потом она от них сбежала и пристала к племени макома.

– Больше я тебя, Алёна, от себя никуда не отпущу, – твердо произнес Иван.

– Нет, Ванечка, а как же люди мои? Кто им поможет? Кто же их защитит?

– Ныне они под нашей защитой, Алёна, – сказал Кусков. – И так будет всегда, пока мы здесь. Так им и передай, пусть знают.

– Всё равно я их так сразу оставить не могу. Надо вот новые хижины построить. Мы ведь убежали от испанцев и всё-таки, в селении, бросили. Да мужчины наши дозорщики где-то ходят. Надо искать будет, ибо не ведают они, где мы теперь находимся.

– Поможем, Алёна, в твоих заботах. Одну не оставим. Селийтесь рядом с нами. Пусть твои индейцы страха не имеют. И провизией тоже поможем, – пообещал Кусков.

– А ведь мы тоже собирались вам помогать крепость строить. Гонец ко мне был от вождя мивока Валениллы. Так что поможем, чем сможем. За помощь же в обустройстве нового селения премного будем благодарны, Иван Александрович.

– Но уходить-то тебе от своих индейцев когда-никогда всё равно придется. Не будешь ведь ты у них вечным вождем, – сказал Иван.

– Я знаю, Ванечка, и каждый день думаю об этом. А как сделать – ума не приложу.

– Придумаем что-нибудь, – уверенно произнес Иван.

– Придумаем, придумаем, – согласился Кусков.

Алёна поднялась с постели, оглядела всех и решительно сказала:

– А теперь... Вы простите меня, Ванечка, Иван Александрович, но мне надобно к людям моим. Поглядеть, что да как. А потом я опять к вам приду, и мы еще поговорим.

– Надо так надо, – сказал Иван. – Теперь и на душе благодать, что ты жива-здорова.

– Маня, собери старейшин наших, – обернулась Алёна к Манефе, и они вышли из палатки.

Глава девятая

На стройке русской крепости людно и шумно: стучат топоры, кричат люди, визжат пилы. Слышится «Эй, взяли!», «Эй, еще разок!» на таске новых бревен и подъеме их на срубы. Только теперь бревна волокут еще и на лошадях, которых отдала строителям Алёна. Подводится под крышу храм, возле которого хлопочет отец Никодим со своим дьяконом Василием. А когда наступил час отдыха и перерыв в работе, к нему робко подошел Фёдор-рудознатец.

– Батюшка, – сказал он – дозволь слово молвить.

Отец Никодим глянул на Фёдора несколько удивленно.

– Да кто же тебе запрещает, брат Фёдор? Говори, с чем пришел.

– Так это... – подбиравая слова, молвил рудознатец. – Жениться я, батюшка, надумал.

– Ну что же... Дело это богоугодное. Приходи с невестой, когда храм построим... А кто она, невеста? – заинтересовался отец Никодим. – Мы вроде наших девок сюда не брали.

– Она из местных... Так что некрещеная невеста-то. Вот она. С собой привёл, Феней звать.

Из-за спины Фёдора выглянула, а затем вышла индианка, почти что голая, лишь в одной повязке вокруг темнокожих бедер.

– А-а, – заулыбался отец Никодим. – Как же я сразу не догадался. Конечно, конечно, сперва окреститься ей надобно, потом приодеться, да и под венец. Платье для нее найдем. А она-то согласна ли?

– Согласна, согласна. Мы уже и у вождя ихнего были, и у Ивана Александровича Кускова я разрешения спрашивал. Всё по согласию.

– Тогда завтра и приходите в нашу походную церковь, – кивнул отец Никодим в сторону стоявшей рядом палатки, над которой возвышался православный крест. – Окрестим твою невесту. А храм достроим, тогда и обвенчаем. Согласна ли? – спросил отец Никодим девушку.

И хотя она ни слова не поняла, но заулыбалась и закивала головой:

– Федья мой, Федья мой.

– Да твой я, Феня, твой... Никуда теперь не денешься...

...После многотрудного дня Алёна и Иван сидели, обнявшись, в палатке рудознатцев, у входа которой снаружи устроилась прямо на земле Манефа.

– Я так тебя ждала, Ванечка, так ждала, – говорила Алёна. – Надеялась и молилась.

– А я искал тебя повсюду. У всех мореходов, которые к нам в Ново-Архангельск заходили, спрашивал. И тоже молился, Алёнушка.

– Вот Господь и услышал наши молитвы. Ведь это просто чудо – так нам повстречаться. Такое бывает только по велению Божьему.

– Все так, Алёнушка, – согласился Иван. – Сказано ведь в Писании, что пути Господни неисповедимы... Теперь нам думать надобно, как вместе быть и больше никогда не разлучаться.

– А я уже придумала, Ваня, – вдруг сказала Алёна.

– Придумала? – удивился Иван. – А ну, сказывай немедля!

– Тятенька мой ушел с продуктами на «Чирикове» домой, в Ново-Архангельск.

– Знаю. Ну и что?

– Иван Александрович Кусков мне сказывал, что тятя сюда опять придет в августе. Загрузит здесь провизии и пойдет на Гавайские острова. Тамошний король давно зовет его через иностранцев компанейских. Много соли обещал дать. А оттуда тятя опять в Ново-Архангельск пойдет.

– Ну и что же? – всё еще не понимал Иван.

– Как что, Ваня! Мы с тятей пойдем на те острова, потом на

Ситху. Мне охота маменьку повидать да брата с сестрицей. Я по ним соскучилась, да и тятеньку тут не увидела.

— А как же твои индейцы? Как ты с ними расставаться будешь?

— Я стариakov с шаманом соберу и скажу им, что меня отец мой, а для них бог морской, обратно к себе зовет. И уйду опять в океанские волны. Это для них понятно будет.

— А для нас? Где нам-то быть с отцом твоим?

— Все просто, Ваня... Ты меня где-нибудь за скалой на баркасе ждать будешь и на судно тятино доставишь... Хорошо я придумала?

— Куда как добро. Но что мы с тобой в Ново-Архангельске делать будем?

— Опять сюда придем. Здесь мне больно уж понравилось.

— Мне тоже место сие по душе пришлось. А ежели увидят тебя здесь индейцы твои?

— Тогда у меня будет другая жизнь, Ванечка. С тобой. И у них тоже, с новым вождем. Да и далеко они от нас жить будут. Времени же много пройдет, и всё изменится. Но главное, что они под защитой наших людей будут. Лучшего я им дать ничего не могу.

— Всё так, Алёна. Только вот как дело-то мое рудознатское? Ты об этом подумала?

— А как же. Конечно, подумала. За тебя тут твой помощник Федя останется. Мы о том с Иваном Александровичем договоримся, я думаю.

— А Манефа? Что с ней будет?

— Она тут, в крепости жить останется. Может, замуж тут за кого выйдет. Может, на Кадьяк захочет вернуться – дело ее. Она свободна.

— Какая ты у меня ладная да рассудительная.

— Потому что люблю тебя, Ванечка. И не хочу больше с тобой расставаться.

— И я тоже, Алёнушка... А не забыла ли ты, что мы с тобой недовенчались?

— Как такое забыть можно, Ваня? Потому ты завтра к отцу Никодиму пойдешь, поговоришь о нас.

– Вот скоро церковь достроят, тогда и обвенчаемся. С батюшкой уже и Фёдор говорил. Тоже венчаться хочет с невестой из местных индейцев.

– Вот здорово! Сразу две пары под венец. А может, и больше будет. Дай-то, Господи, чтобы все так случилось.

Глава десятая

Двухсаженной высоты стены из заостренных бревен, плотно прижатых друг к другу, башни с пушками, широкие ворота, тоже с пушками по обе их стороны, дом правителя, казармы для промысловиков, церковь с колокольней – всё это и есть русская крепость на калифорнийском берегу Великого океана. Строительство новой оседлости велось все летние месяцы восемьсот двенадцатого года, и к последним дням августа она была готова. Да еще за стенами ее был разбит большой огород и распахано такое же большое поле.

В крепости много народа: русские, алеуты, индейцы. Все они веселы и довольны делом рук своих, и все в ожидании главного события сегодняшнего утра – открытия нового форта, у которого пока даже и названия нет.

А в доме Ивана Александровича Кускова собрались в этот час его ближние люди: Сысоий Слободчиков, недавно пришедший с острова Ситхи, Тимофей Тараканов, Иван Лихачев с Алённой, отец Никодим с матушкой Верой и сам Иван Александрович с супругой своей Екатериной Прохоровной.

– Ну что, други мои, – заговорил Кусков. – Начнем вершить дело наше... Благослови, отец Никодим.

– Господь благословит, – ответил батюшка и крестным знамением осенил Кускова.

Тот взял свой картуз, положил в него свернутые в трубочки бумажки, перемешал их рукой и вытряхнул на небольшой столик перед иконой Спасителя.

– На одной бумажке написано мною «Славянск», – сказал при этом Кусков. – На другой – «Росс»... А теперь – помоги, Господи...

Иван Александрович перекрестился и взял одну из бумажных трубочек. Затем развернул ее и громко произнес:

– Росс! Слава тебе, Господи! Крепость наша отныне называется Росс! Форт Росс!

После сего Кусков вместе с бывшими с ним людьми вышел на крыльце своего дома и прошествовал к середине крепостной площади, где стояла врытая в землю высокая мачта.

Народ окружил Ивана Александровича и отца Никодима. Батюшка прочитал молитву, потом окропил святой водой русский флаг, закрепленный на шнуре мачты. Затем Кусков обратился к стоявшим вокруг него людям:

– По воле Спасителя крепость наша отныне зовется Россом. Крепость Росс! Форт Росс! Наша русская оседлость на калифорнийском берегу. Запомним, други мои, и потомкам нашим передадим, что в тридцатый день августа восемьсот двенадцатого года мы подняли здесь русский флаг как знак того, что Отечество наше, мать Россия, утвердились на сих американских берегах. И трудиться здесь и жить будем мы для пользы Отечества нашего и всех племен и народов, землю сию населяющих. Так что с Богом, братцы!

Кусков подошел к мачте, потянул за тонкую, но крепкую бечеву, и флаг с двуглавым орлом стал медленно подниматься вверх по шесту. Тут же ухнули пушки, салютуя флагу, зазвенел колокол на колокольне церкви Святой Троицы. Люди стреляли из ружей, кричали «ура!» и обнимались: всеобщее ликовение охватило всех.

Когда флаг утвердился на мачте, Кусков вновь поднял руку, прося тишины.

– А теперь я, коммерции советник Кусков, имею честь по воле его императорского величества наградить друзей и соседей наших, вождей здешних племен коренных жителей Америки, медалью «Союзные России»... Первому я вручаю медаль сию другу нашему вождю мивока Валенилле!

Под громкие крики одобрения собравшихся Кусков возложил круглую медаль с лентой на грудь своего старого приятеля.

– Награждаю союзников наших – вождей Чугуана, Амматина, Гемлеле! И вождя макома Шасту!

И опять под громкие возгласы Кусков надел ленты с медалями вождям окрестных племен.

— Отныне вы и ваши племена — союзные России, и да будет дружба вечной между нами!..

...Тут же, за длинным, сколоченным из красноватых сосновых досок обеденным столом на торжественную трапезу уместились почти все. А кому там показалось тесно, расположились обедать прямо на земле.

Выкатили по такому случаю бочку с вином, которого тоже хватило всем, и веселье за столом было всеобщим.

Русские песни сменялись индейским песнопением и танцами. И летела широко над фортом Росс песня-гимн российских мореходов, которая именно сейчас была здесь уместна как никогда:

Ум российский промысла затеял,
Людей вольных по морям рассеял,
Места познавати,
Выгоды искати,
Отечеству в пользу,
В монаршую честь.
Бог всесильный нам здесь помогает,
Славу россов всюду подкрепляет,
Только обозрели,
Вскоре обселили
Полосу важну
Земли матерой.

Допев гимн до конца, хор промышленных подошел к тому месту, где за столом сидели Иван Александрович Кусков, Сысоий Слободчиков да Иван Лихачев с Алёной и, явно обращаясь к ним, громко грянул державинского «Заздравного орла». Написанная знаменитым русским поэтом «в память фельдмаршалам Суворову и Румянцеву», эта застольная песнь русских воинов тоже подходила к сегодняшнему празднику:

По северу, по югу
С Москвы орел парит,
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребяты,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем не победимы:
За здоровье ваше пьем.

Орел бросает взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Все бывают челом ему.

О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцев и Суворов!
За столько славных боев:
Мы в память вашу пьем!

Орел глядит очами
На солнце с высоты;
Герои под шлемами –
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вам, русски амазонки.
Вы в мужестве почтены,
Вы в нежности любезны:
Здоровье ваше пьем!

Поблагодарив, Кусков вместе с отцом Никодимом встали из-за стола и подошли к певцам.

– Ну что, братцы! Свершили великое дело! – громко сказал Кусков.

- Свершили, Иван Александрович!
- Свершили, ваше благородие!
- С Божьей помощью! Так!
- Теперь обживать сей край будем!
- Будем, братцы, будем! И любопытно мне то, кто будет обживать... Вот ты откуда родом? – обратился Кусков к одному из стоявших мужиков с большой бородой.
- Вологодские мы. Из Устюга Великого.
- Устюжанин? Стало быть, земляк мой. А ты знаешь, откуда я? – неожиданно спросил бородача Кусков.
- Знаю, ваш-бродь. Из Тотьмы.
- Точно так, брат-земляк. Ну, а ты? – спросил другого Кусков.
- Из Иркутска...
- Тобольский я.
- Костромской, из Галича.
- Тоже почти земляк мой.
- Точно так, ваш-бродь.
- Из Курска, рыльские мы.
- Ну вот, братцы, – сказал довольный Кусков, – а все мы русские люди. Собрались с разных краев матушки Руси. А еще мы с вами теперь русские американцы и пришли сюда надолго. Так что, как сказано в Писании: «Плодитесь и размножайтесь». Ищите себе невест, а батюшка наш, отец Никодим, благословит на это каждого из вас. Верно, отец Никодим?
- Вернее не бывает, Иван Александрович. Дело сие богоугодное и на пользу Отечеству нашему.
- Будем стараться, Иван Александрович!
- Будем!
- Будем! – ответили мореходы и первые насельники Росса Кускову и отцу Никодиму.

Глава одиннадцатая

Хижины макома временно поставили на берегу реки недалеко от русской крепости. Так решили Алёна и Валёнилла.

А еще вождь Шаста поведала шаману Вываку и старейшинам, что отец зовет ее к себе и она скоро должна к нему уплыть. Когда же это случиться, она и сама не знала...

...И вот настал день, когда Алёна с Манефой и маленьkim Вуком пришли на океанский берег и долго стояли в молчании, обдуваемые морским ветром. Но настало время прощания, и Алёна обняла Манефу.

– Прощай, Маня, – сказала она при этом. – Передайте вместе с Вуком шаману Вываку, что бог океана позвал меня сегодня. Вук подтвердит. А еще скажи, что я оставляю племя макома на его, шаманово, попечительство. Потом Вывак пусть соберет старейшин и они выберут себе нового вождя. Достойные же люди в племени есть среди его воинов. Перед выбором пусть помолятся в своей священной пещере. Передай еще, что русские люди форта Росс не оставят их в беде. И всякий раз, когда на то потребность будет, пусть идут сюда, в крепость, к самому правителью Ивану Александровичу Кускову. Он обещал мне заботиться о них. А обо мне пусть не печалятся – я скоро буду у отца моего.

– Всё передам, вождь Шаста, всё сделаю так, как ты велишь, – сказала Манефа со слезами на глазах. – Прощай, Алёна... Храни тебя Господь.

Затем Алёна поцеловала маленького Вука и пошла по мелководью к прибрежным камням, а от них поплыла за скалы, где ждали ее баркас и Иван Лихачев с матросами. Взяв Алёну, баркас поплыл к стоявшему недалеко «Чирикову». Приняв всех на борт, корабль поднял паруса и поплыл в море-океан.

Манефа и Вук стояли на берегу у самой воды даже тогда, когда Алёна скрылась за скалами в морских волнах. На глазах Вука тоже были слезы. Манефа обняла маленького индейца, и они пошли прочь от океанского берега...

...В тот же день и час Иван Александрович Кусков с женой своей Екатериной Прохоровной сидели на высоком морском берегу у самой стены форта Росс.

Вдалеке по водному простору проплывал парусник. Это Сысой Слободчиков пошел на Гавайские острова, а оттуда и на Ситху.

Кусков помахал паруснику рукой, хотя с корабля его вряд ли кто мог видеть. Иван Александрович обнял жену за плечи.

– Вот так и будем мы с тобой, Катенька, отныне встречать да провожать корабли и... мечтать.

– А о чем мечтать?

– О том, что когда окончится здесь моя служба, то вот так же, на таком же паруснике поплыvем мы с тобой в Россию, к отеческим берегам... Ко мне в Тотьму, на Сухону-реку. Я только тем и живу в мечтаниях своих... Но это будет не скоро, как Бог даст, а пока я еще здесь послужу любезному Отечеству нашему – Святой Руси.

Вологда, 2007 – 2010 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

ЧАСТЬ I

Глава первая,	5
Глава вторая	11
Глава третья.....	14
Глава четвертая	16
Глава пятая.....	25
Глава шестая.....	32
Глава седьмая	40
Глава восьмая	45
Глава девятая.....	51
Глава десятая.....	54
Глава одиннадцатая.....	58
Глава двенадцатая	71
Глава тринадцатая.....	77
Глава четырнадцатая	86
Глава пятнадцатая.....	94
Глава шестнадцатая	101
Глава семнадцатая.....	108
Глава восемнадцатая	119
Глава девятнадцатая	123
Глава двадцатая.....	134
Глава двадцать первая.....	140

ЧАСТЬ II

Глава первая	145
Глава вторая	158
Глава третья.....	164
Глава четвертая	169
Глава пятая.....	175
Глава шестая.....	178
Глава седьмая	191
Глава восьмая	196

Автор благодарит
за помощь в издании книги
Губернатора Вологодской области
Позгалева Вячеслава Евгеньевича,
Вологодское областное отделение
Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»,
членов Попечительского совета
Меднова Тимура Валентиновича
(руководитель холдинга «Золотой ключик»),
Мельникова Алексея Александровича
(директор ЗАО «ВПЗ»),
Чуранова Сергея Авенировича
(генеральный директор ОАО «АвтоВАЗ-Салон»)

**Александр Алексеевич Грязев
Калифорнийская славянка**

Редактор Т. Ю. Прилежаева

Художественное оформление обложки –

О. О. Бороздина

Корректор Н. В. Жукова

Дизайнер М. В. Москвинова

Ответственный за выпуск Т. Ю. Прилежаева

Формат 60x90/16. Печать офсетная. 19 п. л.

Подписано в печать 10.07.2011. Тираж 1000 экз.

Заказ 82.

**Издатель ИНП «ФЕСТ».
160009, г. Вологда, ул. Мальцева, 52.**

**Отпечатано: ООО ПФ «Полиграф-Книга».
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.**

